

СТАЛИН:

операция «ЭРМИТАЖ»

Юрий Жуков

ВАГРИУС

Юрий Жуков
Сталин:
операция «Эрмитаж»

Юрий Жуков

СТАЛИН: ОПЕРАЦИЯ «ЭРМИТАЖ»

Москва «Вагриус» 2005

УДК 882-94
ББК 84.Р7
Ж 86

Художник — Е.Л. Вельчинский

Жуков Ю.Н.

Ж 86 Сталин: операция «Эрмитаж» / Юрий Жуков — М. : ВАГРИУС, 2005. — 336 с. : ил.

ISBN 5-9697-0026-6

В книге автор продолжает разоблачение уже устоявшихся в массовом сознании мифов о событиях, происходивших в СССР в 20—50 гг. прошлого столетия. На сей раз предметом для анализа Ю.Жуков избрал распространенный тезис: «Большевики разграбили и распродали бесценные сокровища царской России».

Используя архивные документы, большая часть которых остается все еще засекреченной, автор доказывает, что продажа за границу предметов искусства и антиквариата была мерой вынужденной и послужила одним из источников финансирования финансируемой индустриализации страны.

УДК 882-94
ББК 84.Р7

Охраняется **Законом РФ** об авторском праве

ISBN 5-9697-0026-6

© Жуков Ю.Н., 2005
© Оформление. ЗАО «Вагриус», 2005

Время от времени все без исключения крупнейшие музеи мира расстаются с чем-либо из своих собраний, продают картины и старую китайскую бронзу, средневековые изделия из серебра и саксонский фарфор, скульптуры. Хранители расстаются с экспонатами по разным причинам, но чаще всего из-за того, что постоянно испытывают острую нужду в деньгах на установку новейших систем охраны, на приобретение того, чего, по их субъективному мнению, нв достаёт во вверенных им собраниях, наконец на элементарное — зарплату.

Разумеется, подобные сделки совершаются в глубокой тайне.

Открыто перемещаются из рук в руки, из страны в страну произведения искусства, находящиеся в частных коллекциях. Потому-то существуют, процветают, принося своим владельцам огромную прибыль — десять процентов от суммы сделки, аукционные фирмы «Сотбис», «Кристис» и иные, менее известные.

Так было всегда — после возникновения коллекционирования и появления первых музеев — начиная с эпохи Возрождения. С той поры никого не возмущала продажа творений великих именитых и безымянных мастеров. Все, абсолютно все, включая самых консервативных по взглядам искусствоведов, считали существующую практику не только вполне естественной, но и оправданной, даже необходимой, но при соблюдении одного-единственного неперменного условия. Произведения искусства, перемещаясь по миру, всегда должны оставаться доступными для людей.

Только раз продажи музейных сокровищ вызвали шумный скандал. Правда, с полувековым запозданием.

С началом «перестройки» на страницах огромных по тиражам, весьма популярных журналов «Смена», «Огонёк», в любимой интел-

лигенцией «Литературной газете» вдруг, словно по мановению волшебной палочки, стали появляться статьи под кричащими заголовками: «Гребёж», «Продажа», «Распродажа»... Их авторы не просиживали месяцами и годами в архивах, не отыскивали ранее никому не известные документы. Поступали гораздо проще. Всего лишь вольно пересказывали чужие мысли, чисто академическое исследование профессора Гарвардского университета Роберта Уильямса «Русское искусство и американские деньги». Нейтральные сухие факты обильно сдабривались желчными нападка на советскую власть, цитатами из выпущенного в нацистской Германии в 1936 году, явно при поддержке Геббельса или Розенберга, пропагандистского опуса «Разрушающие свою Родину». Авторы «сенсации» стремились к одному — во что бы то ни стало попасть в унисон с вышедшей за пределы допустимого модой на уничижительную оценку событий, происходивших в нашей стране начиная с 1917 года.

Сознательно умалчивали, что продажу антиквариата в СССР никогда не скрывали, писали о ней и в газетах двадцатых—тридцатых годов, и в пухлых статистических ежегодниках «Внешняя торговля СССР» вплоть до 1960 года. Не раскрывалась лишь коммерческая тайна: что именно и за сколько, кому продано.

Сознательно умалчивали авторы того, что прежде вежливо называлось пасквилями, ради чего элители Советского Союза продавали за рубеж произведения живописи и ваяния, прикладного искусства прежде всего из собраний «Эрмитажа», на что были потрачены доллары, фунты стерлингов и рейхмарки, которые удалось выручить советскому Внешторгу.

Чтобы усилить негодование читателей, сформировать у них ненависть к собственному прошлому, преднамеренно преувеличивалось количество проданных за рубеж сокровищ искусства. Для этого жонглировали цифрами гигантскими, в тоннах, не объясняя, что имеется в виду отнюдь не вес собственно холстов старых мастеров, вес скульптур или тончайшего французского фарфора, а цифры «брутто», то есть вес товара вместе с упаковкой. Применительно к картинам — вес не столько полотна, сколько подрамника, рамы, которые обычно в сотни раз тяжелее самого холста, да ещё и контейнера либо ящика со стружкой, в которых и перевозили произведения живописи.

Сегодня, когда открылись многие архивы, впервые стало возможным рассказать всю правду о том, что же продал Советский Союз в конце двадцатых — начале тридцатых годов, сколько выручил за картины Веласкеса и Рафаэля, Рубенса и Яна Ван-Эйка. И на что же потратил эти деньги...

Всему свое время, и время
всякой вещи под небом:
...время разбрасывать камни,
и время собирать камни.

Книга Екклесиаста. 3, 5.

ЛЕНИН И ЭЛЕКТРОФИКАЦИЯ

ДАЕШЬ ТОК!

ВОЛКОВСТРОЙ

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ИСКУССТВО?

КОММУНИЗМ ЭТО
СОВЛАСТЬ + ЭЛЕКТРОФИКАЦИЯ

Есть события, которые долго, очень долго заставляют помнить о себе, ибо оказываются решающими, поворотными в истории.

Таковыми в XVIII столетии стали реформы Петра I, вздыбившие, перевернувшие спящую долгим сном Русь. Даже сегодня многое привычное для нас при ближайшем рассмотрении оказывается порождением той бурной первой четверти XVIII века. Великолепный, привлекающий и очаровывающий туристов всего мира город на Неве и первая русская газета, регулярные армия, флот и отечественные наука, просвещение...

С неиссякаемой энергией Петр ломал закосные обычаи, торопился нагнать упущенное страной время и сделать Россию великой, ни в чем не уступающей соседям державой. При этом не забывал он и того, что осталось от прошлого, не отбрасывал без разбора все подряд.

Заставляя россиян брить бороды, прятать в сундуки дедовские шубы и шапки, Петр в 1714 году основывает первый в стране музей — Кунсткамеру. Сюда требует он доставлять — для назидания взрослым, обучения юношей — все наиболее интересное, оригина-

нальное. А спустя четыре года появляется царский указ, сохранявший юридическую силу 200 лет и потому перепечатававшийся всеми изданиями «Полного собрания законов Российской империи»:

«Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: камни необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, також бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи, понеже не видав положить нельзя цены»¹.

А через несколько лет появляются еще два более конкретных и строгих приказа:

«Во всех епархиях и монастырях и соборах прежние жалованные грамоты и другие куриозные письма оригинальные, такожде и исторические, рукописные и печатные книги пересмотреть и переписать губернаторам и вице-губернаторам и воеводам и те переписные книги прислать в Сенат»². «Куриозные вещи которые находятся в Сибири, покупать сибирскому губернатору или кому где надлежит настоящею ценою и, не переплавливая, присылать в Берг- и Мануфактур-коллегию»³.

Было ли это охраной памятников? Конечно же, да. Правда, на взгляд неискушенного современника то, о чем писал Петр, может даже показаться скучным и неинтересным — как предметы из археологических раскопок в наименее посещаемых залах музеев. Но «неискушенный» человек упустит в этом случае самое важное.

Прежде всего именно эти петровские указы впервые сформулировали и закрепили непреложное требование: с величайшим тщанием и бережливостью относиться ко всему, что составляет вещественную

память о прошлом, ценить значимость памятников для науки, народа, страны.

Кроме того, что же могли охранять в те далекие годы? Картины? Но их еще не было, как не было художественных изделий из бронзы и фарфора. Не было ни старых гравюр, ни павловской и александровской мебели из карельской березы и красного дерева. Всему этому еще только предстояло появиться. Даже столь ценимые ныне как произведения искусства иконы XV—XIII веков еще не потеряли своей изначальной позолоты, блеска и свежести.

Конечно, было бы просто великолепно, если бы уже тогда стали охранять будущие памятники зодчества и живописи, собирать произведения бытового искусства. Насколько расширились бы наши представления об этом далеком времени! Но на то, чтобы осознать, что же является памятником культуры, каким должен быть его минимальный возраст, потребовалось два столетия.

И все же стремление осознать свое прошлое, сохранить память о нем берет свое начало в XVIII веке. В 1725 году великий преобразователь скончался, но дело его с успехом продолжили «птенцы гнезда Петрова». Уже через несколько лет коренным образом меняет свои функции Оружейная палата в Москве. Почти двести лет — с 1547 года — она ведала изготовлением, покупкой и хранением запасов оружия, предметов дворцового обихода, руководила строительными и живописными работами. Отныне все эти дела передавались в различные коллегии — предшественники министерств, а сама Оружейная палата постепенно становится вторым государственным музеем — хранилищем исторических памятников и археологических редкостей.

Чуть позже изучением памятников прошлого начинает заниматься русский государственный деятель, историк Василий Никитич Татищев. Работая над давно задуманной книгой, первой в отечественной науке

«Историей российской с самых древнейших времен», он составляет и рассылает по губерниям инструкцию для сбора географических, этнографических и, что наиболее интересно в данном случае, археологических сведений.

Инициативу Татищева подхватила Академия наук. Ее не удовлетворяет изданный в 1745 году на двадцати картах Большой атлас России. Чтобы дополнить новое издание, а заодно получить материал для исторического труда Татищева, Академия в 1759 году затребовала у Синода сведения обо всех церквях и монастырях, их планы и историю. А спустя двенадцать лет Екатерина II, изымая земли у монастырей, требует подробного описания всего монастырского имущества. Так была сделана первая попытка создать свод наиболее древних в стране собраний рукописей, икон и различных произведений прикладного искусства.

Но не следует переоценивать эти распоряжения. Выполнялись они далеко не всегда и, конечно же, не полностью. А кроме того, власти предержащие еще не думали об охране памятников истории и культуры так, как думаем об этом сегодня мы. Тогда ими владел не столько интерес к художественным достоинствам вещей, сколько стремление прибрать к рукам материальные ценности, а заодно и попытаться привести в соответствие со своими потребностями всевозможные юридические акты.

Эстетическое отношение к произведениям искусства зарождается лишь в конце все того же XVIII века, при Екатерине II.

Россия, величайшая держава мира, должна иметь и достойный ее блеск, богатство, а петербургский двор не должен ни в чем уступать паришскому, лондонскому, венскому. И вот под Петербургом создается вскоре прославивший себя великолепными изделиями императорский фарфоровый завод, а в 1762 году освобождается от строительных лесов здание ныне всемирно известного Зимнего дворца.

Екатерина обживала новое, еще пахнущее свежей штукатуркой и краской здание. Для его украшения она выписывала из Европы мебель, фарфор, бронзу. Но дворец оставался неудобным, слишком огромным для одного человека. И императрица решила устроить укромный, интимный уголок, где она могла бы встречаться с друзьями, беседовать о возвышенном и прекрасном. Так родился Эрмитаж. Здесь Екатерина держала личную библиотеку, а стены украсила купленными у берлинского антиквара 225 картинами преимущественно голландской и фламандской школ — возникла первая в нашей стране картинная галерея.

Подражая во всем императорскому двору, знать столичная да и провинциальная пыталась не отстать в погоне за внешним лоском. Корабли из-за границы доставляли в Россию не только модные туалеты, но и мебель, гравюры, картины, предметы декоративного убранства. Те же, кто не мог или не хотел приобретать французские, английские, немецкие изделия, использовали своих крепостных, из-под рук которых выходили не менее привлекательные диваны-«самосоны», удобные кресла, придиванные столы на одной ножке и сложнее по конструкции секретеры. Появились и первые отечественные светские живописцы — Рокотов, Левицкий. Они создавали фамильные портреты, запечатлевая на века лица знати «галантной эпохи». Все это украшало строившиеся именно в те годы столичные особняки и многочисленные, разбросанные по глухим уголкам усадебные дома.

Так вместе с попытками сохранить остатки седой древности в стране начало появляться и то, что спустя несколько десятилетий стало для коллекционеров завидным объектом собирательства, вызвало у ученых горячее и бескорыстное желание сохранить, обезопасить от искажений и разрушений. Шло накопление культурного фонда страны. Но пока еще никто не считал

его художественной ценностью — для той поры это естественно.

Вместе с ростом общей культуры нации, становлением науки выявляется и более глубокий, подлинно научный интерес к памятникам прошлого.

В начале XIX века Комитет министров рассматривал вопрос уже не об оплате раритетов вроде костей ископаемых животных, а о мерах по сохранению памятников культуры и старины — остатков греческих городов и генуэзских крепостей в Крыму, обнаруживаемых (пока еще случайно) античных скульптур, гробниц. А вскоре Академия наук предприняла и плановые, методические раскопки по всему Причерноморью, или, как оно тогда называлось, Новороссии.

Лучшие умы страны все отчетливее понимали, что государство нуждается в писаной истории, сохранении традиций — словом, в связи времен. Доселе единичные, не связанные последовательной идеей указы начали приобретать отчетливо выраженную целенаправленность. Под влиянием деятельности Академии наук, первых отечественных историков 31 декабря 1826 года по «высочайшему повелению» Николая I управляющий министерством внутренних дел В. Ланской разослал циркуляр, согласно которому требовалось «собрать немедленно следующие сведения по всем губерниям: 1) в каких городах есть остатки древних замков и крепостей или других зданий древности и 2) в каком они положении ныне находятся».

Помимо этого строжайше воспрещалось «таковые здания разрушать», ответственность за что возлагалась на всех «начальников городов и местных полиций»⁴.

Тем же циркуляром были затребованы планы исторических зданий, сведения о них: кем и когда эти здания построены, из чего, при каких обстоятельствах разрушились, что интересного из вещей в них еще со-

хранилось, возможна ли реставрация. Словом, пункт за пунктом именно то, что и на сегодняшний день является обязательным при составлении паспорта памятника архитектуры.

Поступившие в столицу сведения легли в основу изданной в 1839—1841 годах солидной книги «Материалы для статистики Российской империи».

Огромный интерес к истории логично привел и к возникновению археологических обществ, задавшихся целью способствовать выявлению памятников прошлого нашей страны. Первым было создано в 1839 году Одесское археологическое общество. Появление его на осваиваемом юге не случайно. Ведь именно там, в Новороссии, сохранились остатки древнегреческих городов, многочисленные курганы кочевых народов, позволявшие реконструировать самое интересное, с точки зрения историка той поры, — жизнь классической эпохи.

А в 1846 году археологическое общество было создано и в Петербурге. Очень быстро из узкого кружка коллекционеров — любителей нумизматики да памятников античности — оно превратилось в подлинно ученое собрание. Изменились и его первоначальные цели. Закрепивший их устав подчеркивал, что общество «имеет предметом своих занятий исследование по памятникам древности и старины преимущественно отечественной, и распространение в России археологических сведений вообще»⁵.

Все это позволяло надеяться, что отныне судьба памятников искусства и старины, представляющих объект изучения археологов, — и развалины греческих городов-полисов, и скифские курганы, и древние церкви Новгорода, Киева, Пскова, Владимира с уникальными фресками и иконами — в надежных руках. Как много могли бы сделать ученые, объединенные общностью целей и интересов, опирающиеся на пусть и весьма несовершенные законы!

Но этого не произошло.

И Одесское, и Петербургское археологические общества активно способствовали лишь выявлению и научному описанию отдельных памятников старины. Подчеркивая свой сугубо частный характер, независимость от государства, они не желали вмешиваться в судьбу памятников даже под угрозой их гибели — ведь те находились в ведении либо государства в лице Синода, министерства внутренних дел, либо частных лиц.

Не изменилось положение и после создания в 1859 году при министерстве императорского двора Археологической комиссии. Это была первая в нашей стране государственная организация, в обязанности которой входило:

«1) разыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россиею; 2) собирание сведений о находящихся в государстве как народных, так и других памятников древности; 3) ученую оценку открываемых древностей»⁶.

Археологическая комиссия была создана для двух целей: с одной стороны, для контроля над всеми археологическими раскопками (ей передавалось преимущественное право на все находки, которые следовало отправлять в Эрмитаж), с другой стороны, ради научной опеки над этими древностями. Но как можно было осуществлять опеку, если не предусматривались в качестве одной из функций комиссии каталогизация и описание выявленных памятников, законодательно не подтверждалось право контроля во время ремонта и реставрации памятников зодчества и живописи? К сожалению, даже такую фактически фиктивную опеку комиссия могла распространить лишь на памятники, которые находили на казенной и общественной земле. Все же остальное, обнаруженное на частной земле, оставалось вне пределов ее компетенции.

Словом, несмотря на большой интерес передовых кругов страны к памятникам старины, отношение к ним государства по-прежнему было равнодушным. Характерным примером подобного отношения стала судьба Коломенского кремля.

В 1848 году главноуправляющий ведомством путей сообщения и публичных зданий представил императору доклад. В нем предлагалось, дабы предупредить несчастные случаи, пришедшие в ветхость крепостные стены в Коломне снести, оставив лишь три башни. К удивлению чиновников, Николай I с этим не согласился. Приказал «стену эту непременно поддерживать» и составить смету на ее ремонт. Однако столь требовательный и придирчивый к исполнению своих приказаний, Николай I так ни разу и не вспомнил о распоряжении относительно творения зодчих.

Почти двадцать лет продолжалась переписка между различными ведомствами, изыскивались источники финансирования ремонта кремля в Коломне. К концу переписки речь шла о сохранении уже только двух башен и части стены.

Пока «вопрос» рассматривался в инстанциях, коломенское городское общество приняло собственное решение — остатки стен снести полностью, а кирпич продать с торгов как строительный материал. Однако Археологическая комиссия, по положению призванная отстаивать спасение Коломенского кремля, не имея никаких прав и полномочий, вынуждена была лишь произвести обмеры еще сохранившейся части архитектурного ансамбля.

Снос кремлевских стен был все же остановлен. Вмешался московский генерал-губернатор князь Долгоруков. А уговорили его, упросили это сделать члены созданного в 1864 году Московского археологического общества. Они, в отличие от коллег из Петербурга и Одессы, пытались предпринять хоть что-то для спасения отечественных памятников культуры.

Не случайно второй пункт повестки дня 1-го археологического съезда, открывшегося в начале марта

1869 года, призывал решить: «Какие должны быть приняты меры к сохранению и приведению в известность памятников как языческой, так и христианской древности в России».

Выступавшие на съезде историк Сергей Соловьев, археолог Алексей Уваров и многие другие говорили о том, что разрушаются старые крепости и церкви, уничтожаются древние фрески и иконы, гибнут не только фамильные, но и государственные архивы, что для спасения памятников отечественной старины необходимо предпринять самые срочные и действенные меры. Нужен закон об охране памятников.

Спустя два года, в середине декабря 1871 года, в Петербурге открылся 2-й археологический съезд. На нем вновь сетовали на судьбу памятников русской старины. Уничтожены Троицкое подворье, церковь Богоявления. В Московском Кремле церковь Николая Гостунского, построенная XVI веке, снесена только ради того, чтобы на этом месте устроить плац для обучения солдат.

Варварские разрушения, ничем не восполнимые потери достигли таких размеров, что Уваров даже предложил ввести в изданиях Московского археологического общества специальную рубрику — «Археологический синодик», куда бы заносились известия о каждом разрушенном памятнике.

К сожалению, разговорами, благими пожеланиями ученые и ограничились. Они посчитали вполне достаточным выступить с предостережением, претворять же в жизнь их проекты должен был кто-нибудь иной, желательно облеченный официальными полномочиями.

Только в 1876 году Уварову удалось уговорить министра народного просвещения Толстого создать межведомственную комиссию, чтобы та рассмотрела вопросы защиты памятников старины. Председателем утвердили товарища (заместителя) министра внутренних дел князя Лобанова-Ростовского, а чле-

нами — представителей Синода, Археологической комиссии, Петербургского, Московского и Одесского археологических обществ, Академии художеств, Академии наук, обществ архитекторов и древнерусского искусства.

Работа комиссии заставила откликнуться то самое учреждение, которое и подвергалось наибольшей критике. 20 декабря 1878 года Синод принял определение, по которому епархиальным властям запрещалось производить самовольно, без предварительного одобрения специалистов — членов археологических обществ Петербурга или Москвы, какие-либо перестройки, ремонт или снос древних церквей и монастырей. Однако такая мера так и не стала гарантией спасения произведений зодчества допетровской эпохи.

Археологические общества с излишней сверхтребовательностью при определении научной ценности сооружений санкционировали снос целого ряда зданий XVII века, преимущественно деревянных построек на Севере. Среди них — церкви Преображенская в селе Кусяги Новолодожского уезда, Христорождественская и Сретенская в Архангельской губернии. С согласия, а вернее, при попустительстве специалистов была уничтожена церковь Богоявления, построенная русскими мастерами XV века в городе Остроге, варварски искажена церковь Иоанна Предтечи, сооруженная в начале XVI века в селе Дьякове под Москвой...

Бежали годы, десятилетия, а судьба творений зодчества все еще оставалась нерешенной. Тем временем в искусстве сменяли друг друга новые стили. Уже стали предметом научных изысканий произведения классицизма и ампира. Столь же настойчиво, как и творения безымянных в большинстве своем зодчих далекого прошлого, требовали охраны и дворцы, построенные по проектам Бове и Григорьева, Баженова и Казакова.

Незаметно расширялись и границы понятия «памятник». Наравне с потемневшими иконами, зачастую покрытыми поздними записями, поблекшими и сохранившимися лишь во фрагментах фресками Киевской Руси и Владимиро-Суздальского княжества теперь ценились уже и старые работы отечественных мастеров портрета, пейзажа и жанровой живописи XVIII — начала XIX века — Рокотова и Левицкого, Боровиковского и Кипренского, Брюллова и Орловского, Венецианова и Тропинина, Иванова. Немало оказалось в стране и произведений выдающихся европейских мастеров — Рембрандта, Рафаэля, Леонардо да Винчи, Рубенса, Ван Дейка, Гейнсборо, Фрагонара, Грёза...

Привлечение внимания к памятникам старины, их популяризация несли в себе и определенную опасность. Слишком быстро росло число коллекционеров. Еще вчера они вкладывали деньги только в ценные бумаги и предприятия, а сегодня, прознав о ценах на международном антикварном рынке, бросали свободные средства на приобретение старых и известных собраний, подлинность которых подтвердил не один специалист.

Лишь немногие из собирателей — Морозовы, Щукины, Носовы, Терещенко, Ханенко, Гиршманы — полюбили искусство, стали его изучать. Их интересовало все: мебель, картины, фарфор, иконы. Очень быстро они превратились в серьезных и опасных конкурентов Эрмитажа, Третьяковской галереи, Русского музея. Ведь у музейщиков, даже государственных, средства на пополнение фондов были строго ограничены, а миллионеры на свои коллекции денег не жалели. Коллекционирование стало модным и престижным, «доказательством» цивилизованности вчерашних купцов, придавало им европейский лоск.

Коллекционерские страсти подогревали и литературный рынок. Одна за другой выходили монографии, посвященные архитектуре XVIII и XIX веков,

роскошно изданные книги по истории живописи, об отечественных художниках.

Увлечение собирательством приняло такие размеры, что позволило искусствоведа П.П. Лазаревскому выпустить в 1914 году интересную и необычную книгу «Среди коллекционеров». Это были увлекательные истории из жизни собирателей, рассказ о том, что и как успели накопить они для своих домашних музеев. Но невольно Лазаревский, обладавший недюжинными познаниями, рассказывал и о том, как отличить получившие широкое распространение подделки от подлинников, где сохранились и еще можно приобрести интересные экземпляры — одним словом, наталкивал читателя на мысль о возможности приобщиться к миру коллекционеров, подсказывал, что именно можно собирать.

Ставшее модой коллекционирование зачастую спасало от распыления, а иногда и от гибели старые собрания. Концентрация же их в одних руках способствовала появлению уникальных частных музеев, чьи печатные каталоги сразу же вводили описанные вещи в научный оборот. Однако подобное собирательство таило в себе и постоянную угрозу для памятников.

Коллекционер-миллионер чаще всего видел в своем собрании произведений искусства лишь выгодное помещение капитала, которому не страшны никакие инфляции, биржевые бури с их падением курса, банкротствами и крахами. И потому при необходимости мог продать эти коллекции за рубеж.

Правда, такие случаи были крайне редки, но никто не мог дать гарантии, что новые собиратели не последуют примеру своих родовитых и титулованных предшественников, спустивших на аукционах Европы собиравшиеся несколькими поколениями коллекции. Ведь именно так ушли навечно из нашей страны лучшие картины из собраний Кудашёва, Чегодаева, Салтыкова, Кулешова, Фабрициуса, князей Сан-Донато и многих других.

В конце 1913 года пошло с аукциона у Жоржа Пти в Париже гигантское собрание западноевропейской живописи Деларова. Картины Монтаньи, Буа-льи, Фрагонара, Стена, Рембрандта, Буше, неоднократно выставлявшиеся в Лондоне, Берлине, Гааге и ни разу — в России, были увезены навсегда.

Ушла и единственная побывавшая в руках русского коллекционера картина Вермеера Дельфтского. По незнанию ее купил и, не разобравшись, что ему досталось, вскоре продал за рубеж обычно не ошибавшийся Щукин.

«Кто виноват в этом? — вопрошал журнал «Старые годы». — Кто: музеи или отдельные собиратели, государство или художественные общества?

К сожалению, здесь виноваты все»⁷.

Негативные последствия собирательства, в которое вовлекалось все большее число людей, начали сказываться и на судьбах наиболее доступных тогда объектов коллекций — икон. В немалой степени их расхищению и даже гибели, утрате ценнейших образцов мелкой пластики способствовала сама православная церковь. Ведь не кто иной, как Синод в своем определении 1878 года обязывал «епархиальные власти, чтобы они не иначе приступали к поправкам, переделкам и уничтожению памятников, как по соглашению с одним из ближайших к месту их назначения археологическим или историческим обществом»⁸.

Подводя своеобразный итог многочисленным случаям варварских искажений, продаж в частные руки, уничтожения бесценных сокровищ древнерусского искусства, в январе 1912 года журнал «Старые годы» отмечал:

«Ярко вырисовывается крайне отрицательная роль, которую играет наше духовенство в деле сохранения старины. Все те, кому пришлось близко столкнуться с ним в этой области, на основании горького опыта подтверждают, что оно в своем художественном невежестве — главный враг доверенных ему худо-

жественно-исторических ценностей, враг тем более опасный, что он действует с полным убеждением в своей правоте»⁹.

Все усиливавшаяся критика вынудила Синод смириться с необходимостью создания в ряде епархий своеобразных надзирательных органов: общественных, светских по характеру организаций, целью которых стало «собрание документальных и вещественных материалов», раскрывающих историю православной церкви в данной местности. В 1908 году такие церковно-археологические общества существовали в 23 епархиях.

Наконец в октябре 1909 года в Петербурге все те, кому было дорого культурно-историческое наследие, образовали Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Его основной целью стало стремление перейти от становившихся бессмысленными, по сути, выявления и популяризации замечательных творений искусства к их действенной охране:

«Препятствовать разрушению, поддерживать и способствовать сохранению в России всех памятников, имеющих художественную или историческую ценность, независимо от эпохи создания их. Архитектурные постройки, памятники кладбищ, картины, бронза, фарфор, скульптура, гравюра, предметы художественной промышленности — все это подлежит сохранению и защите. С этой целью общество имеет в виду широкую пропаганду для развития в массах уважения и любви к предметам старины и искусства... В случае, если каким-либо памятникам искусства и старины грозит гибель, общество будет вступаться в защиту их как ходатайством перед соответствующими ведомствами и учреждениями, так и путем воззвания к публике в газетах и журналах»¹⁰.

Общество возглавили искусствоведы Врангель, Троницкий, Романов, Вейнер, Курбатов, Верещагин;

художники — Бенуа, Грабарь, Добужинский, Рерих, Лансере; архитекторы — Фомин, Щусев.

Благодаря их горячей и бескорыстной заинтересованности работа общества на протяжении пяти лет складывалась как из традиционных, так и из новаторских мероприятий. Многие из них оказались более плодотворными, нежели долголетние попытки правительства, государственных и общественных организаций.

Так, общество добилось от военного ведомства передачи ему ценного творения Чарлза Камерона — дворца Разумовских в Батурине, а в августе 1911 года приступило к восстановлению здания, завершеного два года спустя. Начало оно и реставрацию Ферапонтова монастыря, в том числе его Рождественского собора — сокровищницы фресок кисти великого Дионисия.

Попыталось общество заняться и выявлением заслуживавших охраны картин, находившихся в частных собраниях. С этой целью провело три художественных выставки: в 1911 году — творений Венецианова и Кипренского, в 1913-м — произведений из бывшей коллекции великой княгини Марии Николаевны. Всего лишь три экспозиции позволили продемонстрировать, какие колоссальные художественные ценности таятся в частных руках, лишней раз привлекли внимание к проблемам судеб памятников искусства.

К сожалению, все начинания общества прервала война.

Надежды и свершения

---

28 февраля 1917 года монархия в России навечно ушла в прошлое. Страна, народ озабоченно пытались решить жизненно важные проблемы. Продолжать войну или заключить мир? Как справиться с продовольственным кризисом? Как, когда и на каких условиях решить земельный вопрос?

Перед теми, кто посвятил себя охране памятников культуры, встала еще одна проблема: как распорядится революция сокровищами, собранными во дворцах императорской фамилии и еще вчера считавшимися частной собственностью?

Сырым субботним утром 4 марта 1917 года мальчишки на улицах Петрограда и Москвы, да и всех городов России, распродали газеты за несколько минут. На первых полосах сероватых листов, резко пахнущих керосином, самым крупным шрифтом, какой только нашелся в типографиях, были набраны два сенсационных материала.

Это были манифесты об отречении от престола Николая II и его младшего брата Михаила Александровича, ставшего хоть на сутки, но императором. Последним в династии Романовых: Михаилом II.

Сомнений больше нет – революция свершилась. Но что будет дальше? Этот вопрос волновал всю бескрайнюю Российскую империю.

Близкую к искусству интеллигенцию беспокоил еще один вопрос: кто и как, в какой степени возьмет на себя ответственность за сохранение памятников культуры, многочисленных музеев и галерей? 1 марта было сформировано Временное правительство, сохранившее практически без изменений структуру царского Совета министров. Лишь в одно министерство – императорского двора – так никто и не был назначен. Контроль за этим ведомством взял на себя комиссар Временного правительства Николай Николаевич Львов, тем самым как бы давая понять, что это учреждение, управлявшее десятками царских и великокняжеских дворцов в Петрограде, Царском Селе, Гатчине, Петергофе, Ораниенбауме, Москве, Варшаве, Крыму, Беловежской пуще, музеями – Эрмитажем, Русским (императора Александра III), Оружейной палатой, Херсонесским и Керченским археологическими, — весьма скоро ликвидируется.

Скорее всего, именно это обстоятельство и заставило Горького собрать 4 марта 1917 года в своей квартире на Кронверкском наиболее видных представителей интеллигенции — художников А. Н. Бенуа, И. Я. Билибина, К. С. Петрова-Водкина, Е. Е. Лансере, певца Ф. И. Шаляпина, редактора популярного журнала «Аполлон» С. К. Маковского.

Бенуа вспоминал: «В первые дни все, казалось, принимает благополучное направление. От груды рухнувшей машины художественной бюрократии не доносилось ни единого звука, и казалось, что весь штат обслуживающих ее лиц погиб под развалинами. Между тем Временное правительство не обнаруживало в первые дни ни малейшего интереса к искусству и как будто вовсе забыло, что существует целое богатство и сложное министерство, имеющее к нему касательство.

Нужно было, во-первых, уберечь от возможной гибели чисто материальную часть бывшего царского, а теперь ставшего народным имущества... Безотлагательности же требовала грозившая опасность захватов, вандализмов и просто безрассудства»¹¹.

6 марта горьковская группа, назвавшая себя Комиссией по делам искусств, выработала обращение к Временному правительству, Государственной думе и Петроградскому Совету. На первое место она выдвинула категорическое требование незамедлительно принять меры для охраны памятников искусства и старины, как можно скорее особым юридическим актом объявив культурно-историческое наследие национальной собственностью. Ею было подготовлено знаменитое, ставшее на долгие годы для страны программным воззвание:

«Граждане!

Старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит народу.

Граждане, берегите это наследие, берегите дворцы, они станут дворцами вашего всенародного искус-

ства, берегите картины, статуи, здания – это воплощение духовной силы вашей и ваших предков.

Искусство – это то прекрасное, что талантливые люди умели создать даже под гнетом деспотизма и что свидетельствует о красоте, о силе человеческой души.

Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы – все это ваша история, ваша гордость. Помните, что все это почва, на которой вырастает ваше новое народное искусство»¹².

Вскоре обращение перепечатали многие газеты и журналы, его выпустили в виде афиш и расклеили на стенах зданий.

Инициативу горьковской группы, как ни странно, власти поддержали. Сменивший 8 марта 1917 года Львова комиссар Ф. А. Головин предложил ей официально именовать себя Особым совещанием по делам искусств. Председателем утвердили А. М. Горького, заместителем – А. Н. Бенуа и Н. К. Рериха. Спустя два дня они создали Комиссию музейную и охраны памятников – практически в том же составе, что и совещание. Правда, несмотря на возникшую принадлежность к Временному правительству, хотя и опосредованную, действовать она смогла только в столице и пригородах: ведь власть в стране уже начала распадаться.

Комиссия начала работу: добилась выселения роты самокатчиков, то есть солдат-велосипедистов, из Петергофского дворца, организовала охрану Ораниенбаума и приступила к вывозу наиболее ценных вещей в Эрмитаж. Однако она так и не сумела добиться того, ради чего и задумывалась. Уже 31 марта Бенуа отмечал:

«Будучи исключительно органом совещательным, постановления которого не обязательны и не имеют органической и юридической спаянности с комиссаром, оно неизбежно обречено на бесплодие. Одновременно опыт истекшего месяца со всей очевидно-

стью выяснил, что и комиссариат при унаследованном от старого режима аппарате подведомственных ему учреждений и при данном личном их составе не в силах справиться с открывающимися ныне грандиозными задачами»¹³.

Но наиболее сильный, смертельный удар в спину совещанию нанесли не чиновники, а такие же художники и архитекторы, писатели и поэты. Они, собравшись 12 марта в Михайловском театре, поспешили организовать собственный Союз деятелей искусств, под председательством молодого архитектора А. И. Таманова – известность он получит только в 1930-е годы, когда, уже как Таманян, станет создавать новый Ереван. Месяц спустя Союз вручил Головину ультимативное требование тут же распустить горьковскую группу как самозванцев и узурпаторов. Узнав об этом, члены Особого совещания заявили, что в таких условиях продолжать работу отказываются.

Добившись монопольных прав, Союз деятелей искусств поспешил взять на себя функции уничтоженной им организации. 30 апреля сформировал собственную Комиссию по охране памятников искусства и старины, назначив ее руководителем искусствоведа К. К. Романова. Тот, трезво оценив ситуацию в стране, реальную зону распространения власти Временного правительства (которому фактически не подчинялась даже Москва!), сразу же поспешил объявить:

«Рассуждать сейчас о том, что ценно, а что неценно, нельзя. Для этого надо иметь историческую перспективу». И потому возглавляемая им комиссия может лишь «защищать то, что требует немедленной защиты»¹⁴.

Немедленной защиты в те дни требовало очень многое. Только за май были разграблены дворцы в Царском Селе, Павловске, Петергофе, Ораниенбауме, дворец герцога Лейхтенбергского и один из залов Сената в самом Петрограде. Но культурным ценнос-

тям угрожала не только полупьяная, а зачастую и мертвецки пьяная толпа. Газета «Новое время» в июне несколько раз поместила объявление:

«Анонимное американское общество ассигновало 20 миллионов долларов для скупки в России старинных художественных вещей из золота, серебра, а также картин, бронзы, фарфора и вообще предметов искусства».

Комментируя объявление, Горький с возмущением писал:

«Организаторы этого начинания, видимо, учли смысл таких явлений, как разгром ворами дворца герцога Лейхтенбергского, возможность погромов крестьянством старинных дворянских усадеб и все прочее в этом духе... Не будет ничего удивительного в том, что разные авантюристы организуют шайки воров специально для разгрома частных и государственных коллекций художественных предметов. Еще меньше можно будет удивляться и негодовать, если напуганные «паникой», усиленно развиваемой ловкими политиками из соображений «тактических», обладатели художественных коллекций начнут сами сбывать в Америку национальные сокровища России, прекрасные цветы ее художественного творчества...

Мне кажется, — продолжал Горький, — что во избежание разврата, который обязательно будет внесен в русскую жизнь потоком долларов, во избежание расхищения национальных сокровищ страны и панической распродажи их собственниками, правительство должно немедленно опубликовать акт о временном запрещении вывоза из России предметов искусства и о запрещении распродаж частных коллекций прежде, чем лица, уполномоченные правительством, не оценят национального значения подобных коллекций»¹⁵.

Ту же позицию заняли руководитель Комиссии по охране памятников искусства и старины К. К. Романов, его заместитель В. М. Лопатин:

В середине июня на имя премьера Временного правительства князя Г. Е. Львова были направлены два письма-предложения. В первом из них, Лопатина, анализировалась причина катастрофической ситуации, сложившейся в стране, особенно в деревне, под воздействием революционных событий. Резко изменилось положение дворян, «в руках которых доселе были сосредоточены художественные и исторические ценности нашей Родины». Только это обстоятельство, объяснял Лопатин, и привело к тому, что «ежедневно поступают в продажу превосходные памятники искусства, не находящие соответственных покупательных сил внутри страны». А потому, продолжал автор письма, «естественно ожидать усиленного вывоза этих предметов за границу». Единственной же мерой, способной пресечь деятельность иностранных антикваров, может стать только закон, воспрещающий «вывоз из пределов России произведений искусств и памятников древности и старины».

Автор второго письма-предложения, Романов, не затрагивал ни социальных, ни экономических причин обострения проблемы, отмечал лишь сам вопиющий факт: массовую скупку иностранцами, в том числе и военнопленными (!), произведений древнерусского искусства – икон, складней, панагий и т. п., которые в ущерб интересам России распродают священники и монахи. Чтобы воспрепятствовать этому, Романов настоятельно просил «запретить отчуждение памятников искусства и старины, принадлежащих государству, церквям, монастырям, епархиям, а также ризницам и хранилищам»¹⁶.

Словом, все, как и прежде, упиралось в отсутствие нормального законодательства, определившего бы положение памятников. Такого законодательства, какое давным-давно, самое позднее более полувека назад, начало действовать во всех странах Европы. В цивилизованных странах, как мог бы написать в журнале «Старые годы» умерший в 1915 году искусствовед барон Николай Врангель.

Лишь российская власть – и прежняя, монархическая, самодержавная, и новая, республиканская, демократическая, — не желали принять очевидное. Необходимое.

Впрочем, новая власть начала создавать художественно-исторические комиссии для приемки движимого имущества упраздненных дворцовых управлений – Петроградского, Царскосельского, Петергофского и Гатчинского. Наиболее активной и вместе с тем показательной оказалась деятельность Петроградской комиссии, которую возглавил искусствовед В. А. Верещагин, один из издателей журнала «Старые годы».

Она сразу же обнаружила, что в Зимнем неоднократно побывали грабители, укравшие множество весьма ценных вещей. Однако начинать следствие городская милиция отказалась: слишком уж хлопотно было проверять несколько тысяч человек, прошедших через бывшую императорскую резиденцию. Ведь там помимо госпиталя для нижних чинов располагались еще и Совет министров, ряд общественных организаций. Более того, сам министр-председатель А. Ф. Керенский занял покои Александра III и пользовался историческими предметами, не возбранял того же и своему адъютанту.

Обнаружила Петроградская комиссия и иное. Слухи о якобы баснословных художественных сокровищах дворца оказались мифом. Из двух с половиной тысяч предметов, осмотренных Верещагиным и его коллегами-специалистами, лишь двести были признаны достойными занять место в музеях, все же остальное являлось заурядными образцами прикладного искусства, изготовленными в последнее десятилетие, демонстрирующее вопиюще дурной вкус своих прежних владельцев.

Но даже эту скромную деятельность в сентябре пришлось прервать. После сдачи немцам Риги Временное правительство во главе с Керенским считало вполне

возможной сдачу и столицы. И поэтому всем четверем художественно-историческим комиссиям поручили упаковать экспонаты Эрмитажа для отправки их в Москву.

...После установления советской власти могло сложиться впечатление, что памятники искусства и старины отныне больше никому не нужны, обречены на гибель, забвение. Ведь претендовавшие на роль выразителей большевистских взглядов поэты громко и гласно проповедовали откровенно нигилистическое, варварское отношение ко всей мировой культуре.

Так, в начале 1918 года сборники и журналы Пролеткульта десятками тысяч экземпляром тиражировали стихи рабочего поэта Владимира Кириллова:

Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты».
Во имя нашего Завтра сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

В газете «Искусство коммуны» — органе отдела изобразительных искусств Комиссариата просвещения Северной области — ему вторил Владимир Маяковский:

Белогвардейца
Найдете — и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
Пулям
По стенам музеев тенькать.
Стодужимовками глоток старье расстреливай!

К счастью, все это оказалось лишь эпатажем, сознательным преувеличением для усиления впечатления. Ни Кириллов, ни Маяковский, ни их соратники по Пролеткульту, по футуризму и не собирались уничтожать творение Растрелли — Эрмитаж, сжигать картины старых мастеров, разорять музеи.

Действительность оказалась иной.

Уже 7 ноября (25 октября) 1917 года Петроградский военно-революционный комитет (ПВРК) счел крайне необходимым назначить комиссаров по защите музеев и художественных коллекций, возложив эти обязанности на Бернгарда Давидовича Мандельбаума и Григория Степановича Ятманова. Прежде всего те поспешили обеспечить охрану Русского музея, оказавшегося в зоне возможных боевых действий, а на следующий день, уже вместе с художником А. Н. Бенуа, взяли под свой контроль Зимний дворец, добились вывода из него всех солдат и матросов, помогли Петроградской художественно-исторической комиссии 9 ноября возобновить нормальную работу.

Верецагину и его двоим помощникам пришлось заново оценивать состояние бывшей императорской резиденции и удостовериться в том, что этот уникальный памятник почти не пострадал. Правда, при проверке имущества по описям обнаружились новые утраты: коллекция оружия и монет Александра III, из золотого кубка, подаренного Петру I в Саардаме, вырвали его миниатюрный портрет...

Но могло быть и хуже. Ведь, как справедливо отмечал журнал «Аполлон» в редакционном комментарии, «еще до 25 октября ясно обозначилась неизбежность вооруженных столкновений. Не безумно ли было другой стороне, стоявшей в то время у власти, превратить в крепость драгоценные русские музеи?»

Но как бы то ни было, будущее петроградских музеев и дворцов требовало принятия самых решительных мер. И они последовали незамедлительно. 12 ноября нарком просвещения Луначарский подписал распоряжение, которым Зимний дворец объявлялся государственным музеем, а дальнейшая забота о нем возлагалась на Петроградскую художественно-историческую комиссию и Б. Д. Мандельбаума, назначенного правительственным комиссаром по охране художественных сокровищ дворца.

Неделей позже, 18 ноября, ПВРК уполномочил комиссию Верещагина начать официальный розыск похищенных вещей. Луначарский со своей стороны не только вторично юридически подтвердил существование всех четырех художественно-исторических комиссий, но и поручил им «работу по проверке описей, приемке дворцового и составлению художественно-исторического каталога всех выдающихся и заслуживающих внимания в художественном и историческо-бытовом значении предметов, находящихся в Зимнем дворце и других государственных дворцах Петроградского района, при участии правительственных комиссаров Ятманова, Мандельбаума и Игнатьева»¹⁸.

Между тем Верещагин с помощью выделенных ПВРК специальных нарядов частей гарнизона проводил массовые обыски в антикварных магазинах, ломбардах, лавках старьевщиков, на рынках. Вскоре многое украденное из Зимнего удалось найти. По свидетельству американского журналиста Джона Рида, кое-что было обнаружено в багаже иностранцев, уезжавших из России.

Завершились розыски похищенного только в конце января 1918 года, после ликвидации силами уже ВЧК шайки самозванных «князя и княгини Эболи», которые специализировались на кражах в Зимнем дворце.

Но еще раньше, 30 ноября, отлично понимая ответственность за свои действия, все четыре художественно-исторические комиссии приняли решение объединиться (правда, неофициально) и образовать так называемую Соединенную комиссию под руководством все того же В. А. Верещагина. Она-то и приступила к спасению брошенных на произвол судьбы владельцами художественных коллекций дворцов Шереметевых, Строгановых и других.

10 февраля 1918 года Соединенная комиссия официально объявила о своей опеке над дворцом Ше-

реметева на Фонтанке и направила в него своего комиссара Н. Г. Пиотровского.

Шереметевский дворец являлся не только памятником архитектуры XVIII века, но и хорошо сохранившимся бытовым памятником. Он отражал жизнь одного из самых богатых в России помещичьих родов во второй половине XVIII – первой половине XIX века, хранил память о живших в нем представителях отечественного искусства и науки И. и Н. Аргуновых, О. Кипренском, П. Вяземском. Здесь находился обширный архив рода Шереметевых, редчайшая коллекция русского оружия XVI–XVIII веков. Залы дворца украшали работы кисти Ф. Рокотова, Д. Левицкого, И. и Н. Аргуновых, Пуссена, Рубенса, многих иных известнейших живописцев.

Во второй половине февраля сотрудники Соединенной комиссии начали планомерное изучение дворцов столицы, хранивших художественно-исторические сокровища Мраморного дворца, дворцов великого князя Николая Михайловича, принца Ольденбургского. К счастью, ни летом, ни в дни октябрьских боев и юнкерского мятежа они совершенно не пострадали.

Наиболее уникальные вещи из этих дворцов перевозили в хранилища Зимнего, в Эрмитаж, Русский музей, остальные описывались и под расписку передавались на временное хранение комендантам зданий. Затем пришла очередь и общественных зданий: были осмотрены помещения министерств – иностранных дел, финансов, военного, а также Пажеский корпус, полковые музеи, находившиеся в Петрограде. Все наиболее интересное, ценное из них также перевезли в хранилище Зимнего дворца.

В марте настал черед и для частных собраний. Первой была взята под охрану государства коллекция ведущего специалиста по палеографии профессора Петроградского археологического института, помощника директора Публичной библиотеки, члена-корре-

спондента Российской академии наук Н. П. Лихачева. За долгие годы он сумел собрать уникальные образцы письменности всех времен и народов – от египетских папирусов и клинописных табличек древнего Междуречья до образцов почерков XIX века, а также водяные знаки бумажных фабрик всех стран Европы за четыре столетия, свыше шестисот русских печатей.

Следующей под охрану перешла коллекция живописи Т. Н. Мятлевой, насчитывающая свыше ста пятидесяти ценнейших холстов. Среди них оказались произведения французского портретного искусства XVIII века, работы таких прославленных мастеров, как Доре, Ван Лоо, Сильвестр, Биго, Даржилъери, Панини, Хальс и многих иных.

Затем охранную грамоту выдали на огромный дворец графа Бобринского. Эта чудом уцелевшая чуть ли не в центре столицы, на Галерной, классическая усадьба XVIII века была частично перестроена в 1823–1825 годах. Огромные художественные богатства, собранные несколькими поколениями Бобринских, уже через три месяца позволили приступить к созданию историко-бытового отдела Русского музея.

Наконец 11 марта 1918 года по предложению Г. С. Ятманова решено было взять под охрану произведения искусства, находившиеся в ораниенбаумских дворцах – Большом, Петра III, Китайском, Кательной горке.

Этим свои заботы о культурно-историческом наследии Соединенная комиссия не ограничила.

Она направила в Москву послание, выразив в нем озабоченность судьбою таких усадеб, как Кусково, Остафьево, Михайловское, и подготовила заодно список тех, которые следовало взять под охрану: Марьино и Выбити – в Новгородской губернии, Михайловское, Тригорское, Петровское – в Псковской, Полотняный Завод – в Калужской, Отрада, Архангельское, Ярополец, Никольское-Урюпино – в Московской...

Беспокойство комиссии было обоснованным: прошел год, как напуганные начавшейся революцией помещики бежали из усадеб, и все чаще доходили до столицы сведения о разорении и гибели дворянских гнезд. Крестьяне самовольно делили не только помещичью землю, инвентарь, но и имущество, среди которого были старинная мебель, музыкальные инструменты, фамильные портреты. Особая опасность угрожала семейным архивам, не представлявшим, с точки зрения неграмотного крестьянина, никакой ценности.

Многие в этой ситуации злобствовались, рассуждая о «гибели России», о «разочаровании в народе-богослужителе», который якобы еще «не дорос до революции». Лишь немногие понимали: этот приступ гнева крестьянства естествен, предопределен всем многовековым прошлым.

«Почему дырявят древний собор? – писал Александр Блок в знаменитой статье «Интеллигенция и революция» (январь 1918 года). – Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой.

Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа.

Почему валят столетние парки? – Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мощной, а дураку – образованностью»¹⁹.

И письмо, и список отражали как заботу Соединенной комиссии о сохранении историко-культурного наследия, так и ее неосведомленность, незнание того, что происходило вдалеке от столицы. А тем временем в провинции происходило то же, что и в Петрограде.

Так, II съезд Советов Рязанской губернии в конце февраля 1918 года среди прочих принял и резолюцию о народном образовании. А в ней отмечалось: «Принимая во внимание, что только народ, сознаю-

щий свои интересы и ясно представляющий свои цели, может спасти революцию и создать основы новой жизни, губернский учредительный съезд Советов постановил... создать Комиссию по охране искусств и библиотек»²⁰.

Сразу же сформированная комиссия направила своих «разъездных агентов» для осмотра усадеб. К сожалению, она опоздала. Как впоследствии вспоминал первый губернский комиссар просвещения Воронков, действовать пришлось в период погромов имений, сопровождавшихся таким наплывом антикваров из Москвы, что только в Раниенбургском уезде они образовали целый поселок, скупая картины, книги, мебель, бронзу, фарфор – все уцелевшее после уничтожения усадебных домов князей Кропоткиных, Шаховских, Волконских, Долгоруковых, графини Толстой, Семёнова-Тян-Шанского.

В сходном положении оказались весной 1918 года и другие губернские органы охраны памятников, возникавшие без каких-либо указаний или распоряжений из столицы в Орле и Смоленске, Владимире и Пензе, даже в далеком сибирском Томске. Их сотрудники, движимые лишь добровольно взятой на себя ответственностью, колесили по проселкам, спасали, везли в губернский центр все уцелевшее после «черного передела». И ведь находили, спасали, создавая на пустом месте первые в своем крае картинные галереи, художественные музеи.

По-иному развивались события в Москве, где инициатором сохранения культурно-исторического наследия выступили не специалисты-искусствоведы, а Московский Военно-революционный комитет. 19 ноября в его адрес поступило заявление рабочих и служащих имения князей Юсуповых Архангельское с просьбой сохранить его в полной неприкосновенности, сбереечь находившиеся в нем художественные богатства.

Это-то обращение и заставило МВРК обратить внимание на то, что в его руках оказались несметные

сокровища: Кремль с Оружейной палатой, Патриаршей ризницей, с привезенными в сентябре из Петрограда вещами Эрмитажа, Александровский дворец, ставший складом имущества, эвакуированного еще в 1915 году из императорских резиденций в Ловече (Польша) и Беловежской пуши.

Дабы обеспечить их безопасность, 26 ноября МВРК назначил художника Казимира Малевича комиссаром по охране ценностей Кремля, а Е. К. Малиновской, уже исполнявшей обязанности комиссара московских театров, поручили срочно создать комиссию по охране всех художественных, научных и исторических ценностей города.

Комиссию удалось сформировать через четыре дня. В нее вошли архитектор П. П. Малиновский, художники Е. В. Орановский и Д. А. Магеровский. Но успехи комиссии оказались весьма незначительными: перевезли из Александровского военного училища экспонаты его музея в Оружейную палату, библиотеку — в Румянцевский музей. Туда же, в Румянцевский музей, доставили и бесценную коллекцию древних рукописей и икон известного московского собирателя, купца-старовера Е. Е. Егорова.

Только в феврале 1918 года комиссия занялась подмосковными усадьбами — Кусковым, Останкином, Архангельским, — освободила их от незваных обитателей, установила надежную охрану; затем взяла под свой контроль городскую усадьбу Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке, Кутузовскую избу в Филях.

И тем не менее все, что делали возникшие органы охраны, оставалось лишь благим порывом энтузиастов, пусть даже облеченных необходимыми полномочиями, снабженных грозными мандатами, но бессильных. Они постоянно наталкивались на то же непреодолимое препятствие, которое так мешало их коллегам на протяжении столетий: на отсутствие закона, призванного ограждать культурно-историческое наследие от любых посягательств.

Как бы ни старались сотрудники Соединенной комиссии, переименованной в конце марта в Петроградскую коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, бесценные сокровища продолжали если и не гибнуть в огне погромов, то уходить из страны, причем вполне легально.

Газета «Петроградский голос» писала в номере за 20 марта 1918 года под страшным по смыслу заголовком — «Распродажа Петрограда»:

«За все время существования Петербурга не было в нем таких распродаж имущества, какие происходят теперь. Распродаются богатейшие специальные библиотеки по законоведению, медицине, архитектуре и т. д. и т. д., распродаются целые галереи картин, редкие коллекции, обстановка, утварь и пр. Распродаются не столько за отъездом, сколько из нужды в деньгах. Есть ли покупатели? Да, есть, но исключительно — в лице комиссионеров, действующих по поручениям из Берлина, Лондона, Нью-Йорка и городов других государств. Все, что покупается, будет в свое время вывезено за границу».

То же происходило и в Москве. Правда, не так открыто, менее заметно: ведь с марта город вновь стал столицей страны. Сюда переехали и правительство, Совнарком, и наркоматы, в том числе уже ставшая одиозной ВЧК. Она-то, вместе с отрядами латышских стрелков, очистила город и от полууголовников-анархистов, и от отпетых бандитов, грабителей, воров — всех, кого Временное правительство почему-то выпустило из тюрем.

В середине мая по столице поползли слухи о странных, малопонятных визитах германского посла графа Мирбаха в Староконышенный переулок, к княгине Е. П. Мещерской. Узнав об этом, один из руководителей Московской комиссии по делам музеев и охране памятников, крупнейший в стране знаток искусства Италии П. П. Муратов предположил, что посол охотится за жемчужиной княжеской фамиль-

ной коллекции живописи — за тондо, то есть круглой по форме картиной, XV века. Ее владелица настойчиво приписывала холст кисти самого Сандро Боттичелли. Муратов, посвятивший картине статью, опубликованную в 1911 году журналом «Старые годы», считал картину созданием одного из талантливых учеников великого мастера; но от этого тондо не теряло своей ценности.

Муратов поделился своими подозрениями с И. Э. Грабарем. Мещерская не просила у их комиссии охранной грамоты, как это делали очень многие коллекционеры, не составляла и не регистрировала описи своего собрания. А значит, нельзя исключить, что посол воспользуется трудным положением княгини, купит у нее тондо и спокойно вывезет в дипломатическом багаже.

Искусствоведы поделились своими опасениями с ВЧК, и чекисты тут же произвели у Мещерской обыск, изъяли коллекцию живописи и доставили на Лубянку. Однако среди шестнадцати холстов тондо школы Боттичелли не оказалось. Муратов и Грабарь, опасаясь, что картина уже перешла к Мирбаху, срочно подготовили проект декрета «О запрещении вывоза за границу картины Боттичелли (тондо)», утвержденного Совнаркомом 28 мая 1918 года.

Опираясь на этот юридический акт, Дзержинский долго беседовал с доставленной к нему Мещерской. Непростой для обоих «разговор» закончился счастливо — для Московской комиссии, для Грабаря и Муратова: тондо быстро «нашлось» и вскоре украсило собрание картинной галереи Румянцевского музея.

В тот же майский день, когда Совнарком встал на защиту редчайшего образца итальянской живописи эпохи Возрождения, Луначарский вынес на рассмотрение Большой государственной комиссии по просвещению, коллегии руководимого им наркомата, вопрос о состоянии музейного дела и охраны культурно-ис-

торического наследия. Он рекомендовал утвердить предложение петроградских искусствоведов о необходимости незамедлительно создать всероссийский орган, который занялся бы этим важным делом. Нарком добился единодушной поддержки.

28 мая 1918 года в структуре Наркомпроса РСФСР возник новый Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Возглавил его человек не слишком сведущий в подобных делах, но зато очень влиятельный: Наталья Ивановна Седова-Троцкая, жена второго человека в государстве и партии — Льва Давыдовича Троцкого, наркома по военным и морским делам, члена Политбюро ЦК РКП(б). Ее заместителем, на которого и свалилась вся практическая работа, стал видный искусствовед, пять лет являвшийся попечителем Третьяковской галереи, художник Игорь Грабарь, тот самый, который принял непосредственное участие в спасении для России тондо школы Боттичелли.

Им и был разработан утвержденный 19 сентября того же года декрет «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» — документ поистине фундаментальный. В преамбуле его напрямую указывалось на необходимость в корне пресечь «утрату культурных сокровищ народа».

Первый пункт нового декрета гласил:

«Воспретить вывоз из всех мест Республики и продажу за границу кем бы то ни было предметов искусства и старины без разрешений, выдаваемых Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Петрограде и Москве при Комиссариате народного просвещения или органами, Коллегией на то уполномоченными».

Декрет ставил под контроль Отдела — он же Коллегия — саму возможность заключения подобных, отныне незаконных сделок. Согласно пункту второму:

«Все магазины, комиссионные конторы и отдельные лица, производящие торговлю предметами искусства и старины, или посредники по торговле ими, а также лица, производящие платную оценку или экспертизу подобных предметов, обязаны зарегистрироваться в течение трех дней со дня опубликования сего декрета»²¹.

Для выполнения положений нового декрета, особенно в условиях строительства новой государственности, гражданской войны и иностранной интервенции, необходимы были и весьма действенные гарантии. Поэтому спустя полтора месяца газета «Известия» опубликовала циркуляр ВЧК «Ко всем губернским, уездным и в особенности пограничным ЧК». Им предписывалось незамедлительно «принять решительные меры борьбы против бессовестного хищения народного достояния» — произведений искусства, исторических реликвий.

«Чрезвычайные комиссии не должны допускать этого и в каждом таком случае необходимо его (народное достояние) конфисковывать и передавать в соответствующие отделы Советов или если в Советах такового отдела нет, то сообщать в центральный Комиссариат народного просвещения. Пограничные чрезвычайные комиссии должны принять решительные меры к борьбе с провозом этих вещей за границу»²².

Вторым этапом в создании правовой основы для охраны памятников стал принятый Совнаркомом 5 октября 1918 года декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Он опирался на практику охраны памятников начиная с 7 ноября 1917 года. До 5 октября учет частных коллекций и выдача на них охранных грамот было «революционной инициативой»; отныне же это закреплялось законодательным актом, становилось обязательным по всей Российской республике.

Согласно декрету, Отдел и его петроградский региональный орган должны были провести «государ-

ственную регистрацию всех монументальных и вещественных памятников искусства и старины как в виде целых собраний, так и отдельных предметов, в чем бы обладании они ни находились»²³.

Так советская власть менее чем за год сделала то, что не смогла сделать царская Россия за 48 лет, после археологического съезда 1869 года.

Первый сбой

Внешняя торговля Советской России повела отчет своей деятельностью с мая 1920 года.

Разрушенное шестью годами мировой и гражданской войны хозяйство страны нуждалось в незамедлительном восстановлении. Стояли заводы и фабрики (кроме оборонных), застыли в тупиках паровозы, разбитые чуть ли в щепы теплушки — товарные вагоны, быстро заменившие классные пассажирские.

Крестьяне, готовые, несмотря на продразверстку, пахать и сеять, вынуждены были сидеть сложа руки. Лошадей — единственную тягловую силу, которую безжалостно, не задумываясь о близком будущем, мобилизовывали все власти — и царская, и Временное правительство, и красные, белые, зеленые, — в деревне почти не осталось. Не было и сельскохозяйственного инвентаря, даже самого простого, необходимого для полевых работ.

Не помогли погромы помещичьих усадеб: расхищенными из них роялями, картинами и книгами, архивами и мебелью можно было в лучшем случае протопить печь, и только.

Первым Советской России распахнул дверь в Европу, позволив с немалой для себя выгодой начать закупки всего, в чем нуждалась республика, Таллин, еще по привычке именовавшийся Ревелем. Вскоре к нему присоединились Рига и Лиепая. Отнюдь не бескорыстно молодые, впервые обретшие независимость Эстония и Латвия стали

перевалочными пунктами, посредниками для поступления в РСФСР жизненно необходимых товаров.

Из Германии, Швеции, Великобритании шли к нам запасные части для паровозов и товарных вагонов, стальной трос, алмазы для горного дела, поперечные и циркульные пилы, сверла, гвозди, косы, топоры, ножницы для стрижки овец. Шли локомобили и жнейки, бороны и молотилки. Шли электролампочки, медицинские инструменты и лекарства, типографская краска и карандаши, бумага, пишущие машинки, консервированное молоко. Шли уголь и сода — ведь и их не было в стране, в которой шахтеры вынуждены были не работать, а воевать.

Наши вчерашние враги, противники на поле боя, готовы были продавать все, что у них имелось. Но лишь за валюту — а вот ее-то у нас и не было. Она давно ушла туда же, за рубеж, в оплату за снаряды и патроны, винтовки и пулеметы, обмундирование для армии, которую бросило в сражения Первой мировой войны царское правительство. Уже в октябре 1914 года военный министр Сухомлинов был вынужден объяснять депутатам Государственной думы: победы, взятия Берлина и Вены рассчитывали добиться через два-три месяца — на такой срок и подготовили боеприпасы, вооружение...

Теперь приходилось использовать более неудобное средство платежей. Выступая в декабре 1920 года на VIII Всероссийском съезде Советов, заместитель наркома внешней торговли и член правительства Лежава отчитывался: «Мы пока вынуждены покупать за золото, причем испытываем большие затруднения вследствие ограничения возможности реализовывать наше золото непосредственно в тех странах, где размещены наши заказы»²⁴.

Причины таких трудностей объяснял другой сотрудник Наркомвнешторга, Рохович, в газете «Известия».

«Очень часто бывает, — писал он, — более выгодно несколько раз менять одну валюту на другую. Так, например, если купить швейцарские франки, выменять их на шведские кроны, а за последние купить английские фунты, то они могут обойтись дешевле, чем покупать непосредственно английскую валюту»²⁵. Иными словами, толковые люди из Внешторга отлично понимали выгоду игры на разнице курсов. Дело оставалось лишь за золотом. А его тоже катастрофически не хватало.

И изъятые еще осенью 1917 года банковские ценности, и золотой запас страны, отбитый у Колчака, давно разошлись. В Берлин — как репарации по Брестскому договору (а оттуда в Париж, в качестве «законного трофея» Франции-победительницы), в Европу вообще — на создание компартий, на революции в Германии. Мало что могла дать и только что возобновившаяся добыча золота: в 1920 году она дала всего около двух тонн.

18 декабря 1920 года Совнарком РСФСР принял краткое по содержанию постановление, суть которого целиком отражена в названии: «О забронировании за Наркоматом Внешней торговли как экспортного фонда золотых часов, находящихся в распоряжении Наркомата финансов и других учреждений». С этого времени прекратилась практика награждения особо отличившихся бойцов и командиров Красной армии именными золотыми часами — единственного тогда ордена боевого Красного Знамени удостоивали очень немногих.

Однако и такой источник вскоре иссяк. А потому Наркомвнешторг в середине января 1921 года внес на рассмотрение Совнаркома, а В. И. Ленин 7 февраля подписал еще одно постановление — «О составлении государственного Фонда ценностей для внешней торговли». На этот раз правительственный акт отнес к экспортным товарам то, что согласно другому, более раннему постановлению Совнаркома, от 19 сентября

1918 года, запрещалось к вывозу за пределы страны категорически. Текст нового распоряжения, опубликованного газетой «Известия» 12 февраля, гласил:

«1. В целях составления государственного запаса художественных ценностей и предметов роскоши и старины, могущих служить предметами вывоза за границу, Народному комиссариату внешней торговли предоставляется право образовать в местах, где он найдет нужным, экспертные комиссии, действующие на основе положений, утвержденных Наркоматом внешней торговли по соглашению с Наркоматом просвещения и Наркоматом финансов.

2. На экспертные комиссии возлагается отбор, классификация, оценка и учет могущих служить для экспорта предметов для художественных и антикварно-исторических, а также предметов роскоши. В состав экспертных комиссий входят представители соответствующих отделов Наркомата просвещения (Главмузея и Изобразительных искусств).

3. Всякая разгрузка складов, магазинов и вообще каких бы то ни было хранилищ, где могут быть обнаружены указанные предметы, производится на местах, где учреждены экспертные комиссии, лишь при условии обязательного предварительного оповещения местной экспертной комиссии о предполагаемой разгрузке.

4. Все учреждения и лица, в ведении которых находятся склады, магазины, помещения и вообще какие бы то ни было хранилища, за исключением музеев Республики и хранилищ государственного музейного фонда, состоящих в ведении Главмузея, обязаны беспрепятственно допускать представителей комиссии к осмотру, отбору, учету всех вещей, относящихся к предмету ведения последней.

5. Предоставить Наркомату внешней торговли право изъятия и хранения для целей внешней торговли предметов, отбираемых экспертными комиссиями»²⁶.

Членами Совнаркома, утвердившими данный документ, двигали благие намерения. Они понимали: без импорта Российская Федерация погибнет, исчезнет с политической карты мира только потому, что ее руководители оказались плохими хозяевами.

Однако ничего достойного мирового рынка у нас пока еще не было: ни леса, ни нефти, ни пушнины, даже пресловутых льна и пеньки. Все старые запасы экспортных товаров иссякли в гражданскую войну. Вот и приходилось выискивать все, что могло пойти в дело.

Теперь страну должны были спасти художественные ценности — картины и образцы прикладного искусства, которые работники музеев находили, сберегали все годы революции и гражданской войны. Отныне тем памятникам старины, что еще не оказались в ведении Музейного отдела, предстояло стать законной добычей Внешторга, а точнее — образуемых им «в местах, где он найдет нужным», экспертных комиссий. Из кого можно сформировать последние, ни Лежава, ни его подчиненные не задумывались. Они не догадывались, что Музейный отдел, его местные губернские и уездные органы (так называемые губмузеи, музеи) уже вобрали в себя не только те несколько десятков специалистов, которые имелись в России в канун революции, но и всех тех, кто вообще разбирался в искусстве.

Мало того, «беспрепятственный доступ» во все хранилища экспертных комиссий Наркомвнешторга обеспечивал им полную бесконтрольность и безнаказанность.

Команда была дана. И сразу же по всей стране — от Пскова и Минска до Иркутска, от Архангельска до Баку и Ташкента — началось формирование золотых эшелонов. Разумеется, занимались этим не работники Внешторга, которых вопреки декрету не было ни в одном губернском или уездном городе. Тяжелую и опасную работу пришлось делать чекистам, привыкшим

точно и беспрекословно выполнять любой приказ. Они же и охраняли в дороге ценный груз, шедший по одному-единственному адресу: Москва, Тверская, Настасьинский переулок, Гохран.

Здесь, на небольшой, малознакомой даже многим москвичам улочке, укрывшееся сегодня за новым зданием редакции газеты «Известия», до сих пор стоит причудливое, построенное незадолго до революции здание бывшей Ссудной казны, одного из российских государственных банков. Белая, зеленая, голубая облицовка глазурованным кирпичем, крутые изломы крыши, флюгеры невольно останавливают взгляд немногочисленных прохожих, заставляют вспомнить русские сказки, в которых так часто описываются точно такие же царские терема. Но никто не замечает, как огромно это здание, уходящее вторым, перпендикулярным фасадом корпусом во двор, какие надежные бронированные подвалы скрывает оно. Эти-то подвалы и стали с весны 1921 года сейфами Гохрана — Государственного хранилища ценностей.

Со всех девяти вокзалов столицы сюда ежедневно устремлялись автомобили и пролетки. Везли они два-три ящика или баула да нескольких человек в черных кожаных куртках, сразу же выдававших их профессию. Более года заполнялись ненасытные подвалы, давая привычную работу ювелирам и бухгалтерам. Велся учет создаваемому фонду: серебра и золота — в пудах, фунтах и золотниках; драгоценных камней и жемчуга — в каратах. И только весной 1922 года началось измерение совершенно в иной системе координат: научно-художественной. Им занялись искусствоведы, а поначалу лишь один эксперт Наркомвнешторга П. П. Лазаревский — автор той самой опубликованной в 1914 году книги «Среди коллекционеров», набранной великолепным елизаветинским шрифтом, не потерявшей и поныне значения справочника по русскому антиквариату. Теперь, в свободное от работы время, Лазаревский готовил

к изданию первые номера своего журнала «Среди коллекционеров».

Несколько позже к Лазаревскому присоединились и специалисты из Музейного отдела. Постановление Совнаркома от 7 февраля 1922 года не явилось для них неожиданностью: информацию о законопроекте они получили за три недели до того, как Ленин скрепил документ своей подписью, и успели подготовиться.

Музейный отдел загодя сформировал собственные две группы экспертов (по прикладному искусству и по живописи) для работы с Внешторгом. Им предстояло не только изучать, оценивать груз золотых эшелонов, но и проверять собственные хранилища — музейный фонд, отбирая то, что должно было стать экспортным товаром.

Казалось, никаких проблем нет. Каждому эксперту понятна задача: сделать все, чтобы обеспечить неприкосновенность тех произведений, место которым лишь в национальных музеях. Однако сущность искусства предполагает многозначность его восприятия, а это порождает и оценки. Отныне судьба произведений зависела от вкусов, пристрастий, глубины знаний того единственного специалиста, кому доводилось изучать ту или иную вещь. Так создавалась возможность — на много лет вперед — не только для научного спора, но и для прямого обвинения в преступном равнодушии к судьбе национального достояния.

Вот характерный пример. 23 марта 1922 года сотрудник Оружейной палаты, великодушный знаток прикладного искусства эпохи Средневековья М. С. Сергеев занимался разбором имущества Камеральной части бывшего министерства императорского двора. Имущество было эвакуировано из Петрограда в Москву еще Временным правительством и с августа 1917 года хранилось в Кремле. В отчете отделу он отметил: «Отданы в Гохран новые произведения юве-

лирного искусства работы Фаберже, высокого мастерства, но не имеющие художественного значения»²⁷.

Да, Сергеев писал о тех самых знаменитых подарочных пасхальных яйцах, о которых сегодня очень многие наслышаны и зачастую полагают, что и тогда, в далекие 1920-е годы, дорогие, изящные безделушки, практически только что вышедшие из рук создавшего их мастера, воспринимались так же, как сегодня.

И здесь приходится напомнить мысль известного английского писателя Джерома К. Джерома, с которой знаком каждый, кто хоть раз прочитал его книгу «Трое в лодке (не считая собаки)». Там, хотя и далеко не впервые, содержится попытка объяснить простую истину: лишь время придает художественным произведениям непреходящую ценность:

«В самом деле, ведь все сокровища искусства, которыми мы обладаем сегодня, это всего-навсего предметы ежедневного обихода трех-, четырехвековой давности... Старинные синие фаянсовые тарелки, которые мы развешиваем по стенам гостиных в качестве украшений, несколько столетий назад были немудрящей кухонной посудой. Розовый пастушок и желтая пастушка, которых вы с гордостью демонстрируете своим друзьям, ожидая от них возгласов удивления и восхищения, были простенькими безделушками, которые какая-нибудь мамаша восемнадцатого века давала своему младенцу пососать, чтобы он не ревел...

Вышивку, которую ваша дочь сделала в школе на уроках рукоделия, назовут «гобеленом викторианской эпохи», и ей не будет цены. За щербатыми и потрескавшимися синими с белым кувшинами, которые продаются в наших придорожных трактирах, будут гоняться коллекционеры, их будут ценить на вес золота, и богачи будут употреблять их как чаши для крошона...»²⁸

Можно на это возразить: Джером, мол, имел в виду заурядные и, главное, дешевые вещи. Но разве научную, художественную ценность определяет лишь

продажная цена, да к тому же на момент создания? Ведь в таком случае следует убрать из картинных галерей полотна Ван Гога, которые при жизни он не мог продать даже за гроши и вынужден был голодать, отказать в праве на музейную экспозицию археологическим находкам, рукописям великих писателей и государственных деятелей, многому, очень многому иному. А вместо них заполнить витрины новенькими кольцами, колье, фермуарами прямо из ювелирных мастерских, парадными портретами тех, кого, быть может, мы после их смерти будем проклинять или, что страшнее, забудем.

Следует признать, что эксперты Музейного отдела действовали так, как подсказывал им опыт и знания; тот навык работы, когда главным становится не рыночная стоимость, а время, отделяющее нас от момента создания вещи, мастерство, талант, вложенный в нее творцом. Да еще, наконец, характерность, даже тривиальность для эпохи, которую невозможно понять по отдельным вырванным из нее, хотя и гениальным, уникальным образцам.

Принимать решения экспертам Музейного отдела приходилось чуть ли не круглые сутки. Помимо Внешторга им нужно было контролировать еще три также вполне легальных канала, по которым произведения искусства, реликвии стали уходить за рубеж. Причем зачастую совершенно бесплатно — не давая никакого дохода государству.

Гражданская война обеспечила не только утверждение советской власти на шестой части планеты, но и независимость Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши. И потому десятки тысяч людей, сумевших доказать в Наркоминделе, что они сами или их отцы, матери родились на территории этих новообразованных государств, в полном согласии с законом приобретали соответствующее гражданство и устремлялись на вновь обретенную родину.

Уезжали, разумеется, с личным имуществом, а в нем могли оказаться не только одежда и обувь, мебель и еда. Попадались в чемоданах, сундуках, саквояжах и художественные изделия, в ценности которых таможенники, естественно, не разбирались.

Дабы предотвратить потенциальную утрату подлинных ценностей, Музейный отдел сформировал 8 февраля 1921 года особые Комиссии по контролю над вывозом, прежде всего — при московской и петроградской таможнях. С их созданием на тех же весьма немногочисленных сотрудников отдела свалился дополнительный груз забот и ответственности.

Всего за два года — период наибольшего числа уезжавших — пришлось осмотреть, изучить и принять решение о разрешении на вывоз по 8 755 картинам, 5 126 рисункам, гравюрам, акварелям, 1 628 иконам, 2 888 изделиям из фарфора и хрусталя, 366 из бронзы, 4 606 коврам, 88 скульптурам.

К счастью, поток оптантов, как именовали таких эмигрантов, почти иссяк к весне 1923 года. Именно к счастью, ибо небольшой огрех в инструкции — то, что разрешение на вывоз независимо друг от друга выдавали и Наркомпрос, и Наркомвнешторг, — все же привел к утрате многих произведений, достойных музеев, а затем и к появлению их на европейском антикварном рынке (разумеется, с пометкой о русском происхождении).

Еще один легальный канал утечки произведений искусства и реликвий за рубеж просуществовал более короткий срок, но потребовал от экспертов Музейного отдела наивысшего уровня профессионализма. Ведь на этот раз приходилось решать судьбу ни больше ни меньше как экспонатов Эрмитажа, Гатчинского, петергофских, царскосельских дворцов, Академии художеств. Претензии же предъявляли уже не частные лица, а правительство Польши.

18 марта 1921 года на нейтральной территории — в столице Латвии Риге — представители РСФСР,

УССР и Польши подписали вырабатывавшийся и обсуждавшийся не один месяц мирный договор. Он должен был зафиксировать нашу западную границу и позволял перейти от состояния войны к нормальным добрососедским отношениям, возобновить давние, довоенные экономические связи.

Было, однако, в договоре и иное — желание поставить точку на сложном и противоречивом прошлом: на территориальных захватах Российской империи, ликвидации польской государственности, подавлении освободительных восстаний. Именно это и породило в тексте Рижского мирного договора девятую статью, обязывающую российскую и украинскую стороны возвратить захваченные начиная с 1 января 1772 года в Польше трофеи.

Мало того, польская сторона должна была получить назад и свое культурно-историческое достояние, при тех или иных обстоятельствах оказавшееся в России или на Украине: все библиотеки, архивы, археологические собрания, произведения искусства, реликвии, всякого рода коллекции — безразлично, частные, общественные или государственные.

Казалось бы, проблема решается весьма просто. Надо лишь составить списки, согласовать их на дипломатическом уровне и подготовить ценности к отправке. Однако параграф седьмой той же статьи утверждал, что все далеко не так однозначно: «Систематизированные, научно обработанные и представляющие законченное целое коллекции, являющиеся основой сокровищниц мирового культурного значения, не должны подлежать разрушению»²⁹.

Такая юридическая трактовка запутывала, осложняла вопрос, заставляла уточнять относительно каждой вещи — подлежит она возвращению в Польшу или нет. И тогда группа сотрудников Музейного отдела во главе с И. Грабарем, входившая в музейную подкомиссию Смешанной российско-украинско-польской комиссии, не преминула использовать,

по сути, противоречивую формулировку в свою пользу.

В конце 1921 года (когда, собственно, и началась работа подкомиссии) И. Грабарь и его коллеги решили нарочито воспротивиться требованию польской стороны возратить 160 гобеленов, когда-то украшавших Вавельский замок. Ученые заявляли, что шпалеры эти давно являются органической частью коллекций нескольких дворцов-музеев и лишь после длительных споров согласились на отправку этого редкого по красоте и единству собрания в Краков.

После столь же нарочито жарких споров уступили двадцать одну картину кисти Бернардо Белотто, прозванного Каналетто, — виды Варшавы, написанные по заказу короля Станислава Августа Понятовского, затем согласились на реэвакуацию нескольких тысяч колоколов, снятых с костелов и увезенных после отступления русской армии в 1915 году в глубь России.

Благодаря такой тактике сотрудники отдела стояли, оставили за Эрмитажем две картины Рембрандта и Фрагонара, часть военных трофеев, а за музеем Академии художеств — часть так называемого Графического кабинета Станислава Августа.

Работа по разбору польского имущества завершилась в марте 1922 года. И сразу же работникам отдела пришлось окунуться в далекие от академического спокойствия проблемы, по сравнению с которыми не только дела с опантантами, но даже с Внешторгом показались детскими забавами.

Музейный отдел вынужден был принять участие в изъятии церковных ценностей. Это делалось ради помощи голодающим — для пополнения Фонда экспортных ценностей, так как внешторговский источник уже иссяк.

Голод, унесший сотни тысяч жизней, мы привыкли связывать прежде всего с Поволжьем, с засухой, начавшейся в мае 1921 года и уничтожившей посевы. В действительности все обстояло иначе.

Шесть лет мировой и гражданской войны, в течение которых у крестьян постоянно конфисковывались зерно и лошади, привели к самому страшному, что только может быть в сельском хозяйстве: к утрате посевного фонда. Это выяснилось в конце зимы, и уже 2 февраля 1921 года газета «Известия» поместила первый материал под рубрикой «Борьба с голодом», ставшей с того дня на долгие два с половиной года повседневной.

Информация, получаемая Наркомземом, свидетельствовала о подлинной катастрофе, и потому уже 22 февраля Президиум ВЦИК образовал Комиссию для помощи пострадавшему от голода населению Рязанской, Калужской, Орловской, Царицынской губерний. Несколькими днями позже Совет труда и обороны (СТО) — высший экономический орган республики — ассигновал 10 миллионов золотых рублей для закупки продовольствия и предметов первой необходимости за границей. Принимая такие решения, руководство страны надеялось по возможности быстро выправить положение, но вскоре осознало истинный масштаб бедствия, его неизбежные последствия.

Только 15 марта последовала более радикальная мера. Постановлением Президиума ВЦИК вместо продразверстки, душившей деревню, вводился продналог. Но даже это что-либо изменить, причем быстро, не могло: голод охватывал все новые и новые районы, распространился на Поволжье, Северный Кавказ, Украину.

В июле для сбора средств внутри страны и за ее пределами был образован Всероссийский комитет помощи голодающим. Однако и его усилий оказалось недостаточно. Только поэтому Ленин направил в ЦК 9 сентября письмо, потребовав решительно прекратить злоупотребления со средствами, выделявшимися РСФСР через Коминтерн как пособия для зарубежных компартий, и, не довольствуясь этим, нашел новый источник пополнения золотого запаса страны.

27 декабря 1921 года ВЦИК по предложению Ленина принял декрет «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях»:

«Ввиду наличия колоссальных ценностей, находящихся в церквях и монастырях, как историко-художественного, так и чисто материального значения, все указанное имущество должно быть распределено на три части:

1. Имущество, имеющее историко-художественное значение, подлежит к исключительному ведению Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, согласно инструкции к декрету об отделении церкви от государства (утварь, старинная мебель, картины и т. д.).
2. Имущество материальной ценности, подлежащее выделению в Государственное хранилище ценностей РСФСР.
3. Имущество обиходного характера, где оно еще сохранилось.

Вследствие наблюдающихся за последнее время ликвидации церковного имущества органами местной власти путем неорганизованной продажи или передачи группам верующих, никакие изъятия и использование не могут быть произведены без разрешения на то Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины или его органов на местах»³⁰.

Два месяца спустя появился второй декрет, уточняющий и разъясняющий второй и третий пункт предыдущего:

«О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих.

Ввиду неотложной необходимости спешно мобилизовать все ресурсы страны, могущие послужить средством борьбы с голодом в Поволжье и для обеспечения его полей, ВЦИК в дополнение к декрету об изъятии музейного имущества постановил:

Предложить местным Советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из

церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описи и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Наркомата финансов со специальным назначением в фонд Центральной комиссии помощи голодающим»³¹.

Тогда же, в феврале 1922 года, по всей стране началось то, к чему не раз прибегали и в Византии, и на Руси (при Петре I, при Екатерине II), — изъятие церковных ценностей всех без исключения конфессий — православной, католической, иудаистской...

Подкрепило такой шаг государства и воззвание патриарха Тихона, опубликованное «Известиями» 15 февраля.

«Учитывая тяжесть жизни для каждой отдельной христианской семьи вследствие истощения средств их, — писал Тихон, — мы допускаем возможность духовенству и приходским советам с согласия общин верующих, на попечении которых находится церковное имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслетов, ожерелий и других предметов, жертвуемых для украшения святых икон, золотой и серебряный лом) на помощь голодающим».

С такими же призывами выступили и другие иерархи Русской православной церкви — епископ Вольский Иов, епископ Саратовский Досифей, а также видный руководитель старообрядческих общин в Саратове Яксёнов.

Однако местные власти, бездумно пытаясь сделать больше, чем от них требовали (или только для отчета), изымали церковные ценности без разбора. Потому специалистам Музейного отдела пришлось срочно спасать от головоутиательства ретивых чиновников уходившие в лом произведения искусства, церковные реликвии.

Инструкция, подписанная 4 марта Н. И. Седовой-Троцкой, требовала руководствоваться главным принципом отбора: «Безусловно недопустима ликвидация ценностей, имеющих древность, кончая 1725 годом». Предметы культа, созданные позднее, подлежали изъятию лишь в том случае, если они не являлись высокохудожественными или не характеризовали развитие стилей. Столь же недопустимым объявлялось «нарушение целостности предметов и ансамблей, имеющих историко-художественное значение, как то: а) срывание древней басмы, цат и венцов с икон, крестов, царских врат, риз и т. п. предметов, которые они украшают; б) выемка камней и жемчуга из предметов», имеющих древность до 1725 года.

Еще одна статья инструкции пыталась предотвратить гибель историко-культурного наследия: «Древние храмы со своим внутренним убранством, старинными иконостасами, киотами, лампадами, паникадилами и т. п. предметами, составляющими в общем ансамбль художественно-исторического значения, должны остаться неприкосновенными»³².

За четыре месяца сотрудники Музейного отдела успели побывать в 687 городах, селах, монастырях и отобрать там, а также и в самом Гохране, свыше 14 тысяч предметов из 24 тысяч изъятых. Возвращаясь в Москву, они отчитывались:

«Во многих городах, как то: Кириллов, Вятка, Сольвычегодск, Кострома, Смоленск, Нижний Новгород, Калуга, изъятие происходило неблагополучно, с нарушением инструкции ВЦИК и отказом подчиниться центральным властям. Например, в Боровском монастыре Калужской губернии изъятие происходило не только из церкви Божьей матери, но и из музея, причем вещи при перевозке набивались в мешки и ломались».

В соловецком Преображенском монастыре «ризы снимались небрежно, часто с повреждением живо-

писи. Так, например, была разрушена фреска под входом в Преображенский собор»³³.

По краю пропасти

Сотрудники Музейного отдела выполняли не свойственные им контрольные функции с февраля 1921 года в течение 24 месяцев. За это время отечественные музеи пополнились неожиданными экспонатами. Потому-то и Н. И. Седова-Троцкая, и научное руководство отдела — Н. Б. Бакланов, И. Е. Бондаренко, И. Э. Грабарь, Н. Г. Машковцев, Т. Т. Трапезников, — и их менее именитые коллеги сочли, что самые тяжелые дни остались позади. Настало время наконец спокойно во всем разобраться, подвести итоги: что сделано, что еще предстоит сделать.

Итоги оказались более чем внушительными.

Впервые в истории страны была создана особая всеохватывающая государственная служба по делам музеев и охране памятников искусства и старины, с двумя центрами — московским и петроградским, с местными органами практически во всех автономных республиках, губерниях и даже в некоторых уездах.

Впервые поставили задачу исключить памятники из экономической сферы, использовать их лишь в научных и просветительских целях.

Начиная с 28 мая 1918 года, дня учреждения отдела, а точнее — с 25 октября 1917 года, когда Петроградский военно-революционный комитет назначил Б. Л. Мандельбаума и Г. С. Ятманова комиссарами по защите музеев и художественных ценностей, спасли от гибели, исчезновения за рубежом почти 500 тысяч картин, гравюр, рисунков, акварелей, лучших образцов мебели, фарфора, хрусталя, бронзы; взяли под охрану свыше двух тысяч образцов гражданского, оборонного, культового зодчества: дворцов, усадеб, особняков, кремлей, крепостей, церквей, соборов, монастырей.

Мало того, все эти богатства, объявленные национальным достоянием, находящимся под эгидой государства, в большей своей части сразу же стали доступными для всех. Дополнительно к существовавшим до революции 151 государственному, общественному и частному музею открылись еще 197 художественных, исторических, историко-бытовых, в том числе:

музеи-дворцы — Зимний, Меншиков, Строгановский, Шереметевский, Шуваловский в Петрограде; Гатчинский, Ораниенбаумский, Павловский, петергофские, царскосельские, Палей в его пригородах; ханский в Бахчисарае, Большой и Малый в Ливадии, Воронцовский в Алушке;

усадьбы-музеи — Абрамцево, Архангельское, Кусково, Мураново, Ольгово, Останкино, Остафьево, Отрада, Покровское-Стрешнево, Ярополец в Московской губернии; Выбити, Грузино, Марфино в Новгородской; Караул в Тамбовской, Михайловское в Псковской;

музеи-монастыри — Донской, Иверский Валдайский, Иосифов-Волоколамский, Кириллов-Белозерский, Новодевичий, Новоиерусалимский, Пафнутьев-Боровский, Симонов, Саввино-Сторожевский, Успенский Александровский, Ферапонтов, Троице-Сергиева лавра, Оптиная пустынь;

музеи-мемориалы — усадьба Ясная Поляна, дом в Хамовниках Л. Н. Толстого; дом в Ялте А. П. Чехова; дом в Клину П. И. Чайковского; квартира А. Н. Скрябина в Москве.

Много?

Разумеется! Особенно памятуя, что все это сделано в годы революции и Гражданской войны!

Но и работы на будущее, уже в мирных, спокойных условиях, предстояло не меньше.

Надо было продолжить обследование страны, выявить остававшиеся пока неизвестными либо без надзора специалистов памятники. Ведь экспедиции отдела, поездки его сотрудников затронули пока

лишь европейскую часть России, да к тому же далеко не полностью. Урал, Сибирь, Дальний Восток оставались еще не открытым, не исследованным континентом, таящим сокровища искусства, реликвии старины.

Следовало продолжить изучение части уже собранного — свыше 100 тысяч вещей, в спешке свезенных в хранилища отдела в Москве и Петрограде и ожидавших оценки и передачи в тот или иной музей.

Последнюю задачу сочли самой насущной, не требующей поездок, иных затрат и тем не менее обещающей неожиданные находки, радостные открытия.

Поэтому-то в своем отчете за первое трехлетие отдел и пришел к выводу: если раньше «основной задачей было массовое выявление памятников», то в ближайшие месяцы, если не годы, предстояло «критически разобраться в учтенных и сохраненных памятниках в возникших музеях, отделить бесспорные ценности от случайного массового материала»³⁴.

Действительно, сотрудники отдела, его местных органов спешили предотвратить самое худшее. Они делали все возможное, чтобы вывезти из заброшенной усадьбы, оставленного владельцем особняка буквально все, на чем лежала печать искусства, твердо следуя принципу: лучше спасти не представляющее научной или художественной ценности, чем бросить на произвол судьбы хотя бы один уникум.

И такой работой сотрудникам отдела пришлось заняться прежде всего. Только не во имя науки, как полагали они, а ради хлеба насущного в буквальном смысле слова. Да ради спасения обретенного наследия минувших веков.

Нищее, окончательно разоренное шестью с половиной годами войн государство должно было срочно восстановить экономику: промышленность, сельское хозяйство, транспорт. Лишь потом можно было задуматься о духовном. Поэтому Наркомпросу предстояло немедленно перейти на хозрасчет

и самоокупаемость, приняв без возражений и обсуждений принцип остаточного финансирования культуры.

Раньше, в годы военного коммунизма, Наркомпрос когда угодно получал по первому требованию и в любых размерах необходимые ассигнования. С октября 1922 года бюджет республики больше не подвергался никаким коррективам и изменениям по требованиям наркоматов. Теперь он разрабатывался загодя и вводился с 1 октября по 30 сентября — на хозяйственный год.

Да, Совнарком медленно, но неуклонно ликвидировал бюджетный дефицит, но, в частности, за счет того что, скажем, Наркомпросу давал только треть тех сумм, которые до революции имело министерство народного просвещения. А ведь сфера Наркомпроса теперь была значительно шире. В его ведении находились не только все без исключения школы (раньше они подчинялись и министерству, и Синоду, и местному самоуправлению), но и театры, музеи, издательства, библиотеки, литература и искусство. И все требовали своей доли, даже Главполитпросвет — учреждение сугубо партийное, занимавшееся пропагандой.

Результатами действия остаточного принципа стали закрытия университетов и институтов. Профессура оказалась на улице. Учителя начальных школ перестали получать зарплату и теперь вели уроки лишь после того, как родители учеников приносили — в счет оплаты — продукты, дрова. Крестьяне же не очень заботились об образовании своих детей: те прежде всего должны были работать по хозяйству. Биржи труда вскоре регистрировали более полу-миллиона безработных учителей.

Та же участь постигла и Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. НЭП стал для него катастрофой — ведь теперь за все приходилось платить: за воду, свет, отопление, охрану, ремонт

крыш, остекление окон, за реставрацию, самим — своим сотрудникам. А деньги не поступали — их просто не было.

Сначала пошли на сокращение штатов.

Если к началу 1921 года в московском и петроградском отделах, в 65 местных органах работало свыше 500 человек, то к маю 1923 года осталось чуть больше 60: самых незаменимых, обладавших блестящей профессиональной подготовкой, огромным опытом. Заодно ликвидировали и почти всю сеть местных органов, сохранив лишь в 30 губернских центрах по одному сотруднику.

Но и такой меры оказалось недостаточно. Повседневная деятельность требовала расходов, а ассигнований не было. И тогда в июле 1922 года коллегия отдела задумала страшный, как показало будущее, самоубийственный шаг: спасти доверенное в сложившихся условиях можно, лишь совершая коммерческие операции — сдавая землю и здания в аренду, продавая ненужное имущество.

Неожиданно возникшее предложение обсуждали, обдумывали целых девять месяцев и, убедившись, что помощи ждать неоткуда, подготовили текст законопроекта. 19 апреля 1923 года Совнарком утвердил его как совместное с ВЦИК постановление «О средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей». Этим актом музеям предоставлялось право сдавать в аренду для извлечения доходов находящиеся в их владении землю и постройки.

Так появились политические изоляторы в Соловецком, суздальских монастырях; казармы и арсеналы в московских Крутицком подворье, Провиантских складах; на территории Херсонесского городища санатории, дома отдыха; детские дома, школы и техникумы в старинных усадьбах.

Затем пришла очередь самих музеев.

12 сентября 1923 года приступила к работе Комиссия ВЦИК по концентрации музейного имущест-

ва под председательством члена Президиума ВЦИК П. И. Кутузова, а проще говоря — по переводу большей части музеев с республиканского бюджета на местный. Сначала оставили в подчинении отдела 200 музеев, потом довели их число до полутора десятков самых крупных, таких как Эрмитаж, Русский, Третьяковская галерея, Музей новой западной живописи, Ясная Поляна, дом в Хамовниках. Остальные оказались обреченными на закрытие — денег на культуру местные бюджеты просто не предусматривали.

Однако и теперь финансовое положение памятников и музеев не улучшилось, и пришлось пойти на последнюю, самую крайнюю меру. Опять же по инициативе отдела Совнарком РСФСР 6 марта 1924 года принял новое постановление — о выделении и реализации госфондового имущества. Отныне музеи могли через антикварные магазины и аукционные залы Главнауки Наркомпроса в Москве и Ленинграде продавать имущество, находящееся во дворцах-музеях, усадьбах, церквях, монастырях и других памятниках, не имеющих исторического значения, не входящее в состав коллекций данного учреждения и не относящееся к музейному оборудованию. При этом устанавливалось, что сами музеи получают всего 60 процентов выручки, остальное будет составлять доход государства.

Печальнее всего было то, что данный нормативный акт отнюдь не создавал прецедент, а лишь юридически закреплял уже наметившуюся практику, порожденную нищетой.

Еще летом 1922 года заведующий Севастопольским окружным комитетом охраны памятников археолог-античник Л. А. Моисеев продал как металлолом русские, французские и английские пушки времен Крымской войны, чтобы заплатить рабочим, трудившимся под раскаленным солнцем на раскопках Херсонеса. В своем поступке Моисеев не видел ничего предосудительного: действительно, что такое орудия

фабричного производства середины XIX века, когда речь идет о городе V века до нашей эры!

Теми же мотивами, но уже два года спустя, после принятия постановления Совнаркома, руководствовался и виднейший специалист по древнерусскому зодчеству К. К. Романов, его помощник, получивший известность в наши дни П. Д. Бараневский. Чтобы получить возможность продолжить в Юрьеве-Польском реставрацию Георгиевской церкви, возведенной в XII веке, они без тени сомнения продали колокола и кирпич от разобранных пристроек XVIII—XIX веков.

Собственно, с этого момента и началась распродажа музеев. На прилавках вдруг появилась подержанная, не очень старая мебель, картины, фарфор и хрусталь, бронза и гравюры, одежда и обувь вышедших из моды фасонов, но все же привлекательные. Другими словами, все то, что до февраля 1917 года являлось предметами повседневного обихода... в императорских дворцах, где служило семьям Николая II, великих князей и многочисленному штату их слуг, лакеев.

Продажа предметов из фондов императорских дворцов столь поразила современников, что послужила сюжетами для двух и поныне популярных, постоянно читаемых и потому переиздающихся художественных произведений.

«В этом году в Зимнем дворце разное царское барахлишко продавалось. Музейный фонд, что ли, этим торговал...»

Так начинал Михаил Зощенко рассказ «Царские сапоги», написанный и опубликованный в 1927 году.

О том же идет речь и в романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев», увидевшем свет в 1927 году. В нем основной поворот сюжета связан с тем, что стулья Кисы Воробьянинова, временно оказавшиеся в Музее мебели (отнюдь не фантазия авторов, а реальный музей, существовавший в Москве

в Нескучном дворце до 1928 года), попадают на аукцион, где и идут с молотка как «дворцовая мебель».

Однако в открытую продажу для всех, за рубли, поступали не представлявшие художественного значения заурядная посуда, мебель, одежда. Это были просто вещи, которых тогда столь остро не хватало, отечественная промышленность их в то время не выпускала в достаточном количестве. Лучшее же из запасников, действительно имевшее художественную ценность, интересное для любителей, предназначалось иностранцам, которые готовы были платить валютной. Местом таких совершенно открытых, но не очень заметных постороннему взгляду коммерческих операций стали магазины «Антиквариата».

Нет, не антикварные магазины, а именно магазины «Антиквариата» — объединения по экспорту и импорту антикварно-художественных вещей. Его в октябре 1925 года образовали при Госторге РСФСР, республиканском органе сначала Наркомвнешторга, а с ноября того же года — Наркомата внешней и внутренней торговли. Новому объединению предстояло стать, наряду с учрежденной одновременно «Международной книгой» и несколько позже Торгсином и Интуристом, внутренним источником получения свободно конвертируемой валюты.

Всего два магазина «Антиквариата» — ленинградский, на Дворцовой набережной, дом 18, в нескольких шагах от Эрмитажа, и московский, на Тверской, в доме 26, — покупали за рубли и продавали за доллары, фунты, марки, франки «старинные вещи, картины, рисунки, гравюры, мебель, бронзу, иконы, фарфор, серебро, парчу, всевозможные ткани, рамы для картин (позолоченные, красного дерева) и пр.»³⁵ Два года они действовали под полным контролем музейного отдела, осуществляя в разумных пределах советский экспорт произведений искусства и поставляя средства на охрану культурно-исторического наследия.

Только теперь доходы с расходами начали сходиться. Денег стало хватать и на содержание сотрудников, и на музейную работу, и даже на реставрацию памятников зодчества.

Восстановительные работы в 1925 году удалось развернуть сразу на 45 объектах: в соборе Двенадцати апостолов в Московском Кремле, Покровском соборе на Красной площади, палатах Саввино-Сторожевского монастыря, Дьяковской церкви в Коломенском, Троице-Сергиевой лавре, Софийском соборе в Новгороде, Георгиевской церкви в Юрьеве-Польском, Пафнутьев-Боровском, Кирилло-Белозерском монастырях... На следующий год на реставрацию уже удалось выделить огромную по тем временам сумму — свыше 300 тысяч рублей. Ведущие специалисты — К. К. Романов, Д. П. Сухов, И. М. Хозеров, П. Д. Бараневский не только продолжили начатые работы, но и приступили к новым: в Успенском монастыре города Александра, в Адмиралтействе и Зимнем дворце в Ленинграде, Большом дворце Детского Села, в Тульском кремле, Спасской церкви Ефросиньева монастыря под Смоленском.

Объемы восстановительных работ во второй половине 20-х годов неуклонно возрастали. Вскоре началась реставрация кремлевских стен и башен Новгорода, Пскова, ряда соборов и церквей Ярославля, Костромы, Вятки, Сольвычегодска, Великого Устюга. Вместе со строителями и архитекторами трудились и крупнейшие знатоки древнерусской живописи — Ю. А. Олсуфьев, А. И. Анисимов и другие. Они проводили тщательнейшее изучение икон, фресок и либо реставрировали их на месте, либо отправляли в специальные мастерские Москвы и Ленинграда. Но пожалуй, самым важным, значительным событием стало возвращение пушкинских реликвий.

В сентябре 1927 года поклонники таланта великого русского поэта вновь смогли войти в скромный домик в Михайловском, увидеть воссозданное скром-

ное имение на крутом берегу Сороти, отрезанное от мира и времени глухим бездорожьем, но все равно притягивающее к себе каждого, кто хоть раз услышал вдохновенные стихи Пушкина.

Михайловскому всегда не везло. Оно сторело первый раз еще в XIX веке, но все же возродилось на старом пепелище — правда, не столько мемориальным музеем, сколько «колонией из литераторов». В канун революции доживали там свой век три старушки: В. В. Починковская, когда-то бывшая секретарем в журнале Ф. М. Достоевского «Гражданин», некая Ланская, дальняя родственница второго мужа Н. Г. Гончаровой, и обычная богаделка, которую пристроил в Михайловское ее опекун, местный земский начальник Карпов.

Вновь беда обрушилась на пушкинский уголок вскоре после революции. 19 февраля 1918 года, примерно в полдень, постройки Михайловского запылали, подожженные местными крестьянами, как накануне — в Тригорском. Уцелел, да и то чисто случайно, лишь до́мик няни.

Судьба колыбели пушкинского гения, место рождения «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», не могла оставить равнодушными людей. Возрождению Михайловского помогали кто чем мог: Совнарком, объявивший все три имения заповедником; поклонники, создавшие Общество друзей Пушкинского заповедника; музейный отдел, занимавшийся восстановительными работами.

А через несколько месяцев после открытия музея в Михайловском, весной 1928 года, в Ленинград прибыла и наконец обрела свое законное место в Пушкинском Доме вся знаменитая Онегинская коллекция.

А. Ф. Отто еще в юности стал страстным поклонником Пушкина. Во имя этой бескорыстной любви взял себе псевдоним Онегин, всю жизнь собирал, бережно хранил все, что было связано с именем его кумира. В руках Онегина оказалось множество рукопи-

сей Александра Сергеевича, официальных документов, проливающих свет на причины и обстоятельство дуэли, — «Журнал, веденный при разборе бумаг покойного Александра Сергеевича Пушкина с 7 февраля по 15 марта 1837 года», переписка В. А. Жуковского с Дубельтом и Бенкендорфом, собственноручные записки Николая I... А также прижизненные издания, портреты, иллюстрации к произведениям, скульптуры.

Онегин в 1908 году завещал свое уникальное собрание Пушкинскому Дому за единовременное вознаграждение 10 тысяч рублей и шеститысячную ежегодную пенсию. Договор неукоснительно соблюдался до середины 1917 года, когда оказался юридически аннулированным, ибо все официальные связи между Россией и Францией прервались, и Онегин перестал получать деньги. Только в конце 1922 года представителю Центросоюза, единственному тогда защитнику интересов РСФСР в Париже, М. И. Скобелеву с трудом удалось уговорить А. Ф. Онегина вернуться к прежней практике, твердо пообещав не только погасить задолженность, но и продолжить выплату пенсии.

18 марта 1923 года коллегия Наркомпроса подтвердила правомочность предварительных переговоров и постановила срочно перевести Онегину 15 тысяч рублей золотом. Начавшиеся к тому времени коммерческие операции Отдела по делам музеев и охране памятников оказались как нельзя кстати. Деньги на пенсию парижскому коллекционеру, и большие, пришлось изыскивать еще долго — А. Ф. Онегин скончался в марте 1925 года. А потом появились новые хлопоты, связанные с вводом в действие завещания, прием, упаковку всех предметов пушкинского собрания. Первый транспорт прибыл в Ленинград 21 июня 1927 года.

...Так или иначе, дело, хотя и не в прежних масштабах, постепенно налаживалось. Самое ценное, значительное Музейному отделу удалось сберечь, не-

смотря ни на что. Ну а заняться остальным собирались потом, когда жизнь наконец наладится. Однако вновь, как уже было совсем недавно, после введения НЭПа, размеренный ход событий круто изменили всего три слова: «индустриализация», «пятилетний план».

**БАТРАКИ и
КОМСОМЛЬЦЫ.
НА ТРАКТОР!**

**В УДАРНЫЕ КОЛОННЫ
ВЕСЕННЕГО СЕВА!**

Холодным, ветреным вечером 2 декабря 1927 года огромный зрительный зал Большого театра – партер и амфитеатр, ложи и балконы – заполнился на три часа ранее обычного. Столь же непривычно выглядела и раскрытая давно поднятым занавесом пустая, без декораций сцена, лишь очень длинный стол, за которым в три ряда выстроились простые стулья, да еще небольшая трибуна, сиротливо притулившаяся у правой кулисы.

Простота, доходившая до аскетизма, кумачовые транспаранты вдоль всех балконов, вносящие резкий диссонанс в стиль зала с его позолоченной лепниной и алым бархатом кресел, подчеркивали: сегодня ни оперы, ни балета ждать не следует. Спектакль состоится иного рода, политический. XV съезд ВКП(б). Тот самый, который следовало бы собрать еще год назад, когда не стихавшая после окончания гражданской войны шумная борьба различных фракций и групп в партии достигла того предела, за которым стоял только распад.

Тогда пали популярные лидеры, выражавшие настроения леворадикальной, самой многочисленной и убежденной части большевиков: сначала,

в июле 1926 года, руководитель Коминтерна и ленинградской губернской, второй по величине и первой по значимости, парторганизации — Зиновьев; а вслед за ним, в октябре, и Троцкий, герой Октября и общепризнанный вождь Красной армии, при Ленине второй человек в партии и стране.

Поначалу их вывели из Политбюро, годом позже — из состава ЦК, что по уставу мог сделать только съезд. Наконец, всего за месяц до партийного форума, исключили и из партии — партии, в немалой степени созданной, приведенной к власти, удержавшей эту власть именно благодаря им. Исключили за то, что сторонники Зиновьева и Каменева в Москве и Ленинграде вышли 7 ноября на праздничную демонстрацию для защиты и поддержки своих лидеров, с портретами и призывами.

Годичная отсрочка окончательного решения заставила Троцкого и Зиновьева впервые за десять лет забыть о былых принципиальных разногласиях, старых острых спорах, вынудила сплотиться, что тут же в Кремле уничижительно называли оппозицией. «Новая», она же «объединенная», оппозиция противостояла тем, кто стремился поскорее занять господствующее положение в партии, убрав конкурентов любым способом, и предложить стране свой курс, исключающий леворадикализм, противостояла сомкнувшим впервые свои ряды «правым» — А. И. Рыкову, Н. И. Бухарину, М. П. Томскому и «центристам» — И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову.

Завершить четырехлетнюю битву за лидерство предстояло только теперь, когда новый, еще нелегитимный, состав Политбюро сумел заручиться надежной поддержкой большинства делегатов.

Открывая съезд, члену Политбюро и главе правительства Советского Союза А. И. Рыкову следовало всего лишь объявить предлагаемую повестку дня, внятно и четко перечислив вопросы, подлежащие

обсуждению. Однако сделал это председатель Совнаркома весьма странно: путано, неясно. Да еще вдруг предупредил всех: «Мы должны быть готовы и к такому положению, когда в силу назревающих событий, может быть, придется перестроить наши ряды». Но не уточнил – что за «назревающие события», как именно «придется перестраивать ряды» партии.

Ситуация прояснилась в какой-то мере только на следующее утро, когда на трибуну для политического отчета ЦК поднялся И. В. Сталин.

Как обычно, он начал с анализа международного положения, строго придерживаясь шаблонной для партийных съездов и конференций риторики. В который уж раз констатировал: «Стабилизация капитализма становится все более и более гнилой, неустойчивой», а потому, мол, «Европа явным образом вступает в полосу нового революционного подъема». Пояснил, что недавний конфликт с прежде дружественным гоминьдановским Китаем и разрыв дипломатических отношений между Великобританией и СССР несомненно свидетельствуют об «отходе в прошлое» «мирного сожительства» Советского Союза и капиталистических стран.

Однако вслед за тем Сталин не стал, как было принято, нагнетать страх, запугивая аудиторию якобы непременным и очень близким военным походом всех стран Запада против молодой Советской республики. Напротив, он неожиданно призвал совершенно к иному, непривычному. Наша задача, сказал Сталин, «оттянуть войну, откупиться от капиталистов и принять все меры к сохранению мирных отношений... Основа наших отношений с капиталистическими странами состоит в допущении сосуществования двух противоположных систем»³⁶.

Столь странным, по сути капитулянтским, с точки зрения ортодоксальных марксистов, заявлением он ясно показал: предстоящее на съезде осуж-

дение оппозиции, то есть всего леворадикального крыла партии, не пустые слова. Только что возникший блок «правых» и «центристов» был всерьез намерен решительно изменить внешнеполитический курс страны, отказаться от бывшей демонстративной конфронтации с Западом по чисто идеологическим мотивам, на которой всегда настаивали «левые» — и троцкисты, и зиновьевцы. Продолжали настаивать и ныне — ибо зачем тогда было Троцкому совсем недавно, всего пять месяцев назад, на одном из митингов в Ленинграде заверять своих слушателей: «Будем помогать всем рабочим движениям, даже если это будет портить отношения с правительствами...»

Своими словами о намерении «откупиться от капиталистов» подтвердил генсек и обоснованность обвинения, брошенного Троцким на заседании Политбюро 12 августа 1926 года: «Товарищ Сталин выставил свою кандидатуру на роль могильщика партии и революции».

Но Сталин не был бы действительно центристом, если во втором разделе отчета, посвященного проблемам экономики, не согласился бы с путем, указанным «левыми», не признал бы его жизненно необходимым для страны, не призвал бы партию во внутренней политике следовать только им.

Для начала, ссылаясь на данные Госплана, Сталин порадовал делегатов, сообщив, что наконец-то народное хозяйство по всем показателям вышло на довоенный уровень. Но он не стал убеждать их, что это предел возможного, — напротив, призвал партию «двигать дальше народное хозяйство нашей страны по всем отраслям», но прежде всего «двигать дальше всеми мерами индустриализацию». «Закрепить достигнутый уровень развития, усилить его в ближайшем будущем на предмет создания благоприятных условий, необходимых для того, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны»³⁷.

Для делегатов съезда, для всех членов партии, да и не только для них, в данном предложении не содержалось ничего нового. Обо всем этом в апреле, на V съезде Советов СССР, уже говорил председатель президиума ВСНХ В. В. Куйбышев, а до него писал самый популярный в стране экономист Е. А. Преображенский, один из ближайших сподвижников Троцкого, вместе с Бухариным написавший знаменитую «Азбуку коммунизма», тогда единственный в партийной и комсомольской среде учебник большевизма.

...Все без исключения большевики как истинные марксисты рассматривали индустриализацию как не только необходимую, но и неизбежную стадию развития СССР. Раскололись же они осенью 1925 года на «правых» и «левых» в спорах лишь по одному, но весьма принципиальному, решающему вопросу — о сроках ее осуществления.

«Правые», и прежде всего Бухарин, категорически возражали против форсирования индустриализации. Они полагали, что ее темпы следует непременно обусловить постепенным накоплением государством средств, а накопление это должно производиться в первую очередь, если не исключительно, за счет доходов от внешней торговли.

«Левые», они же троцкисты, напротив, настаивали на форсировании индустриализации, на ускоренных и даже сверхускоренных темпах. Они предлагали свое видение надежного источника финансирования грандиозных строек, названного их теоретиком Преображенским «первоначальным социалистическим накоплением».

«Такая страна, как СССР, — писал Е. А. Преображенский в своей фундаментальной работе «Новая экономика», сразу же ставшей настольной книгой для многих коммунистов, — с ее разоренным и вообще достаточно отсталым хозяйством, должна будет пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников досоциалистического

хозяйства». Тут же разъяснял, что под последним понятием он имеет в виду кулаков и нэпманов.

Преображенский настойчиво повторял, открыто полемизируя с Бухариным и его сторонниками: «Мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского, хозяйства, является, несомненно, мелкобуржуазной утопией»³⁸.

Серьезнейшее и страшное политическое обвинение!

Впрочем, источники финансирования индустриализации Преображенский не ограничивал лишь сверхналогами на крестьян и нэпманов. Он предлагал широко использовать также эмиссию бумажных денег, железнодорожные тарифы, монополию банковской системы, регулярные займы у населения, пошлины на ввозимые товары и только в последнюю очередь — из-за неустойчивости, непредсказуемых колебаний мирового рынка — доходы от внешней торговли.

Предлагая свой курс, курс «левых», Преображенский не скрывал трудностей, которые непременно породит ускоренная индустриализация. «В самом начале социалистического накопления, — отмечал он, — государство ведет производство, несмотря на его убыточность, и стремится лишь к наименьшему убытку во всем хозяйстве в целом и далеко не всегда — к наименьшему убытку при выборе предприятий, которые надо пустить в ход»³⁹.

И вот теперь, на съезде, выбор наконец был сделан. Индустриализацию страна проводить будет, причем ускоренными темпами — в пять лет, согласно разрабатываемому и предлагаемому делегатам плану. Как и предлагали троцкисты.

Значит, за счет крестьянства? За счет свертывания НЭПа (даже это понятие Преображенский предлагал упразднить)?

Прямого ответа на этот вопрос Сталин не дал. Не сказал об источниках финансирования индустриа-

лизации и Рыков — «правый», вполне сознательно уклонившись от обсуждения проблемы.

Следовательно, предстояло осуществлять план «левых», но способами, предлагавшимися «правыми»? В таком решении и выражался центризм Сталина. Судя по всем докладам, выступлениям получалось именно так: выполнение пятилетнего плана предстояло финансировать главным образом из доходов от внешней торговли.

Не случайно Рыков в своем довольно продолжительном докладе — в основном о пятилетке — выделил проблемы внешней торговли в особый раздел, недвусмысленно подчеркнув: «В пятилетнем плане необходимо исходить из того, что на протяжении ближайших пяти лет процесс индустриализации страны будет очень сильно зависеть от торговли с границей. Эта зависимость будет выражаться в необходимости импорта заграничных машин для оборудования фабрик и импорта сырья для работы легкой промышленности». Перейдя к экспорту, он сразу выразил серьезнейшие сомнения в том возможном объеме вывоза хлеба, который наметил Госплан, и потому предложил: «Партии и советским органам необходимо отнестись с гораздо большим вниманием, чем до сих пор, к вопросам экспорта. Необходимо добиться большего успеха в вывозе других товаров, кроме хлеба. Например, леса, продуктов животноводства и тому подобного»⁴⁰.

Рассуждая так, глава правительства прежде всего пытался защитить интересы крестьянства, оградить его от возможной новой prodrazverstki, иных грядущих напастей. Потому-то он и не сказал о важнейших иных статьях советского экспорта, вот уже пять лет приносящих в казну государства весьма немалый доход, гораздо больший, нежели зерно: о нефти, пушнине, наконец, о золоте и платине — самых идеальных расчетных средствах, более надежных, нежели твердая валюта.

Окончательно определить источники финансирования индустриализации должно было выступление А. И. Микояна, наркома внешней и внутренней торговли с августа 1926 года. Уж кому, как не ему, следовало знать реальные возможности советского экспорта — какие именно товары сколько приносят дохода, каков зарубежный рынок, на что страна может там рассчитывать.

Однако начал Микоян с иного. Единственный из всех выступивших на съезде, он не побоялся повторить прогноз Преображенского, честно и откровенно предупредил аудиторию о тех трудностях, которые ожидают население страны. О трудностях, коренящихся во все еще не решенных экономических проблемах:

«Товарный голод, расхождение промышленных и сельскохозяйственных цен, расхождение цен мировых и советских, аграрное перенаселение и безработица, узость собственной сырьевой базы индустрии, соотношение между легкой и тяжелой индустрией, отсталость зернового хозяйства в товарных районах, слабость экспорта, валютные трудности и недостатки средств для желательного темпа социалистического строительства...

Эти основные хозяйственные диспропорции, — сделал нарком вывод, — резко отражающиеся на переживаемой конъюнктуре, будут определять характер хозяйственной жизни на всем протяжении пятилетки».

Лишь затем он популярно объяснил в массе неподготовленным депутатам — полуграмотным рабочим и столь же малограмотным партийным работникам:

«Экономические сношения нашей страны с мировым рынком и с мировым хозяйством идут по трем основным линиям, по трем руслам. Первая линия — это концессионное привлечение иностранной техники и иностранных капиталов в наше хозяйство. Вторая линия — это привлечение технической помо-

щи и третья линия — товарооборот между СССР и мировым рынком и привлечение иностранных капиталов во внешнюю торговлю»⁴¹.

По логике далее Микояну следовало бы детально разобрать преимущества и недостатки каждой из «линий», оценить их перспективы с точки зрения обсуждаемого плана индустриализации. Однако о концессиях он практически умолчал, видимо решив не затрагивать ту сферу, за которую еще месяц назад всю ответственность нес Троцкий — председатель Главного концессионного комитета при СНК СССР с мая 1925 по ноябрь 1927 года. Микоян ограничился простой констатацией слегка негативного характера: «Концессионная политика, вы знаете, не дала тех результатов, которые нами предполагались». Столь же кратко остановился он и на второй «линии»: указал только, что в минувшем экономическом году за покупку чертежей, патентов, за технические консультации пришлось уплатить около 3 миллионов рублей, а в наступившем году эта цифра должна удвоиться.

Перейдя к внешней торговле, нарком явно не случайно повторил главную мысль Рыкова: «Мы можем поднимать наше хозяйство на индустриальной основе и строить социализм лишь при условии, если мы — в особенности на первых порах — будем ввозить достаточное количество машин и сырья для того, чтобы поставить собственное производство средств производства. Но ввозить можно только на деньги, вырученные от экспорта, ибо у нас нет ни больших запасов золота, ни заграничных займов. А так как экспорт наш отстаёт, то мы не удовлетворяем нужд страны в импорте»⁴².

Не довольствуясь столь красноречивым признанием экспорта чуть ли не единственным источником финансирования индустриализации, Микоян, опять же вослед Рыкову, в своих прогнозах не стал особенно полагаться на возможности вывоза хлеба. Он так пояснил свое видение проблемы:

«Этот год будет у нас трудным годом, ибо хлеб почти выпадает из экспорта и будет вывезен в очень малом количестве. Поэтому нужно все силы направить, чтобы поднять другие статьи экспорта. Мы должны привлекать для экспорта каждую мелочь, не брезгуя ни десятками, ни сотнями тысяч рублей. Только этим путем мы поднимем экспорт. А инициатива и факты показали, что возможности у нас громадные. Мы должны привлечь наших работников, должны поставить себе задачей поднять экспорт во что бы то ни стало, ибо это означает ввоз оборудования и сырья для нашей промышленности. Усиление экспорта должно явиться вопросом большевистской чести для наших работников. Уметь при трудностях, при нехватке поднять экспорт, расширить это узкое место и открыть пути и простор для роста нашего народного хозяйства — вот в чем задача!»⁴³

И все же призыв Микояна — не только наркома внешней и внутренней торговли СССР, но и члена Политбюро ЦК ВКП(б), человека, дошедшего почти до вершины власти, — пока оставался всего лишь благим пожеланием, до последнего дня работы съезда, до 19 декабря, когда и была принята резолюция о директивах по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства страны — документ весьма неопределенный, противоречивый по сути.

С одной стороны, он одобрял саму идею «левых» и Преображенского о необходимости ускоренной индустриализации; но с другой стороны, делая явную уступку интересам «правых», резолюция предлагала нечто иное: «Следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития».

Более определенно возобладала позиция «правых» в отношении источников финансирования индустриализации. И крестьянство, и новую буржуа-

зию, нэпманов, решили пока не душить сверхналогами, а ограничиться для нужд развития экономики поступлениями прежде всего от экспорта. «Необходимо строить план внешней торговли с обязательной установкой на активный баланс»¹⁴, — категорически требовала резолюция.

Утверждение «директив» по составлению пятилетнего плана, вернее, пока всего лишь его идеи, голой, ничем не наполненной схемы — в нем отсутствовали наиважнейшее, реальные цифры, конкретные будущие стройки, — неожиданно породило невиданный ранее энтузиазм. Индустриализация и то, что она должна была принести с собой, внезапно обрела десятки миллионов горячих и искренних сторонников.

Для всех без исключения большевиков, как «левых», так и «правых», выполнение плана означало свершение великой миссии, взятой ими на себя при вступлении в партию, претворение в жизнь заветов учителей — Маркса и Ленина, продолжение дела, начатого революцией 1917 года.

Для беспартийной, далекой от политики интеллигенции пятилетка означала скорее продолжение дела Петра Великого. Она позволяла вернуть отброшенную на несколько столетий назад татаро-монгольским игом, изолированную от западных соседей и всего мира православием страну в лоно европейской цивилизации, покончить с затхлым, провинциальным бытом, нравами, коренящимися в Средневековье и практически не затронутыми революцией.

Для исповедующих твердую государственность — и старых монархистов, националистов, и новоявленных евразийцев — пятилетка облекала в явь мечту о Третьем Риме.

Для крестьян, включая и вчерашних, недавно перебравшихся в города, ставших там рабочими, служащими, даже партийными работниками, пяти-

летка сливалась с проповедовавшейся христианством легендой о грядущем тысячелетнем царствии божьем на земле, в поисках которого не раз снимались с места целыми деревнями, устремлялись в неведомый путь ради достижения если не завтра, то хотя бы послезавтра, через год, земли обетованной. Для кого — Беловодья, для кого — града Китежа...

Теперь дело оставалось за «малым». Предстояло следующее:

отобрать из семи имевшихся у правительства два наиболее приемлемых варианта плана; их опубликовали только 15 декабря 1928 года;

выбрать, тщательно просчитав возможности страны, один из двух вариантов — минимальный или оптимальный; сделали это на расширенном заседании СНК и СТО СССР несколько позже, 26 марта 1929 года;

утвердить избранный — им оказался оптимальный, то есть максимальный — вариант плана; за него единогласно проголосовали на V съезде Советов СССР в мае 1929 года.

Но осуществление пятилетнего плана, вошедшего в историю как первый, почему-то начали отсчитывать с 1 октября 1928 года. Ну а подготовку, вернее, накопление валютных средств для претворения его в жизнь начали гораздо раньше; летом 1927 года, еще до созыва XV съезда партии, почти сразу после доклада Куйбышева и резолюции IV съезда Советов СССР, потребовавшей «в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран»⁴⁵.

Именно поэтому уже тогда все то, что еще только предстояло сказать Микояну на партийном форуме о решающей для индустриализации роли экспорта, стало как бы приказом — никем не отданным и, тем не менее, обязательным к неукоснительному

исполнению. Во всяком случае, его начали ревностно исполнять – тем более что именно в тот год сложилась необычайно благоприятная ситуация на мировом рынке, лучшая для страны за все последнее время.

Обратимся к цифрам, характеризующим внешнюю торговлю СССР в середине 1920-х годов. И воспользуемся для того не традиционными статистическими ежегодниками (готовились они со слишком большим запозданием, что позволяло в принципе манипулировать данными), а оперативными сводками, которые регулярно публиковал еженедельник «Советская торговля», издававшийся Наркоматом внешней и внутренней торговли.

Годы	Вывоз в млн. руб.	Ввоз в млн. руб.	Сальдо
1924/25	575	724	-149
1925/26	708	756	-53
1926/27	797	713	+84
1927/28	784	945	-161

Так, во всяком случае, утверждал журнал⁴⁶. Сам же нарком Микоян на съезде привел несколько иные, хотя и близкие цифры. По его словам, отрицательное сальдо в 1924/25 экономическом году составляло 164 миллиона рублей, в 1925/26 – 79 миллионов, а положительное в 1926/27 – 57 миллионов.

Так выглядела ситуация к началу осуществления пятилетнего плана.

Таблица позволяет увидеть, что советская внешняя торговля, несмотря на неуклонный рост товарооборота, переживала далеко не лучший свой период: за четыре года она лишь однажды имела положительное сальдо.

Рассмотрим и тот аспект внешнеторговых операций, который остался за пределами таблицы: что мы предлагали на мировом рынке, что там находило сбыт?

Как показывают вызывающие доверие данные, опубликованные все той же «Советской торговлей», почти половину нашего экспорта 1927/28, самого к тому времени неудачного бюджетного года, составляли: пушнина — 17 %, нефть и нефтепродукты — 15,4 %, лесоматериалы (включая спички) — 12,6 %. Во вторую по значимости доходности группу экспортных продуктов входили: яйца — 6,4 %, масло — 6,2 %, хлеб — 5,4 %, лен и кудель — 3,3 %, жмыхи — 2,6 %, мясопродукты — 2,5 %, марганец — 2,2 % и сахар — 1,6 %⁴⁷.

Но кроме того существовала и третья группа — так называемый «второстепенный» экспорт, на долю которого тем не менее приходилась четверть всего вывоза. Он включал такие необычные, даже неожиданные товары, как мездровый клей, минеральная вода, рога и копыта (да-да, те самые, которые заготавливал Остап Бендер и его компаньоны!), лавровый лист, раки, трепанги, орехи, мед, сено, солома, рогожи... Сюда же относился и антиквариат, точнее — произведения прикладного искусства из фондов немужейного значения.

Вернемся, однако, к таблице. Она, как и слова Микояна, дает четкое представление о том, что в канун осуществления пятилетнего плана страна оказалась весьма близкой к экономическому краху: колоссальные долги Западу, постоянная необходимость выплачивать проценты и давно уже поделенный мировой рынок, где для товаров из СССР помимо тех, что уже вывозились, места просто не было.

И все же Политбюро, правительство пошло на отчаянный шаг, поставило все на одну карту — на преобразование в кратчайший срок отсталой аграрной страны в индустриальную. Да еще за пять лет.

Именно с этой целью уже летом 1927 года советские торгпреды, прежде всего в Нью-Йорке, стали

исподволь, очень осторожно, не давая никаких твердых обещаний, вести переговоры с ведущими фирмами: «Форд», «Дженерал моторс», «Мак-Ки», «Катерпиллер»; «Джон Лир», «Виккерс», «СКФ»... Начали изучать их предложения, прикидывая, которая из них могла бы дешевле других продать жизненно важные для страны предприятия и лицензии на выпуск продукции.

Одновременно приходилось покупать в Германии и Великобритании, Франции и Италии то, что отечественная промышленность пока не производила, но без чего Советский Союз просто не мог существовать, развиваться, модернизировать только своими силами старые предприятия, помогать сельскому хозяйству. Покупали — порою за наличную валюту, но чаще в кредит прокат черных металлов, фасонную сталь, цветные металлы, трубы, металлические конструкции, станки и запасные части к ним, рельсы для железных дорог, военные и торговые суда, тракторы, автомобили, химикаты, удобрения, племенной скот, хлопок, каучук, чай, кофе, какао...

Потому-то и приходилось чуть ли не еженедельно Политбюро, Наркомфину и Госбанку решать вопрос об оплате импорта, латать тришкин кафтан, перебрасывая средства с одной статьи, менее значимой сегодня, на другую, — лишь бы нам продавали, продавали, продавали.

Потому-то так внезапно и заинтересовался Внешторг «второстепенным» экспортом, не приносившим большой прибыли, но зато не имевшим на международном рынке конкуренции, решив среди прочего увеличить вывоз и антиквариата. Так была предугадана идея А. И. Микояна «привлекать для экспорта каждую мелочь, не брезгуя ни десятками, ни сотнями тысяч рублей»⁴⁸.

Внешторговцы не побрезговали.

К выбору антиквариата как весьма перспективного вида экспорта внешнеторговое ведомство подтолкнуло роковое стечение случайностей. Во-первых, шумиха, поднятая летом 1927 года вокруг двух заурядных коммерческих сделок, заключенных независимо друг от друга, в разное время и даже в разных странах. А во-вторых — назначение в январе 1922 года заведующей подотделом кино торгпредства РСФСР в Германии Марии Федоровны Андреевой.

Андреевой, казалось, самой судьбой предопределено было служить Мельпомене. Ведь ее отец — Федор Юрковский, из дворян Харьковской губернии, — много лет работал главным режиссером петербургского Александринского театра, на той же сцене играли ее мать и старшая сестра. Лишь муж — Желябужский, действительный статский советник, служивший в министерстве путей сообщения, был далек от мира театра.

Разумеется. Мария Федоровна стала актрисой. Она участвовала в создании Московского Художественного театра, сыграла там Леля в «Снегурочке», Ирину в «Трех сестрах», Наташу в «На дне», другие роли. Тогда же она познакомилась с Максимом Горьким; дружба, вскоре перешедшая в любовь, связала их на многие годы.

После революции 1905 года, в которой Андреева приняла активное участие, актриса ушла из Художественного, играла на сценах театров Суходольского, Незлобина. В 1917 году она переехала в Петроград, занялась государственной деятельностью: возглавляла театральный отдел, художественный подотдел Петрограда.

И вдруг — торговля. Правда, поначалу, первые четыре года, Андреева занималась кинофильмами. Но душа у нее к новому делу не лежала, все больше

тянуло в Россию, в театр, на сцену. Однако приходилось себя пересиливать.

В 1925 году М. Ф. Андрееву повысили в должности, назначив заведующей художественно-промышленным отделом. Теперь ей поручили уже не покупать немецкие кинофильмы, а продавать изделия кустарей России и Украины, Закавказья и Средней Азии: ковры, холстины, рогожи, вышивки, игрушки, изделия из бересты и кости, бочонки... а заодно и антиквариат. Точнее, она должна была контролировать выполнение долгосрочного соглашения, заключенного еще в октябре 1923 года с одной из ведущих берлинских фирм, проводивших аукционы произведений искусства, — «Кунстаукционхауз Рудольф Лепке».

Соглашение было выгодным для обеих сторон. Немцы авансировали половину суммы на закупки, за свой счет отправляли в Ленинград экспертов, которые обходили частные и государственные магазины и лавочки на Невском, в Гостином дворе, на Апраксином рынке, отбирали, покупали, за свой счет паковали и отправляли в Берлин приглянувшиеся картины, бронзу, фарфор, хрусталь. За свои труды они получали 7,5 % от оценочной стоимости выставленного к продаже и 25 % от прибыли.

Три года продолжалась спокойная, не волновавшая никого, но и не приносявшая особых доходов коммерция. Положение резко изменилось поздней весной 1927 года, когда Мария Федоровна побывала на родине. Тогда-то она и обратила внимание на антикварный бум, порожденный распродажами Главнауки, вспомнила призыв Ленина учиться торговать. Ведь еще в апреле 1921 года Андреева, по заданию Л. Б. Красина, ездила в Германию, Данию и Швецию, читала лекции о голоде в России, продавала первые партии произведений искусства, собранные Наркомвнешторгом для экспорта.

Далекая от музейной деятельности, от искусствоведения, Мария Федоровна наивно сочла, что на-

пала на неиссякаемую золотую жилу и решила воспользоваться открывшимися, как ей показалось, перспективными возможностями и повысить валютные поступления своего отдела в Советский Союз. Она уже договорилась с «Рудольф Лепке» о расширении операций, проведении особого аукциона, но натолкнулась на неожиданное «препятствие» — конкуренцию.

До тех пор немецкие антиквары действовали на ленинградском рынке монопольно: кроме них, никто не платил валютой и не сбивал довольно низкие цены. А это-то и давало берлинской фирме возможность хорошо зарабатывать, создавало у нее заинтересованность. В июле появился конкурент, готовый заплатить более высокую цену, — некий Степан Михайлович Муссури, гражданин Греции, проживавший в Москве.

В отличие от других деловых людей из Европы, предпочитавших останавливаться в комфортабельных отелях, Муссури обосновался на окраине, на Божedomке, в доме № 20 по Первому Лазаревскому переулку. Действовать он решил вполне легально, не нарушая законов: после долгих переговоров заключил 12 июля 1927 года договор с региональным учреждением внешнеторгового ведомства — Мосгосторгом. Соглашение позволяло Муссури «проводить в пределах СССР закупку и прием на комиссию предметов старины и роскоши, как то: старинной мебели, предметов домашнего обихода, религиозного культа, предметов из бронзы, фарфора, хрусталя, серебра, парчи, ковров, гобеленов, картин, автографов, русских самоцветов, кустарных изделий и т. п., не представляющих музейной ценности, а также экспортировать указанные предметы по лицензиям, выдаваемым Наркомторгом СССР»⁴⁹.

Но только после легализации С. М. Муссури занялся поиском денег. Их ему удалось получить у берлинского банкирского дома «Бернгейм, Блюм

и К°» на весьма кабальных условиях. Представитель банка доктор Фридрих Пинофф и Муссури образовывали «Товарищество для экспорта предметов старины и роскоши» с уставным капиталом 25 тысяч рублей и гарантированным кредитом 200 тысяч рублей. Но так как Степан Михайлович не вносил в дело ни копейки, фактически он становился всего лишь служащим — оценщиком и скупщиком.

Антикварный магазин товарищества, вскоре открытый в Москве на улице Герцена близ консерватории, сразу же приобрел известность, причем не только у москвичей, но и у жителей Ленинграда, куда Муссури навещался регулярно и часто. Еще бы, ведь он давал настоящую цену, не то что Главнаука, и даже мог — правда, за действительно очень редкое произведение искусства — заплатить не рублями, а долларами!

Отлично чувствовал себя после подписания договора и руководитель Мосгосторга Николай Семенович Клёстов, более известный по партийному псевдониму Ангарский. Теперь без каких-либо трудов и затрат он мог пополнять казну государства, получая с Муссури полную стоимость купленных тем вещей в валюте. А значит, появлялась возможность отдалиться тому, что было ему ближе всего, — литературе: ведь одновременно он возглавлял и издательство «Недра».

Страсть к книге, вкус к художественным произведениям передались Н. С. Ангарскому, скорее всего, с генами. От отца. Затем ради получения знаний он уехал в Париж, чтобы с головой окунуться в мир европейской культуры. Однако неожиданно для себя сблизился с ленинской группой «Искры», на много лет полностью ушел в революционную деятельность. Нелегально вернувшись в Россию, был сослан, бежал, участвовал в баррикадных боях 1905 года. Создал подпольное издательство, печатавшее нелегальную литературу, Маркса и Ленина.

Затем провел годы в ссылке на Ангаре, где и застало его падение самодержавия.

С марта 1917 года Н. С. Ангарский — член Моссовета, Московского комитета большевиков. После Октября он недолго заведовал юридическим отделом исполкома Моссовета и более четырех лет — издательским, одновременно редактируя журнал «Творчество». И только в 1922 году ему все же удалось целиком отдаться давней страсти: он начал издавать сборники «Недра». Через два года возникло самостоятельное издательство. Здесь Ангарский опубликовал «Дьяволиаду» и «Роковые яйца» Булгакова (пытался пробить через цензуру «Собачье сердце», но потерпел поражение), повести и романы А. Толстого, В. Вересаева, П. Романова, И. Эренбурга, Б. Пильняка, стихи М. Волошина. Большинство этих произведений вскоре на шестьдесят лет оказались под запретом. Выходили в «Недрах» К. Гамсун, Дж. Голсуорси, А. Моруа, М. Пруст, Г. Уэллс... Словом, все лучшее в отечественной и зарубежной литературе.

И все же именно Николай Семенович Ангарский вместе с Марией Федоровной Андреевой сделали первый шаг на том роковом пути, который привел к распродаже национального культурного достояния, к разграблению Эрмитажа. А помог им в этом Наркомфин Российской Федерации.

Операции фирмы «Рудольф Лепке», соглашение с С. М. Муссури никто не скрывал. Да и не было в них ничего такого, что требовало бы соблюдения если не государственной, то хотя бы коммерческой тайны. Ведь мы лишь позволили иностранцам покупать у населения и вывозить из страны только то, что разрешали эксперты Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины, сохраняя полный контроль за их действиями. Все остальное являлось делом случая да удачи: может, повезет, а может — и нет. Ну а чем больше будет зарубежных

антикваров, тем лучше: ведь конкуренция повышала цены, а значит, больше денег оседало в Госбанке. Никто не подозревал, чем обернется приезд в СССР из Вены в сентябре 1927 года еще троих антикваров.

Комиссия госфондов Наркомфина РСФСР, которая получала из музеев страны «немузейные» ценности для продажи в пользу государства и Наркомпроса, также возмечтала заработать валюту: снеслась с советским торгпредством в Австрии и через него пригласила представителей венской аукционной фирмы «Доротеум». Она показала прибывшим — Бауму, Зильберману и Ледереру — свои склады в Москве и Ленинграде, в принципе договорилась о продаже в Вене того, что отберут искусствоведы по соглашению со своим руководством. И грянул грандиозный скандал.

В октябре с дипломатической почтой в Наркомторге СССР получили гневное послание от М. Ф. Андреевой. Не скрывая раздражения, она писала:

«...Считаю необходимым довести до Вашего сведения, что Берлин сейчас полон слухов о грандиозных концессиях, о чрезвычайно льготных условиях договоров, заключаемых в СССР и Наркомторгом, и Наркомпросом.

О договоре Муссури здесь не только известно, но текст договора, переведенный на немецкий язык, имеется в руках немецких фирм, под этот договор ищут денег. Вы представляете себе, как это выгодно для нас и как вредно отзовется на нашей работе, на аукционе, назначенном на 9 ноября.

Я писала Вам в своей записке, что на нашем внутреннем рынке благодаря появлению нескольких закупающих групп создается ажиотаж и частные владельцы уже подняли цены на 200—400%, что в дальнейшем сделает покупку вещей на рынке совершенно невозможной...

Только что Севзапгосторг начал рационально и с выгодой для себя экспорт трудного и сложного

для реализации антикварного товара, причем не пользуясь никакими льготами, уплачивая все пошлины и налоги, как немедленно появилось несколько конкурентов, что уже само по себе вредно, но когда эти конкуренты — частные лица, как Муссури, или иностранцы, как Ледерер, Баум и Зильберман от венского аукционного дома «Доротеум», наконец какой-то банк для американского миллиардера, совершенно теряешься и не знаешь, что думать...

...Этот вопрос далеко не пустяковый, и было бы чрезвычайно важно, если бы Вы выяснили, в чем дело и урегулировали бы все так, чтобы Севзапгосторг и Госторг в целом получили монополию заготовки и экспорта в этой области, а чтобы наше торгпредство являлось единственным органом, реализующим этот товар за границей...»⁵⁰

Реакция на послание М. Ф. Андреевой последовала незамедлительно, хотя и не совсем такая, как она надеялась. События с этого момента стали развиваться даже слишком стремительно. Удивляться тому не приходится. Наконец был получен ответ на вопрос, давно мучивший руководство Наркомторга СССР: как, за счет чего еще можно расширить экспорт, увеличить тем самым поступление столь необходимой валюты.

Общее мнение руководства наркомата было однозначным: Андреева права и расширять наш экспорт следует за счет антиквариата. Разумеется, никакой особой привилегии, монополии Севзапгосторгу — иными словами, ленинградской конторе Внешторга и берлинскому торгпредству — давать не следует. Включиться в работу должны все: и обе конторы — московская и ленинградская, и все торгпредства — в Германии, Австрии, Франции, Италии, Финляндии, других странах, включая Аркос в Лондоне, Амторг в Нью-Йорке.

Ну а источником столь широкой распродажи должно стать то самое имущество Главнауки, кото-

рое переходит в госфонды. И прежде всего — музей Ленинграда и его окрестностей, — ведь о них работники Наркомфина рассказывают легенды...

Решение было принято, и уже в октябре 1927 года — впервые за весь период советской власти, как своеобразный подарок к ее юбилею, — Наркомторг СССР установил твердый план экспорта по антиквариату, определив его размер на три последние месяца года 500 тысяч рублей⁵¹.

И, как бы подтверждая правильность такой линии, в Москву поступила свежая информация:

«В Берлине состоялся 9 ноября аукцион первой партии наших антикварных предметов, отправленных сюда в августе с [его] г[ода]... Коммерческий результат вполне благоприятный: несмотря на то что свыше 1/3 ценностей осталось непроданной, вследствие высокой оценки, выручка за проданную часть уже покрыла с некоторым превышением полную себестоимость всей партии. Реализация остатка будет производиться на ближайшем аукционе»⁵².

Отныне сомнений в предстоящих огромных доходах ни у кого уже не могло быть. А потому Илья Осипович Шлейфер, член коллегии и начальник Управления заграничных операций (УЗО) — структурной части Наркомторга СССР, занимавшейся экспортом и импортом, официально заключил: «Дело это серьезное и заслуживает исключительного внимания. Я полагаю, что при правильной постановке этого дела мы могли бы получить 4—5 м[иллиона] р[ублей] валюты от экспорта»⁵³.

Теперь оставались чисто практические мелочи: избавиться от конкуренции Комиссии госфондов и добиться от Наркомпроса передачи уже непосредственно Наркомторгу СССР максимального количества предметов старины и искусства из музеев, причем как можно быстрее, за несколько месяцев.

С Наркомфином РСФСР поступили просто: напомнили ему, что в стране существует монополия

внешней торговли, и осуществляет ее не кто иной, как Наркомторг СССР, а потому Наркомфин должен незамедлительно прекратить все отношения с зарубежными антикварами.

Добиться покорности Наркомпроса столь же легко не удалось, несмотря на настойчивые заверения, что речь идет лишь о действительно госфондовом имуществе. Лев Филиппович Печерский, помощник начальника УЗО, человек, который в течение последующего года возглавлял, координировал, направлял всю торговлю национальным достоянием, разъяснял: «Наши возможности по экспорту антикварных изделий чрезвычайно велики, хотя следует иметь в виду, что изделия, ценные с точки зрения музейного дела нашего Союза, мы продавать не будем»⁵⁴.

Печерский был уверен в перспективных возможностях нового вида экспорта, но все же решил удостовериться в том лично.

В начале декабря Лев Филиппович выехал в Ленинград, внимательно и дотошно изучил положение дел и изложил свое мнение в докладной записке на имя Шлейфера:

«Во время моей поездки в Ленинград мне удалось выяснить следующее по вопросу об экспорте антикварных изделий.

1) Основное препятствие, которое нам придется преодолеть, заключается в совершенно непонятной косности так называемых «музейщиков», которые уже сейчас подняли большую кампанию против всяких попыток выделения совершенно ненужных вещей для музеев в качестве объектов экспорта. Нам удалось в присутствии знатоков дела ознакомиться, хотя и поверхностно, с так называемым музейным фондом... После того, как Наркомпрос сам убедился в нецелесообразности такого консервирования огромного имущества, имеются настроения в пользу передачи большей части этого фонда (называют

75 и 85 %) в госфонд. Знатоки дела утверждают, что можно, за редким исключением, весь музейный фонд реализовать без всякого ущерба для музейного дела. Если бы понадобилось когда-нибудь приобрести кое-что похожее на имущество фонда для провинциальных музеев, то это удастся сделать с совершенно незначительной затратой средств без особого напряжения и лет через 10. Совершенно поверхностная оценка этого имущества дает чрезвычайно высокую цифру, уточнить которую сейчас, конечно, нельзя, но, грубо считая, можно назвать цифру в миллиона 3.

2) Дворец Палей. Непосредственное знакомство с этим имуществом специалистов приводит к выводу, что достаточно небольшого нажима на Наркомпрос, и нам удастся добиться отмены каких-либо изъятий из этого дворца. Уполномоченный Наркомпроса по Сев.-Зап. области тов. Позерн уже дал свое согласие на изъятие максимум 5—6 предметов. Тройницкий, осмотревший еще раз дворец, дает заключение, согласно которому можно без всякого вреда для музейного дела отказаться и от этих 5—6 предметов. Необходимо вызвать тов. Позерна (он сейчас на партийном съезде), и по отзывам ленинградских товарищей нетрудно будет добиться от него необходимого согласия на передачу всего дворца Палей в госфонд. Тов. Позерн работал на Сев. Кавказе с тов. Микояном, и ленинградцы думают, что согласование вопроса об экспорте антикварных изделий из Ленинграда с тов. Позерном вполне достаточно для того, чтобы преодолеть сопротивление Наркомпроса.

3) Об Эрмитаже. В складах Эрмитажа имеется огромное имущество, переданное ему на хранение после Октябрьской революции. Как выясняется, всем музеям вменено в обязанность не включать в свои инвентарные списки того имущества, которое им было передано на хранение после октября 1917 г. В частности, в Эрмитаже хранится колоссальное

множество ценных с экспортной точки зрения предметов, не имеющих музейного значения в узком смысле этого слова. Так, например, в подвале Эрмитажа большое количество частей средневекового вооружения и панцирей. Тройницкий заявляет, что без специальных разрешений он в состоянии выделить несколько комплектов такого вооружения, которое может дать около 750 тыс. руб. — мил[лион] руб...

На складах Эрмитажа имеется множество фарфоровых изделий, ликвидация которых может дать несколько дворцов Палей. Имеется также разного рода ценное оружие [из подарков царской семье], не имеющее никакого исторического музейного значения. Ликвидация этого имущества встречает сопротивление соответствующего специалиста, но, как выяснилось, достаточно обещать Эрмитажу выделение части валюты, вырученной за эти предметы, и нам удастся, очевидно, преодолеть это сопротивление.

Госторг уговорился с Эрмитажем и приступил к закупке так называемой восточной керамики через специальную группу кавказских скупщиков. Этот товар находит большой спрос во всех европейских и американских музеях.

В Ленинграде имеется так называемый дом Шереметевых, играющий роль музея быта. Дом этот действительно воспроизводит быт дворян царской России, но в нем имеется некоторое количество высокоценных предметов. По мнению тов. Тройницкого, эти предметы безусловно могут быть заменены соответствующими менее ценными экземплярами без всякого нарушения характера ансамбля этого дома. По мнению т. Тройницкого, таких предметов можно выделить на 1/2 мил. рб. без всякого сопротивления соответствующих инстанций Наркомпроса, а при известном напряжении можно получить экспертиз вещей и на 1 м[иллион] р[ублей].

Госторгу предложено обратить также внимание на экспорт антикварных книг. Уже приглашен специалист-антиквар, которому даны соответствующие задания.

Организована также и закупка антикварных ценностей, находящихся в руках частных держателей. Уже приглашены 3 специалиста — старых антиквара для этой работы, установлен контакт с представителем Госфонда в Ленинграде, привлечен в качестве постоянного эксперта Тройницкий, и по общему отзыву можно рассчитывать на полный успех.

Наркомторг Сев.зап. обл. на днях пришлет свое предложение законопроекта в отмену существующего сейчас порядка регистрации предметов музейного характера, находящихся в распоряжении частных лиц»⁵⁵.

Пространная, весьма любопытная и примечательная по своему содержанию «записка» Печерского поражает своей откровенностью, раскрывает циничный характер автора. И все же какие бы золотые горы ни сулил он руководству, сколь ни были успешными первые берлинские аукционы, сколь бы многообещающими ни грезились следующие, вполне возможно, что все так бы и завершилось единичными продажами. А «записки» Андреевой и Печерского остались бы самыми заурядными чиновничьими бумагами, вскоре забытыми всеми и пылящимися на дальней полке канцелярского шкафа.

Но не из-за этих «записок» торговля обратила свой взор, холодный и равнодушный, на музейные экспонаты как всего лишь на объекты купли-продажи. Сами по себе они не сыграли никакой роли. Все предрешило иное.

Еще за семь месяцев до того, 31 января 1927 года, на очередном заседании Политбюро обсуждали проект бюджета на уже шедший хозяйственный год (он начинался 1 октября), и среди прочих выступлений наркомов выслушали и доклад Микояна о том

опаснейшем положении, в котором оказалась советская экономика. Он сообщил, что страна задолжала иностранным фирмам и банкам гигантскую сумму — около 450 миллионов золотых рублей, или 45 миллионов фунтов стерлингов, в основном по краткосрочным кредитам, выплачивать которые предстояло в самое ближайшее время.

Члены Политбюро полностью согласились с предложениями Микояна и поручили ему, точнее — Наркомату внешней и внутренней торговли:

«Разработать, с привлечением соответствующих ведомств, и провести в советском порядке (как постановления Совнаркома СССР. — Ю. Ж.) систему мероприятий для усиления наиболее надежных (имея в виду случаи неурожая), являющихся источником, помимо валютного накопления, обеспечивающим выполнение платежных обязательств. Необходимость проведения этих мероприятий СНКому надлежит учесть при утверждении бюджета на 1926/27 хозяйственный год»⁵⁶.

Испрашивая разрешение на задуманные меры, и сам Микоян, и его подчиненные по внешнеторговому ведомству еще не намеревались изыскивать новые статьи экспорта. Они надеялись расплатиться по долгам, свести баланс с минимальным дефицитом, добившись прежде всего увеличения вывоза нефти, леса и получив под будущие поставки новые кредиты. Словом, полагали действовать старым, проверенным временем способом.

Уже летом Нефтесиндикату, входившему в ВСНХ и занимавшемуся продажей нефти и нефтепродуктов за рубежом в тесном сотрудничестве с торговцами, удалось заключить весьма выгодное соглашение с американской компанией «Стандарт ойл оф Нью-Йорк». Оно гарантировало советской стороне продажу в течение пяти лет по 100 тысяч тонн мазутного топлива в портах Турции, Суэцкого канала — Порт-Саиде и Суэце, в Коломбо на Цейлоне, в Синга-

пуре. Одновременно удалось расширить продажу бензина через автомобильные бензоколонки смешанными (но по вложенному капиталу советскими) обществами — «РОЛ» в Великобритании, «Нафтарюсс» во Франции, «Петролеа» в Италии, «Дероп» в Германии. Тогда же были подписаны контракты о поставках советской нефти и нефтепродуктов в Испанию, ряд других стран.

Однако увеличение экспорта нефти в свою очередь привело к росту валютных затрат: росту фрахта за перевозки иностранными (своих пока еще не было) танкерами, большей частью греческими, затрат на трубы для нефтепровода Баку—Батум, купленные у германской фирмы «Вольф», на содержание возросшего количества нефтескладов за рубежом...

На том все успехи, если их можно было так назвать, во внешней торговле и завершились. Не удалось расширить продажу советского леса. Не удалось получить во Франции кредит 120 миллионов золотых рублей, на которые очень рассчитывали. Был полностью исчерпан и германский кредит 300 миллионов.

Между тем индустриализация уже шла полным ходом — достраивались Днепрогэс, Туркестано-Сибирская железная дорога, начинались новые стройки. Все это требовало денег, и не только валюты, но и рублей. Выступая в феврале 1928 года в Берлине на межправительственных переговорах, заместитель председателя Совнаркома СССР Я. Э. Рудзутак следующим образом охарактеризовал экономику своей страны:

«Мы проводим в настоящее время переоборудование всей нашей промышленности на новой технической базе. В первую голову поднимаем мы тяжелую промышленность. В тяжелую промышленность вложили мы почти полностью все полученные за последние годы за границей товарные кредиты, но этим не ограничиваются наши вложения в тяже-

лую индустрию, потому что на строительные работы и на приобретение некоторого оборудования в СССР приходится тратить в 6—7 раз больше, чем на заграничное оборудование...»⁵⁷

К осени 1927 года, с началом очередного хозяйственного года, — работники Внешторга обнаружили, что все их усилия добиться роста поступлений валюты по традиционным статьям экспорта оказались бесплодными или исчерпали себя. Потому и решили они обратить самое серьезное внимание на статью «второстепенные», в том числе и на показавшуюся очень выгодной, многообещающей торговлю за рубежом отечественным антиквариатом.

Поначалу запланировали получить от вывоза произведений искусства, предметов старины 3 миллиона рублей. Именно такую цифру и внесли в проект бюджета. Однако вскоре передумали.

Над поверженным врагом

В понедельник, 23 января 1928 года, после пятидневного перерыва в Кремль на очередное заседание собрались члены союзного Совнаркома. Рыков приболел, а потому председательствовал его заместитель Я. Э. Рудзутак.

Вопросов, как обычно, накопилось изрядно, и лишь ближе к концу заседания, по девятому пункту повестки дня, слово для доклада получил заместитель наркома внешней и внутренней торговли Хинчук.

Хинчук, собственно, не сказал ничего нового — лишь подтвердил слова Микояна о том, что наркоматом сделано все возможное, однако расходы по импорту, как это ни прискорбно, продолжают изрядно превышать поступления от экспорта. Разумеется, сократить ввоз в страну машин, сырья, оборудования невозможно: напротив, в новом году необходимо любой ценой расширить экспорт. Хинчук заверил, что

сотрудники наркомата и торгпредств давно пытаются найти радикальный выход из создавшегося положения: уже использовав все имевшиеся резервы, изыскивают новые и новые. И одним из них является антиквариат, разумеется, только то, что не входит в музейные экспозиции, выделяется самими искусствоведами в госфондовое имущество, предназначенное для продажи. По приблизительным оценкам, старинные вещи и произведения искусства в ближайшее время могут принести миллионов пять, а в целом около тридцати миллионов рублей золотом. Это уже не так мало.

Однако проблема в том, продолжал Хинчук, что и тут есть свои трудности. Сотрудники Наркомпроса не желают осознать всю серьезность и важность такой экономической меры, постоянно чинят препятствия, выступают с мелочными придирками, мешают делу, цепляясь за давно устаревшие постановления и инструкции. Да и Наркомфин, слепо следуя все тем же инструкциям и правилам, тормозит выполнение наиважнейшей задачи — обеспечению страны в столь ответственный момент валютой. А ведь валюта эта так необходима для индустриализации, для выполнения резолюции партийного съезда!

Разумеется, никаких возражений не последовало, и подготовленный загодя проект единогласно утвердили без малейшей поправки.

Постановление СНК СССР

О МЕРАХ К УСИЛЕНИЮ ЭКСПОРТА И РЕАЛИЗАЦИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ ПРЕДМЕТОВ СТАРИНЫ И ИСКУССТВА

Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Признать необходимым усилить экспорт предметов старины и искусства, в том числе ценностей музейного значения, за исключением основных музейных коллекций.

2. Для руководства работами по выявлению и отбору предметов старины и искусства, имеющих экспортное значение, в том числе входящих в состав музейных фондов, находящихся в ведении Народного комиссариата просвещения, НКТоргом СССР назначаются особые уполномоченные.

Советам народных комиссаров союзных республик предлагается обязать НКПросы этих республик назначить для той же цели своих уполномоченных. Те и другие уполномоченные действуют на основании инструкции, издаваемой Народным комиссариатом внешней и внутренней торговли Союза ССР по согласованию с народными комиссариатами просвещения союзных республик.

3. Разногласия, возникающие между уполномоченными Народного комиссариата внешней и внутренней торговли Союза ССР и уполномоченными народных комиссариатов просвещения союзных республик, окончательно разрешаются комиссиями, образуемыми в районах деятельности уполномоченных, в составе председателя, назначаемого Советом народных комиссаров соответствующей союзной республики, и указанных уполномоченных.

4. Какое бы то ни было изъятие и распределение предметов старины и искусства из музейных фондов без согласия упомянутых в ст. 2 уполномоченных воспрещается.

5. Вывоз за границу предметов старины и искусства допускается лишь при наличии согласия Народного комиссариата просвещения соответствующей республики, причем лицензионные разрешения выдаются исключительно органами НКТорга СССР в установленном порядке.

6. Народному комиссариату внешней и внутренней торговли Союза ССР предоставляется право устанавливать предельный размер суммы и иные условия, при которых вывоз предметов старины и искусства допускается в безлицензионном порядке.

7. Предложить Народному комиссариату внешней и внутренней торговли Союза ССР установить порядок реализации предметов старины и искусства, обязательный для всех учреждений, организаций и предприятий, производящих таковую реализацию.

8. Предложить Народному комиссариату финансов Союза ССР представлять в Народный комиссариат внешней и внутренней торговли Союза ССР все данные о вывозе имеющегося в его (НКФ СССР) распоряжении предметов старины и искусства, а самый вывоз таковых производить по генеральным лицензиям, выдаваемым Народным комиссариатом внешней и внутренней торговли Союза ССР.

Председатель Совета народных комиссаров Союза ССР

Я. Рудзутак

Секретарь Совета народных комиссаров Союза ССР

*И. Мирошников*⁵⁸

Три дня спустя данный нормативный акт, еще не обладавший силой закона, дословно повторило постановление Совнаркома РСФСР. А двумя месяцами позже наркомат добился еще большего. При утверждении 22 марта скорректированного экспортно-импортного плана для бюджета давно уже шедшего хозяйственного года он провел через Политбюро принципиально важное и для себя, и для судеб произведений искусства, памятников старины решение:

«Обязать ЭКОСО [Экономическое совещание, орган Совнаркома для претворения в жизнь хозяйственного плана] РСФСР по соглашению с Наркомторгом СССР в месячный срок представить в его распоряжение антикварных изделий на сумму 5 миллионов рублей сверх контингента, установленного контрольными цифрами (3 миллиона рублей)»⁵⁹.

То есть теперь внешторговцы решили срочно и непременно получить музейных ценностей на 8 миллионов рублей, хотя еще в ноябре минувшего года надеялись всего лишь на 3 миллиона, да и то в течение двенадцати месяцев.

Много это или мало? Попытаемся посчитать.

Весь экспорт, по прикидкам Наркомторга, должен был дать за год 746,5 миллиона золотых рублей. Из них только на нефть приходилась седьмая часть — 104 миллиона, примерно по столько же должен был дать вывоз хлеба, леса, пушнины. Планировавшаяся же выручка за антиквариат составила бы даже в удачном случае чуть более одного процента!

Ради этого одного процента и использовал Наркомторг письмо Андреевой, «записку» Печерского, сумев облечь их в сухую, предельно жесткую по смыслу юридическую форму. Он вывел изъятия из музейных фондов из-под действенного контроля наркомпросов и тем самым стал монополистом в деле экспорта антиквариата.

Отныне судьбы музейных собраний решали не опытные профессионалы-искусствоведы, а люди весьма далекие от проблем сбережения и изучения произведений искусства. Первенствующую роль играли теперь особоуполномоченный Наркомторга и директор-распорядитель «Антиквариата» А. М. Гинзбург, уполномоченный по Ленинграду — Простак, по Москве — Н. С. Ангарский. А предпринял именно такой ход событий Я. Э. Рудзутак.

Рудзутак по должности был обязан поддержать любое предложение Наркомторга и Микояна, которые хотя бы в будущем способствовали увеличению валютных накоплений. Однако возникает целый ряд вопросов. Почему он согласился подписать постановление «О мерах к усилению...» только 23 января, а не сразу же после съезда? Почему столь решительно, активно поддержал весьма проблематичную возможность получить лишь один процент экспортного пла-

на? И почему инициатором внесения проекта постановления стал не член правительства Микоян, и без того участвовавший в заседании, а Л. М. Хинчук?

Наконец, Рудзутак вполне мог решить проблему и единолично: его огромные властные полномочия позволяли так поступить. Ведь еще 27 января 1927 года Политбюро ликвидировало собственную Комиссию по наблюдению за экспортно-импортными операциями, действовавшую несколько лет. Возложило ее прежние полномочия на одного Рудзутака, оказав ему тем высочайшее доверие. Яну Эрнестовичу было поручено разрешать все возможные споры, а при возникновении конфликтных ситуаций между наркоматами — либо собирать специальное совещание, либо «входить за разрешением спорных вопросов» в постоянно действовавшее совещание при председателе СНК и СТО СССР.

Однако Рудзутак почему-то не воспользовался своими правами, а вынес — вместе с Хинчуком — вопрос на заседание Совнаркома. Видимо, на то у него имелись достаточно веские причины, причем не юридического или экономического характера, а, скорее, политического, даже морального. И порождены они были ситуацией, сложившейся сразу же после съезда.

Вспомним, Л. Д. Троцкого вывели из состава ЦК в октябре 1927 года, исключили из партии 14 ноября. Но даже после всего этого очень многим (и не только его сторонникам) казалось: подобная мера демонстративная, временная. Не могут же самого Троцкого вот так взять и изгнать из партии, которая обязана ему самой своей удерживаемой до сих пор властью. Просто его припугивают, дабы сделать более сдержанным, даже послушным; позднее обязательно вернут ему партбилет, а с ним и достаточно видный государственный пост — пусть несколько ниже рангом, чем был ранее, но все же ответственный, значительный.

Подогревало такое весьма распространенное представление то, что съезд принял, пусть в несколько смягченной форме, именно «левый», троцкистский план развития страны.

Надежды на возвращение к прошлому сохранялись почти месяц, вплоть до 17 января 1928 года. В этот день сотрудники ОГПУ явились к Троцкому на квартиру в доме напротив Александровского сада и объявили о высылке. Решения Политбюро для беспартийного не требовалось: ограничились предъявлением постановления коллегии ОГПУ, правда, подписанного лично главой всесильного ведомства Менжинским. Троцкому предложили немедленно собрать вещи, упаковать огромный архив, потом доставили на Казанский вокзал и посадили в поезд, отправлявшийся в Алма-Ату — далекий провинциальный городок, практически отрезанный от всего мира бескрайними казахскими степями.

Месяц выжидали и идейные противники Троцкого: не торопились торжествовать над поверженным противником, опасаясь, как бы не повернулось все вспять. Лишь после 17 января они уверились, что герой Октября, вождь Красной армии больше ни для кого не опасен.

И Рудзутак, и Хинчук никогда не были сторонниками Троцкого, никогда не голосовали за предлагавшиеся тем резолюции, вообще никогда и никак не проявляли свои политические пристрастия. Они просто служили, выполняли любое поручение партии, не вдаваясь в их идеологическую подоплеку. Не состояли Рудзутак и Хинчук в годы гражданской войны и в Красной армии, почему никогда не сталкивались с председателем Реввоенсовета как его подчиненные. Так что все последние месяцы оба чувствовали себя совершенно спокойно, ничуть не опасались обвинений в оппозиционных настроениях. И всю же Рудзутак и Хинчук решили на всякий случай подстраховаться, поспешили продемонстриро-

вать свою полную и безусловную лояльность победителям. Правда, избрали они для этого весьма своеобразный способ: тонкий, не сразу бросающийся в глаза.

С точки зрения экономики погоня всего за одним, да и то ненадежным, процентом прибыли от экспорта — явная бессмыслица. Зато с политической, с учетом той идеологической атмосферы, сгустившейся во второй половине января 1928 года, она вполне понятна, легко объясняется. Правительственное постановление «О мерах к усилению экспорта» отнюдь не предназначалось для резкого ускорения валютных поступлений в страну. Цель его была иной — нанести психологический удар по Троцкому, причем крайне для него болезненный, ибо бил не по нему самому, к чему он давно уже привык и сносил легко, а по его жене, Н. И. Седовой-Троцкой, добровольно последовавшей за ним в ссылку. Это был удар по главному в ее жизни делу, оказавшемуся к тому же необычайно успешным, по одному из подлинных достижений Октября, позволявшему не кривя душой говорить о преимуществах советской власти, — по отделу по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Ведь ранее его надежно оберегал от всех потрясений прежде всего авторитет самого Троцкого.

Именно потому удар нанесли не кулуарно, незаметно — решением лично Рудзутака или постоянного совещания при Рыкове, а подчеркнуто демонстративно: постановление СНК СССР указывало всем заинтересованным, что отдел лишился былой неприкосновенности.

По той же причине с инициативой на заседании правительства выступил не нарком внешней и внутренней торговли Микоян, хотя он и присутствовал там. Слишком уж он был известен активным участием в борьбе с Троцким и его сторонниками: подобное предложение Микояна непременно было бы расце-

нено всеми как сведение старых счетов. Зато Хинчук и Рудзутак в сложившейся ситуации выглядели как бы незаинтересованными, а потому и объективными, беспристрастными.

И все же сотрудники отдела, получив постановление Совнаркома, не пожелали смириться, попытались воспротивиться и обезопасить вверенные им сокровища культуры от алчных поползновений Внешторга. Они воспользовались тем, что присланный им документ являлся всего лишь нормативным актом, противоречившим акту законодательному — никем не отмененному декрету Совнаркома РСФСР от 19 сентября 1918 года «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения».

Правда, декрет тот не исключал полностью возможности вывоза произведений искусства, памятников старины. Но единственным условием для возможного отступления от общего правила должно было, согласно декрету, служить специальное, отдельное на каждую вещь разрешение государственных органов охраны памятников.

Подобная оговорка в момент принятия декрета была обусловлена вполне конкретными обстоятельствами. Во-первых, необходимо было предоставить возможность опитантам (то есть людям, принявшим гражданство только что возникших Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши) и беженцам вывезти на новую родину собственные картины, книги, рукописи, произведения прикладного искусства, не представляющие научного интереса, не требующиеся для пополнения музеев.

Во-вторых, оговорка в декрете объяснялась и нуждой в юридическом оформлении для провоза через границу ценностей, признанных правительством РСФСР законной собственностью другого государства и потому подлежащих передаче его полномочным представителям. Наконец, требовалось со-

здать в будущем, по окончании гражданской войны, условия для обычных, традиционных ранее обменов дублетами, ненужными экспонатами с музеями иных стран.

Используя возникшие юридические противоречия, сотрудники отдела подготовили проект инструкции по выявлению и отбору предметов искусства и старины экспортного значения в музейных учреждениях, пойдя, казалось бы, навстречу внешторговцам. 16 февраля утвердили новый документ на коллегии Наркомпроса РСФСР и разослали по всем крупнейшим музеям страны.

Инструкция жестко оговаривала:

«Предметы искусства и старины экспортного значения выделяются из музейных собраний, за исключением основных музейных коллекций, находящиеся как в экспозиции для культурно-просветительных целей, так и в особых хранилищах как материал для научно-исследовательской работы.

Основными коллекциями являются нижеследующие коллекции музеев, соответствующие их научным и просветительным целям: а) коллекции, вошедшие в состав музеев до революции; б) предметы и коллекции, поступившие в музеи после революции путем обмена, покупки, дарения, экспедиций и раскопок, а также поступившие в силу национализации и конфискации и восполнившие в плановом порядке имевшиеся в музеях пробелы; в) предметы и коллекции, поступившие в музеи в результате изъятия церковных ценностей; г) предметы коллекции, связанные с историей данного города или местности (например, мемориальные предметы, исторические вклады и т. п.); д) предметы и отдельные собрания из основных коллекций другого музея, находящиеся временно по каким-либо основаниям на хранении в данном музее».

Иными словами, практически все становилось неприкосновенным, лишь пожелай этого музейные

работники. Здесь их права с полным пренебрежением к постановлению СНК СССР оговариваются особо:

«Для руководства работой по выделению предметов искусства и старины экспортного значения в каждом музее, дворце, монастыре и музейном фонде назначается правлением или, где такового нет, заведующим — особое ответственное лицо, утвержденное уполномоченным Наркомпроса... На выделенные экспортные предметы искусства и старины составляются специальные списки в 3-х экземплярах с кратким описанием и с оценкой каждого предмета. Описи скрепляются заведующим учреждением или его заместителем, ученым секретарем и экспертами-оценщиками»⁶⁰.

На руку музейным работникам было и другое юридическое противоречие. Ведь практически тогда же, 3 января 1928 года, Совнарком СССР утвердил новую редакцию «Свода таможенных правил». А в нем (часть V, раздел Б, статья 11) однозначно перечислялись как запрещенные к вывозу «разного рода художественные и антикварные вещи, картины, рисунки, исполненные от руки портреты, скульптуры, акварели, миниатюры, гобелены, старинные иконы, предметы церковного и домашнего обихода, вооружение, мебель, ковры, ткани и украшения, одежда, рукописи и книги, музыкальные инструменты, орудия ремесла, а также разного рода другие предметы, имеющие археологическое значение»⁶¹.

Разумеется, как и декрет от 19 сентября 1918 года, «Свод...» предусматривал и исключения, и случаи отступления от правил. Но опять же они допускались с особого разрешения на каждую вывозимую вещь, подписанного наркомом просвещения.

Как ни странно, но девять месяцев спустя, 28 сентября, эти положения не только не были отменены, а, наоборот, ужесточены приказом по Главному таможенному управлению — структурной части все того же Наркомата внешней и внутренней торговли.

Это говорило то ли об отсутствии должной взаимосвязи между главками ведомства, то ли о все еще не выработанной до конца политической линии. А может, просто слишком медленно проходили по инстанциям нормативные документы.

Но как бы то ни было, приказ вводил очередные ограничения на экспорт антиквариата. К числу запрещенных для вывоза он отнес «картины художников, чьи произведения систематически собираются в музеях СССР», а также полотна, «необходимые для изучения всеобщей истории искусств»⁵². Трудно усомниться, что предложения эти исходили непосредственно из Наркомпроса...

Пока же, ранней весной, внешторговцы продолжали упорно добиваться своего. Встретив первое сопротивление музейных работников, они не стали ломать копыя в юридических схватках, а прибегли к самому эффективному средству — прессе — и призвали на помощь общественное мнение.

Открыл кампанию Внешторг, естественно, в своем ведомственном издании. Уже 8 марта десятый номер еженедельника «Советская торговля» поместил статью «К экспорту антикварных товаров». Ее автор, некий М. Арнольди, писал:

«Хранившиеся раньше в особняках буржуазии, усадьбах помещиков и в дворцах владетельного дворянства антикварные вещи (старинная мебель, бронза, серебро, золото, фарфор, миниатюры и т. п.) распылились по всей стране. Часть их попала в музеи, став достоянием народа, но немало их находится в руках случайных владельцев и зачастую в таких условиях и в таком применении, что постепенно приводит в негодное состояние.

Между тем уровень рыночных цен, существующих на эти товары на рынках капиталистических стран, значительно выше уровня цен на внутреннем рынке, не представляющем прежнего спроса на эти товары. Цифры вывоза этих предметов из России

в 1913 г. в 56.635 руб. при сопоставлении ее с цифрой вывоза за 1926 г. в 23.131 руб. являются весьма показательными. Если принять во внимание, что цены на предметы старины в довоенное время (1913 г.) в России были несравненно выше современных, то станет ясно, какой огромный скачок совершился в этой области второстепенного экспорта. Если же учесть, что в 1926 г. (как, впрочем, и поныне) к делу вывоза предметов старины всерьез еще не приступлено, то надо будет признать, что возможности в развитии этой статьи второстепенного экспорта достаточно велики.

Включение антикварных товаров в орбиту второстепенного экспорта выдвигает две задачи. Первая состоит в мобилизации этих мертвых фондов внутри страны умелой организацией скупки. Вторая задача состоит в организации сбыта этих товаров на иностранных рынках».

Статья свидетельствовала со всей очевидностью, что весной 1928 года никто еще и не думал скрывать продажу за рубеж произведений искусства. Более того, не делал Внешторг тайны и из желания резко ее расширить, правда пока лишь за счет скупки личного имущества советских граждан. Но уже можно увидеть и иное: холодное чиновничье равнодушие к старине, которая воспринималась прежде всего и только как самый обычный товар, объект купли-продажи. Одна из многих статей экспорта, да к тому же и «второстепенного».

За первой статьей вскоре последовали вторая, третья, четвертая... В них указание на то, где следует искать пропадающие втуне «мертвые фонды», которые дадут стране валюту, постепенно менялось.

Так, московская «Рабочая газета» опубликовала серию статей, посвященных судьбам произведений искусства, но с точки зрения лишь внешторговцев. Первая появилась 27 марта 1928 года, под заголовком «Пропадают десятки миллионов рублей. За бес-

ценок продаются картины, ковры, мебель и хрусталь. За границу уплывает советское золото». Спустя три дня новая статья была озаглавлена: «Дворцовое имущество в руках спекулянтов». Наконец, третий материал, в номере от 9 мая, имел название объяснительного характера — «Как разбазаривается дворцовое имущество».

Содержание всех трех статей сводилось к одному. Из-за халатности и преступного попустительства музейного отдела Наркомпроса бесценные сокровища (главным образом дворцов Ленинграда, Петергофа, Детского Села) незаконно попадают на аукционы Главнауки, а там по крайне низким, практически бросовым ценам оказываются в руках спекулянтов-перекупщиков, которые купленное вывозят за рубеж.

Назывались и утраты: картины кисти Врубеля, Левитана, Серова, Айвазовского, фарфор юсуповского завода, личные вещи Николая II. И хотя официальный ответ из Ленинграда отверг все обвинения как голословные, потребовав «предать писавшего суду за ложные показания и дискредитацию государственных органов»⁶³, редакция не сочла нужным опубликовать опровержение. Сообщила иное: «Особоуполномоченный Народного комиссариата торговли и управляющий Мосгосторгом т. Ангарский сообщил нашему сотруднику, что им отдано распоряжение в Ленинград о прекращении отпуска бывшего дворцового имущества комиссионным магазинам и аукционам»⁶⁴.

«Рабочая газета» не объяснила, на каком основании контроль за положением в ленинградских музеях перешел от Наркомпроса и Главнауки к руководителю внешнеторговской организации Москвы. Она добилась иного, более важного. Теперь в глазах общества любые мнения, даже случайные известия о распродажах отечественных художественных ценностей за рубежом, оказывались связанными с му-

зейным отделом, Главнаукой, Наркомпросом — только с ними, а не с Внешторгом.

Под надежным прикрытием газетной шумихи, «критики» с классовых позиций и якобы скандальных разоблачений началась фактическая ликвидация Музейного отдела — единственного органа, который все еще мешал Наркомторгу осуществить задуманную в январе операцию. Помогли тому и добровольный отъезд в ссылку с мужем Н. И. Седовой-Троцкой, и конформистская позиция, занятая в то время Луначарским, наркомом просвещения.

Весь 1928 год отдел возглавлял — сначала как заместитель заведующего, а затем и как и. о. заведующего — начинающий искусствовед Л. Я. Вайнер. На него, не только не имевшего имени в ученом мире, но и просто высшего образования, выбор пал только потому, что в отличие от всех остальных сотрудников отдела, он являлся членом ВКП(б), соответственно должен был руководствоваться не интересами дела, а рекомендациями партийных товарищей.

При Вайнере отдел полностью утратил заслуженное на протяжении десяти лет положение научного и административного центра, который в силу подтвержденного успешной практикой авторитета направлял и координировал всю деятельность по сохранению произведений искусства, реликвий, оберегал музеи, помогая им неуклонно расширять свои фонды.

Коготок увяз

Между тем исподволь, без огласки и малейшей утечки информации Наркомторг в феврале 1928 года приступил к первой сделке с Эрмитажем — пока еще взаимовыгодной, без изъятий из экспозиций или фондов. Инициаторами ее стали сами работники этого старейшего и крупнейшего в стране собрания произведений искусства.

К тому времени Эрмитаж испытывал острейшую нужду в средствах для ремонта всего комплекса зданий, изрядно обветшавших после революции. Смета, составленная дирекцией, включала массу действительно неотложных работ. Требовалось незамедлительно исправить кровлю, дабы устранить постоянные протечки, то и дело возникавшие зимой — из-за таяния снега, летом — из-за обычных для города постоянных дождей. Многие помещения, особенно использовавшиеся до революции как подсобные, нуждались в простых штукатурных и малярных работах, в восстановлении пришедших в негодность паркетных полов. Чтобы устранить опасную для картин сырость, предполагалось увеличить количество калориферов и прочистить вентиляцию. Также следовало провести электричество во все без исключения комнаты и залы, усилить гидроизоляцию перекрытий Висячего сада. Наконец, весьма значительное расширение экспозиций, за десять лет охвативших большинство залов Зимнего, вынуждало как можно скорее устроить переход из Павильонного зала Малого Эрмитажа в помещения дворца.

Предстоящие затраты выражались в огромной для тех лет сумме — почти 600 тысяч рублей. Наркомпрос утвердил смету всего лишь в две трети от просимого — 400 с небольшим тысяч.

Но этим расходы Эрмитажа отнюдь не ограничивались. Деньги нужны были и для пополнения коллекций, закупок, без которых научные экспозиции просто не могли обойтись.

Потому-то заведующий отделом Востока Иосиф Абгарович Орбели (будущий академик и с 1934 года — директор Эрмитажа) пошел на необычные для ученого отношения с Северо-Западным отделением Госторга РСФСР. С полного согласия и одобрения дирекции он решил стать комиссионером. В ходе сотрудничества со своими давними поставщиками получил право покупать у них как отдельные вещи, так

и целые коллекции восточной керамики, предметов древнего быта и искусства, учитывая при этом и интересы Внешторга. Стороны зафиксировали свои будущие отношения в договоре, подписанном 19 февраля 1928 года:

«...6. Отделу Востока предоставляется право из принятых от поставщиков партий оставлять за собою необходимое для пополнения его коллекций количество предметов по его выбору. Для оплаты этих предметов Ленинградгосторг предоставляет Эрмитажу специальный аванс, размеры которого будут ниже указаны.

7. Отдел Востока принимает на себя обязанность составлять из оставшегося после его отбора предметов, а равно и из предметов, могущих быть выделенными из его постоянных коллекций, специальные коллекции для экспорта за границу, причем дает этим коллекциям соответствующую письменную характеристику.

8. Составленные таким образом коллекции и отдельные предметы, предназначенные для экспорта, принимаются Ленинградгосторгом от Эрмитажа по ценам поставщиков с прибавлением к этим ценам в качестве вознаграждения за труды отдела Востока пятнадцати процентов в пользу Эрмитажа по отделу Востока.

9. В целях облегчения Эрмитажу совместной с Ленинградгосторгом указанной выше работы по экспорту Ленинградгосторг принимает на себя финансирование всего предприятия на следующих основаниях:

а) для погашения имеющейся в настоящее время задолженности Эрмитажа по отделу Востока поставщикам Ленинградгосторг выдает Эрмитажу аванс в размере фактической задолженности, но не свыше четырех тысяч рублей;

б) для оплаты вновь поступающих от поставщиков партий Ленинградгосторг выдает Эрмитажу

аванс в сумме до одной тысячи рублей, возобновляемой Ленинградгосторгом по мере его исчерпания платежами Эрмитажа за поставки;

в) для пополнения собственных коллекций отдела Востока Ленинградгосторг открывает Эрмитажу кредит в сумме одной тысячи пятисот рублей».

Текст соглашения завершался неоправданно, как показало весьма близкое будущее, оптимистической фразой: «Ставя во главу угла своей деятельности развитие и усиление экспорта, мы, тем не менее, будем искренне рады, если в результате нашей работы в этой области сможет получиться некоторая польза и для Эрмитажа»⁶⁵.

Подписывая договор 13 февраля, ни Орбели, ни директор Эрмитажа — известнейший с дореволюционной поры специалист, искусствовед-античник О. Ф. Вальдгауэр, находившийся на своем посту предпоследний день, — представить не могли, с кем заключают соглашение. Забыв народную пословицу: «Коготок увяз — всей птичке пропасть», они не догадывались, к чему это приведет уже через две недели.

Вступая в коммерческие отношения с Госторгом, влезая в долги, Орбели и Вальдгауэр оставались честнейшими, бескорыстными людьми. Они ничего не приобретали от этой сделки лично для себя — просто пытались таким образом достать необходимые музею деньги, чтобы пополнить его собрания, расширить экспозиции, а заодно и привести в порядок здания заброшенного Эрмитажа.

Вальдгауэр и Орбели не смогли осознать, что не просто влезают в кабалу, но совершают страшную, поистине роковую ошибку. Они не ведали, что творят, ибо никто не познакомил их с содержанием постановления Совнаркома СССР, не объяснил, что их ожидает.

Зато внешторговцы отлично знали, что делают и к какой цели стремятся. Разумеется, они намеревались разжиться в Эрмитаже отнюдь не «мелочью»

вроде персидской или среднеазиатской керамики, хотя она и достаточно высоко ценилась у коллекционеров Европы и Соединенных Штатов. Госторгу, Наркомторгу срочно требовалось иное: то, что мгновенно даст им обещанные правительству и Политбюро 8 миллионов рублей золотом, то, что имеет ажиотажный спрос у западных антикваров, мгновенно уйдет с аукционов.

Сделку стали осуществлять сразу же после подписания договора. Как раз тогда старый директор, выдающийся ученый О. Ф. Вальдгауэр, был смещен и заменен на чиновника, холодного и равнодушного ко всем сокровищам искусства, хранимым Эрмитажем. Зато он готов был беспрекословно исполнять любое распоряжение начальства. Это был Г. В. Лазарис, сорокачетырехлетний юрист, ранее служивший в Наркомате иностранных дел и никогда не интересовавшийся ни живописью, ни археологией, ни искусством вообще — даже как любитель или коллекционер.

Нарком просвещения Луначарский знал, что представляет собой Лазарис, понимая, чем грозит величайшему музейному собранию страны такое назначение — и все же «подмахнул» приказ. Ибо он давно уже не был прежним Луначарским — отчаянно смелым и принципиальным, готовым скорее остаться без своего высокого поста, нежели оказаться сопричастным тому, что нанесет хоть малейший ущерб доверенным ему науке и просвещению, культуре. Так подавал он в отставку в ноябре 1917 года из-за артиллерийского обстрела Московского Кремля или зимой 1920-го, вступая в острейший конфликт с Лениным только потому, что правительство намеревалось из-за нехватки средств закрыть Большой театр...

Лазарис мгновенно нашел общий язык со своим непосредственным начальником Б. П. Позерном, юристом по образованию и профессиональным рево-

люционером. Позерн также всегда неуклонно выполнял волю партии, на всех постах — и в Красной армии, где он служил в годы революции и гражданской войны, и позже, в мирные дни, руководителем всеми текстильными фабриками республики. К тому же готов он был и теперь, став одновременно ректором Ленинградского коммунистического университета, руководителем регионального отделения Главнауки и уполномоченным Наркомпроса по Ленинграду и Ленинградской области.

Именно Позерн предложил, точнее — обязал Лазариса вполне вроде бы законно, на основании договора от 13 февраля, приступить к выдаче Госторгу достойных экспорта вещей из хранилищ Эрмитажа. Правда, настойчиво рекомендовал не ограничиваться лишь керамикой восточного происхождения и выявить явно ненужное музею, но могущее вызвать интерес у европейских антикваров, причем на как можно большую сумму, например на 1,5 миллиона рублей. Ведь практически половина ее пойдет после продажи вещей музею — на капитальный ремонт, на пополнение коллекций... Мало ли у Эрмитажа потребностей, которые нужно оплачивать.

Директор Лазарис не возражал. Приказ есть приказ, и его следует исполнять.

Уже 10 марта работники Эрмитажа сдали по описи Ленинградскому отделению Госторга 376 предметов, оцененных его же экспертами в 718 тысяч рублей. Это была лишь малая часть того, что в 1917—1918 годах собрали в брошенных владельцами дворцах и особняках и спасли, перевезли в эрмитажное хранилище, так и не включив в экспозицию. Табакерки и шпалеры, художественная мебель, фарфор и майолика, серебряная посуда, картины и гравюры, эмали — работы западноевропейских мастеров XVII—XIX веков. Договору соответствовали лишь 15 восточных ковров — «тавризов», «хамаданов», «ладиков», «караманов».

На том серьезная чистка хранилищ — сугубо научная, беспристрастная, лишенная напрочь духа наживы — не завершилась, она продолжалась до осени. Одновременно проводилась и сдача — по мере накопления достаточно крупных партий — в Ленинградское отделение Госторга: 11 июня, 31 июля, 17 и 18 августа, 26 октября. Всего было сдано 732 предмета, в общем заурядных для Эрмитажа, никогда не украсивших бы его залы.

Сдали:

золотые табакерки самых причудливых форм, с бриллиантами, украшенные тончайшими миниатюрами;

фарфор севрский, мейсенский, берлинский, китайский, отечественных фабрик;

старое серебро — парадные сервизы, которые по-настоящему следовало ценить только по весу;

картины и гравюры практически неизвестных у нас мастеров Франции и Германии, Нидерландов и Италии;

оружие — старые рыцарские доспехи, мечи и шпаги, щиты, ружья и пистолеты, кинжалы, которыми одно время так модно было украшать гостиные, библиотеки, курительные комнаты в особняках и даже больших квартирах;

бронзу — бюсты, мелкую пластику, фигурные композиции отличной работы;

античные монеты — только те, которые имелись далеко не в одном экземпляре в основных нумизматических собраниях страны;

книги — из личной библиотеки Николая II из Строгановского дворца, интересные только для характеристики его вкусов и пристрастий, для истинных библиофилов.

Всего с марта по конец октября 1928 года 732 предмета на общую сумму 1 миллион 400 тысяч рублей. На 100 тысяч больше, чем установил Позерн.

Научные сотрудники Эрмитажа наивно полагали, что тем самым выполнили и соглашение с Ленгосторгом, и предписание Позерна. Следовательно, им причитаются обещанные отчисления — пусть и не все 700 тысяч, но хотя бы часть честно заработанных средств: ведь так нужно начать ремонт зданий.

Но денег не дождались. Внешторговцы разъяснили, что сначала им требуется принять вещи из музея по описи, уведомить Москву и получить оттуда указание — что, когда и куда следует отправить, упаковать, отправить пароходом в Штеттин, оттуда поездом в Берлин, где опять же по описи сдать представителям аукционной фирмы. Затем вещи изучат, внесут в каталог с указанием стартовой цены, представят на обязательной предпродажной выставке, чтобы каждый желающий смог осмотреть их, изучить, продать и рассчитаться с Внешторгом. Только после всего этого деньги можно переводить на счет музея.

В Эрмитаже эти объяснения приняли, но все же для проверки направили в Берлин С. Н. Тройницкого — выдающегося ученого, блестящего администратора. Не случайно именно ему доверили возглавлять музей в самые трудные годы, с 1918 по 1927-й. По его возвращении выяснилось, что действительно на аукционе «Рудольф Лепке» удалось продать лишь небольшую часть из выделенного экспорта: всего 122 предмета за 352 тысячи рублей. Причем наибольшим спросом пользовались вещи дешевые, а ценные, и потому дорогие, так и не нашли покупателей. Эрмитажу причитается 171 тысяча рублей, которые внешторговцы почему-то до сих пор так и не перечислили.

Да, Наркомторг изрядно задолжал, хотя вроде бы и должен был иметь деньги. Но Эрмитаж являлся для него далеко не единственным источником антиквариата.

...В начале 1928 года в Ленинграде вновь появился Крюгер, официальный эксперт-закупщик «Кунстаукционхауз Рудольф Лепке». Поскольку в советском торгпредстве его заверили, что он остается единственным зарубежным покупателем русских сокровищ, Крюгер не торопился, методично изучая картины и мебель, бронзу и фарфор, собранные в Михайловском замке. Он ожидал возможности побывать во дворце Палей⁶⁶, о котором ему так много говорили (правда, всегда – вскользь, полунамеками).

Совершенно случайно он обнаружил, что в городе у него, оказывается, есть весьма солидный конкурент: некий француз Менаше. По приглашению Экспортной конторы Ленгосторга он также отбирал для себя «товар» в Михайловском замке, ожидая, как и Крюгер, когда же его пустят во дворец Палей.

Да, Наркомторг никаких исключительных прав «Рудольф Лепке» не только не предоставил, но и не собирался предоставлять, напротив, настойчиво стремился найти все новые и новые выходы на международный антикварный рынок. Приглашали всех, намекая на возможность попасть в Эрмитаж – но позже. С заключением крупных сделок не торопился, пытаясь выяснить не с чужих слов реальную конъюнктуру.

Зондаж шел с обеих сторон. Крупные, солидные, хорошо известные среди коллекционеров обоих полушарий фирмы также выжидали, стремились твердо удостовериться: действительно ли большевики готовы пойти на распродажу части собраний своих музеев, как упорно говорили в Берлине, или же это всего лишь пустые слухи. Усердствовали пока только антиквары средней руки. Как рыбы-лоцманы, идущие впереди акул, спешили они в Советский Союз – на разведку, стремясь урвать свой куш.

Во второй раз приехали те самые венцы, которые еще несколько недель назад жаловались в торг-

предстве на непонимание: мол, им никто ничего не показал, не продал. Теперь они вернулись, уже точно зная – где, что и за сколько они смогут купить.

Внешне самым неудачливым из них выглядел Поллак, младший компаньон малоизвестного даже на родине, в Австрии, торгового дома «Винтерниц и Поллак». Не располагая собственными значительными средствами, он в действительности представлял интересы финансировавшего его поездку «Кунстаукционхауз Рудольф Лепке». Выполняя чужое поручение, Поллак действовал крайне осторожно, наверняка и отобрал небольшую, но весьма ценную коллекцию антиквариата, уместившуюся всего в четырех ящиках.

Несколько больший успех выпал на долю Ледерера, не для себя, для венского аукциона произведений искусства «Доротеум», разыскивавшего в Москве и Ленинграде то, что сразу же и хорошо пойдет с торгов. Денег он зря не тратил, но не без помощи Мосгосторга и московской конторы «Антиквариата» сумел упаковать и отправить в Вену девять ящиков.

Впервые посетившие Советский Союз эксперты венской фирмы «Бернгард Альтман» вели себя иначе. Уверенные, что еще раз побывать в Москве им вряд ли удастся, они с размахом, не скупясь, брали все, на что хватало средств. Тщательно проследили за упаковкой, застраховали и погрузили в багажный вагон международного экспресса собственную долю русских сокровищ – 23 ящика!

Столь же везучим оказался и Е. А. Зильберман, теперь уже действовавший не от «Доротеума», а от себя. Как он и обещал заместителю советского торгпредства в Австрии М. Карлсбергу, Зильберман сделал покупок на 40 тысяч долларов, четвертую часть которых внес перед отъездом как аванс. Сразу же после возвращения домой он мгновенно выставил и не без выгоды для себя продал в «Доротеуме»⁶⁰ весьма интересных антиков. Но большую часть сво-

ей добычи Зильберман выслал в Нью-Йорк, где цены, как он хорошо знал, были гораздо выше, нежели в Европе⁶⁷.

В апреле 1928 года объявился в нашей стране еще один французский гражданин, Н. Вейс. При посредничестве Мосгосторга он прямиком направился в Детское Село и вскоре приобрел там «пробную» партию из запасов Госфонда, тут же отправленную через Ригу в Париж. Только затем, уже в мае, Вейс позволил себе подписать долгосрочный договор с Н. С. Ангарским, рассчитанный на выполнение до конца текущего года, обязавшись принять «на себя поручение реализовать в Англии и Франции антикварно-художественные вещи, закупленные Мосгосторгом на частном рынке в районе Москвы и Московской губернии, а также в провинциальных городах, обслуживаемых Мосторгом». Французский торговец брался каждые 10 дней выплачивать Мосгосторгу в фунтах стерлингов стоимость всех отобранных для экспорта вещей и еще сверх того 60 % от общей суммы⁶⁸.

Деловая активность Николая Семеновича Ангарского на том не ограничилась. Желая как можно скорее и проще для себя выполнить определенный Наркомторгом СССР для Мосгосторга план экспорта антиквариата на 700—800 тысяч рублей⁶⁹, он еще в феврале заключил соглашение с советским внешне-торговым объединением «Совпольторг». Ему было предоставлено монопольное право вывоза и продажи в Польше произведений искусства, исторических реликвий на сумму 100 тысяч рублей, закупленных Мосгосторгом у частных лиц⁷⁰.

Но на всех – и на зарубежных антикваров, и на «Совпольторг» — одной Москвы с ее уже изрядно оскудевшим рынком и неприкосновенными пока музеями явно не хватало. Потому-то Н. С. Ангарский упорно пробивался к сокровищам Ленинграда, причем к хранившимся не только на складах Комиссии

госфондов, но даже в запасниках Эрмитажа. Направлял он туда и своих иностранных компаньонов, и подчиненных.

Ничуть не устыдившись, Ангарский настойчиво потребовал от УЗО давления на руководство Эрмитажа. Ведь там представители подведомственной ему Конторы ювелирных изделий обнаружили «бриллиантовое оружие на сумму в 62 тыс. р. и некоторые другие изделия с драгоценными камнями», выдать которые сотрудники Эрмитажа почему-то не соглашались. Ангарский же считал, что говорить, в общем, не о чем — следует лишь предложить Эрмитажу «продать имеющиеся у них изделия Мосгосторгу»⁷¹.

Но и у Ленинградского (еще недавно — Северозападного) госторга имелся собственный, спущенный сверху план, причем в три раза больший, нежели у Московского, существовали свои твердые договоренности о поставках антиквариата с торгпредством в Берлине, предварительные намерения — с Амторгом. И потому он возражал, протестовал, сопротивлялся, оберегая от посторонних «свои» кладовые.

Чтобы разрядить напряженную обстановку, руководство Наркомторга пошло на единственно возможную в подобной ситуации меру. 7 мая 1928 года по Наркомату внешней и внутренней торговли СССР был издан приказ, гласивший:

«В целях упорядочения и организации дела реализации предметов старины и искусства настоящим предлагается:

1. Реализацию предметов старины и искусства проводить главным образом в СССР, через Ленинградгосторг, для чего последнему организовать специальную выставку предметов, назначенных к продаже. Мосторгу и Укргосторгу основную часть предметов, выделенных музеями по отбору Ленинградгосторга, направить на выставку в Ленинград.

2. Для работы с предметами старины и искусства Ленинградгосторгу выделить специальный ап-

парат, работающий под непосредственным руководством управляющего конторой Ленинградгосторга т. Простака.

3. В Москве скупку и продажу предметов старины и искусства сосредоточить в Мосгосторге, для каковой цели Мосгосторг организует специальный магазин-выставку.

4. В Управлении заграничных операций НКТорга все руководство работой по выделению и реализации предметов старины и искусства (разработка методов и способов реализации, дача директив и т. п.) и контроль над реализацией возложить на упол. СТО т. Гинзбурга А. М., распоряжения и директивы которого в области реализации предметов старины и искусства являются обязательными для экспортирующих и торгующих организаций.

5. При реализации крупных партий установить следующий порядок сношений с иностранцами-антикварами: предварительные переговоры с иностранцами, подбор коллекций и т. д. ведутся непосредственно Ленинградгосторгом и Мосгосторгом, сделки подписываются лишь с санкции т. Гинзбурга»⁷².

Приказ этот, скрепленный подписями Л. М. Хинчука и И. О. Шлейфера, означал многое: и раздел сфер влияния между Москвой и Ленинградом, и ориентировку на распродажи прежде всего внутри СССР, а не за его пределами. Означал он и окончательное выделение «Антиквариата», до той поры всего лишь простого исполнителя, в учреждение, которое отныне самостоятельно, без постоянных указаний УЗО, станет направлять все операции по экспорту художественных ценностей, неся полную ответственность за результаты.

Однако упорядочение методов работы не смогло сразу же разрешить все проблемы. Вскоре назрел новый конфликт, на сей раз между «Антиквариатом» и торгпредством в Берлине.

Соглашение с «Рудольф Лепке» выполнялось советской стороной аккуратно. К 1 января 1928 года на складах торгпредства имелось художественных ценностей на 70 тысяч долларов. Вскоре к ним добавилась новая партия, подобранная в Ленинграде и там же оцененная в 100 тысяч рублей⁷³, а в феврале поступила еще одна. Из-за нее-то и разгорелись споры.

Советские эксперты определили стоимость этой партии антиквариата в 400 тысяч рублей, но затем изъяли из нее подборки гравюр и восточного оружия, вновь изучили оставленное для вывоза и оценили его уже в 633 123 рубля. «Рудольф Лепке», получив предназначенные ей вещи, заявил протест, считая цены явно завышенными⁷⁴.

Понять их можно было. Ведь фирма, проводящая аукционы, оперирует иными ценами — лимитными, или минимальными, которые привлекают участников аукциона и побуждают их вступать в конкуренцию между собой. Более того, «Рудольф Лепке» получал свои 25 % именно от разницы между начальной и окончательной, продажной стоимостью вещи. И чем значительнее будет разрыв в ценах, тем большую прибыль получит фирма...

По новому положению разрешать конфликт пришлось А. М. Гинзбургу. В середине мая он прибыл в Берлин, где на совещании, в котором участвовали заместитель торгпреда Б. С. Беленький, М. Ф. Андреева и представитель дирекции фирмы «Рудольф Лепке», сумел достигнуть компромиссного решения. Последнюю партию оценили в 500 тысяч рублей. Советские художественные ценности решили выставить на юбилейном для фирмы, двухтысячном по счету ее аукционе, для чего требовалось собрать в Ленинграде произведений искусства не менее чем на 2,5 миллиона рублей, и среди них обязательно «иметь целый ряд вещей первоклассных для того, чтобы заинтересовать не только обычную

публику, но и крупнейших коллекционеров всего мира»⁷⁵.

Уже в июне берлинский эксперт Крюгер в который раз оказался в хорошо ему знакомом Михайловском замке. Следуя букве и духу договоренности, он настойчиво требовал для аукциона лишь лучшее, самое значительное и интересное. Но Простак и заведующий антикварно-художественным отделом Ленгосторга Криммер не уступали. Отстаивая собственные интересы и опираясь на статью первую приказа от 7 мая, они требовали, чтобы берлинская фирма либо взяла все, имеющееся на складах, либо получила только часть наиболее ценного.

И вновь А. М. Гинзбург должен был стать арбитром. Правда, на этот раз его связывало то, что «Рудольф Лепке» согласился пойти навстречу Наркомторгу СССР и предоставить ему просимый аванс в размере 2,5 миллиона марок — но непременно под обеспечение отобранных и оцененных Крюгером вещей.

Уладить дело удалось огромной ценой — позволить Крюгеру проводить отбор не только в Михайловском замке, но и в запасниках Эрмитажа, Гатчинского дворца. А там уже полгода хозяйничали Менашэ и Вейс, сновали сотрудники «Антиквариата», Комиссии госфондов, подбирая партии «товара» для любого готового дать «хорошую цену»: для своего Амторга, находившегося в далеком Нью-Йорке, для чужих — венских фирм «Доротеум», «Галери Сан Люк»...

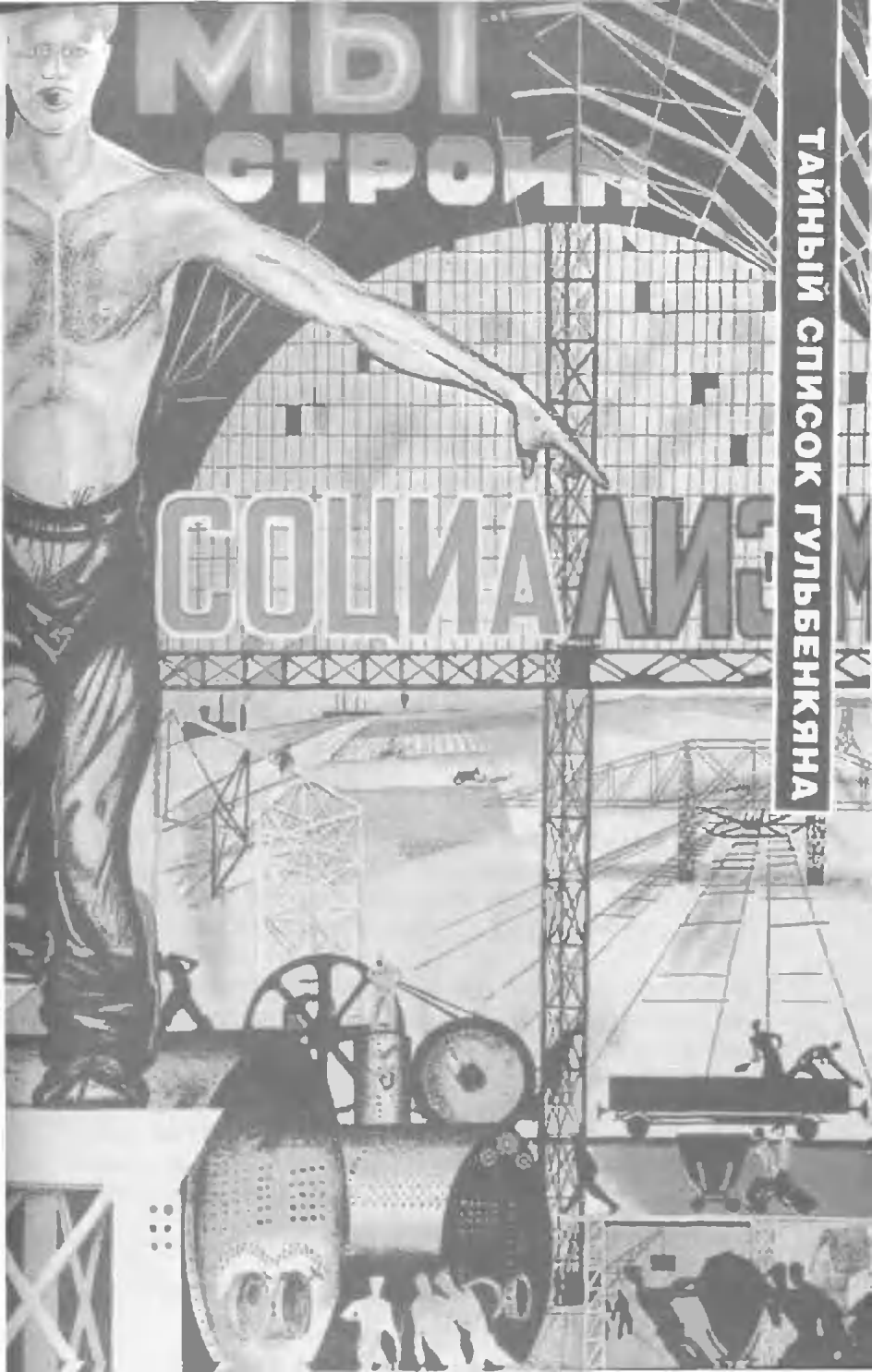
Беспокоились и суетились внешторговцы далеко не случайно: кто-кто, а уж они лучше других знали о резко ухудшившемся за последние месяцы финансовом положении страны. Плановики из ВСНХ изрядно просчитались, не сумев предусмотреть все будущие траты. Не хватало рублей, и что было еще опаснее — катастрофически не хватало валюты. А за это нес ответственность только Наркомторг, чьи торгпреды и вели переговоры за границей, сообщая

в Москву о подготовленных ими необычайно выгодных для страны контрактах.

На деле все обернулось иначе. Оказалось, только фирме «Форд моторс» за нижегородский автомобильный завод (производительностью 100 тысяч машин в год) предстоит в самое ближайшее время уплатить 90 миллионов рублей в долларах — более десятой части всех запланированных валютных поступлений! Но автомобильный завод был одним из многих, которые в ближайшие месяцы предстояло приобрести, дабы строить и запускать в годы пятилетки.

Если не найти выход, вся индустриализация окажется мыльным пузырем, сведется к постройке всего семи-восьми предприятий, а широко разрекламированный план нисколько не изменит экономического облика СССР. Внешторговцам же придется ответить за свои столь опрометчиво данные обещания непременно обеспечить валютой все будущие стройки.

МЫ
СТРОИМ

СОЦИАЛИЗМ

ТАЙНЫЙ СПИСОК ГУЛЫБЕНКЯНА

1 октября 1928 года начинался очередной хозяйственный год. Первый год выполнения пятилетнего плана — еще не утвержденного, готового лишь вчерне, но имеющего прочный, непоколебимый фундамент — тяжелую индустрию.

Чтобы хотя бы приблизиться к экономическим показателям таких стран, как США и Великобритания, Германия и Франция, следовало прежде всего увеличить выплавку чугуна втрое — с 3,3 миллиона тонн в 1927—1928 году до 10 миллионов тонн в 1932—1933 году. За тот же срок надлежало добиться роста выплавки и цветных металлов: меди — с 28,3 тысячи тонн до 84,7 тысячи, цинка — с 3 тысяч тонн до 74,4 тысячи тонн.

Столь стремительный подъем металлургической промышленности должен был обеспечить многое: наращивание добычи руды, модернизацию старых, до-революционных заводов (преимущественно в Донецко-Криворожском регионе) и строительство флагманов индустрии, спроектированных по последнему слову техники, — Запорожского, Кузнецкого, Магнитогорского комбинатов.

Отечественные чугун и сталь обеспечат работу автомобильных, тракторных, комбайновых, авиационных, моторных, станко-инструментальных и иных заводов, каких страна никогда не имела. Эти предприятия предстояло возвести и пустить на запланированную мощь за те же пять лет.

В свою очередь все они вместе с химическими комбинатами – Березняковским, Соликамским – позволят поднять сельское хозяйство.

Задуманное немыслимое увеличение промышленной продукции в целом – на 180 %, средств производства – на 290 %, а предметов потребления на 144 % требовало вложения в народное хозяйство колоссальных средств. По ориентировочной оценке Госплана они выражались в сумме в два раза большей, нежели затраты за истекшее пятилетие – приблизительно 65 миллиардов рублей (через два года выяснилось, что экономисты и здесь ошиблись, преуменьшив предстоящие расходы в несколько раз).

Уже весной стало ясно: таких денег у страны пока нет и в ближайшее время не предвидится. Особенно валюты, так как при хлебозаготовках не сумели добрать 2 миллиона тонн зерна, предназначенного на экспорт.

Выход из тупика пришлось искать не только Внешторгу.

В конце апреля, когда обозначился валютный кризис, свой, казалось бы, самый простой и быстрый способ разрешения возникшей проблемы предложил Рыков. По его мнению, следовало срочно продать за рубежом золота на 50 миллионов рублей, а с выручки расплатиться по неотложным краткосрочным кредитам и выплатить авансы фирмам-поставщикам, с которыми уже были готовы договоры.

В Политбюро долго и внимательно изучали, просчитывали предложение премьера – идею отнюдь не оригинальную, многократно использовавшуюся в прошлом. Новизна заключалась лишь в количестве

предлагаемого на экспорт золота. Потому-то и возникли сомнения: не приведет ли это к падению цены на «желтый металл»? Не прогадает ли страна?

Только через месяц приняли предложение Рыкова, но золота решено было вывезти всего на 30 миллионов рублей, никак не больше. А когда летом стало очевидно, что для снятия остроты финансового положения такой суммы явно недостаточно, предложили Госбанку СССР, осуществлявшему продажу на мировом рынке золота и платины, вывезти дополнительно еще на 20 миллионов. Однако через месяц одумались и 16 августа постановили: золото вывозить, но не больше чем на 40 миллионов рублей, причем обязательно согласуя каждую сделку с Наркомторгом.

Однако предложение Рыкова, хотя и утвержденное Политбюро единогласно, никак не устраивало «центристов». Они не могли не понимать, что подобная мера является крайне опасной по своим последствиям: дав передышку, она не решит проблемы. Слишком скоро понадобится снова изыскивать очередные, такие же разовые источники финансирования, постоянно латая тришкин кафтан. Требовался иной источник: надежный, постоянный, гарантирующий регулярные поступления валюты из месяца в месяц, из года в год.

Потому-то вспомнили «центристы» о сути концепции Преображенского, которую столь настойчиво пропагандировали и Троцкий, и Зиновьев:

«Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социалистической революции, тем относительно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на отчуждение части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства»⁷⁶.

«Центристы» осознали, что их альянс с «правыми» стал вопиющей ошибкой, заставил правительство и партию проводить социалистическую индустриализацию, одновременно защищая интересы крестьянства, прежде всего зажиточного, кулаков. По Преображенскому — «досоциалистическую форму хозяйства». Следуя за Рыковым, Бухариным, Томским, приходилось оберегать тех, кто при падении в стране и мире цен на хлеб отказались продать его государству и тем самым подвели правительство, рассчитывавшее на зерно как на одну из основных статей экспорта.

Становилось очевидным, что именно этот стран- ный союз и привел к ситуации, о которой вскоре Ста- лин скажет так: «В капиталистическом мире идут большие споры насчет наших финансовых возмож- ностей... говорят, что мы банкроты и падение советской власти — дело нескольких месяцев, если не недель»⁷⁷.

Впервые о возможном разрыве с «правыми» по- сле явного провала политики А. И. Рыкова и Н. И. Бухарина сказал Сталин на июльском плену- ме ЦК. Генсек пока выразился достаточно сдержанно, но все же подчеркнул: «Наша страна... не может, не должна заниматься грабежом колоний... Не имеет также и не хочет иметь кабальных займов извне... Остается одно: развивать промышленность, индустриа- лизировать страну за счет внутренних накоплений»⁷⁸. И сразу же пояснил — речь идет о крестьянстве. Пар- тия твердо намерена помочь бедноте и середнякам объединиться в колхозы.

В июле ни Сталин, ни его единомышленники по центристской группе не упоминали лидеров «пра- вых». Более того, откровенно подыгрывая последним, Политбюро 16 августа 1928 года (в тот самый день, когда определялся окончательный размер выброса на зарубежный рынок золота) приняло еще одно поста- новление, также напрямую связанное с получением валюты без какого бы то ни было давления на крестьян. Была образована временная комиссия «для обес-

печения срочного выделения для экспорта картин и музейных ценностей на сумму в 30 миллионов рублей»⁷⁹. Таким образом, предпринималась попытка получить почти столько же валюты, сколько и за золото.

Далеко не случайно поручили возглавить эту комиссию М. П. Томскому, одному из признанных лидеров «правых». Бывший рабочий, затем профессиональный революционер, после Октября он занялся профсоюзной деятельностью столь успешно, что уже летом 1918 года возглавил советские профсоюзы. Именно ему предоставили возможность выправить положение с валютой, доказать на деле, что финансировать индустриализацию, которую он так рьяно и горячо поддержал, можно и из тех источников, которые изыщут «правые».

Помимо Томского в комиссию включили еще двоих: от Наркомторга — А. И. Микояна, а от Наркомпроса — В. Н. Яковлеву, единственную из троих имевшую высшее образование. До революции она окончила в Москве гимназию и физико-математический факультет Высших женских курсов (Герье). После Октября партия много раз перебрасывала ее из наркомата в наркомат — ей пришлось работать в НКВД, ВСНХ, Наркомпроде... Только в 1922 году Яковлева наконец надолго осела «по специальности», в Наркомпросе, сменив Преображенского в должности заведующей Главным управлением профессионального образования.

Члены комиссии сами не осматривали, не изучали музейные фонды, не оценивали их с точки зрения конъюнктуры на мировом антикварном рынке. На это у них не было ни времени. Не имея необходимых знаний, они просто отдавали распоряжения, не подлежащие обсуждению приказы — фактически исходившие от имени Политбюро! Это комиссия полагала вполне достаточным, и не ошиблась.

Первым результатом ее действий стал многообещающий контакт с одним из лидеров крайне «левых»

Г. Л. Пятаковым. В середине 1926 года Пятаков был заместителем председателя ВСНХ, после смерти Дзержинского претендовал на его пост. За поддержку Троцким его отправили в конце марта 1927 года торгпредом в Париж – как бы «в изгнание». В декабре того же года решением XV съезда он был исключен из партии за активное участие в троцкистской оппозиции, но все же оставлен на зарубежной работе.

В столице Франции Пятаков особое внимание уделял вопросам, связанным с нефтью. Ведь именно ею он занимался сразу после окончания гражданской войны, когда получил назначение начальником Главного топливного управления ВСНХ, немало сил отдал созданию Нефтесиндиката (внешнеторговой организации того же ВСНХ). Позже Пятаков участвовал в подготовке соглашения Нефтесиндиката со «Стандарт ойл оф Нью-Йорк», позволившего Советскому Союзу резко увеличить экспорт нефтепродуктов под американской маркой.

Неудивительно, что вскоре после приезда в Париж Пятаков близко сошелся с Калустом Гульбенкяном, владельцем мощной и влиятельной «Теркиш петролеум компани», сделавшим состояние на импорте в Турцию керосина из России. Этот предприниматель первым оценил запасы нефтяных месторождений на севере Месопотамии и еще в 1912 году создал свою компанию, начавшую добычу нефти в районе Мосула. С конца 1918 года шел спор за эту территорию, лишь в 1925 году отошедшую Ираку.

Гульбенкян издавна сотрудничал с «Бритиш петролеум», «Англо-Першн», а потому при разделе мирового рынка нефти получил весьма значительную квоту, заметно превышавшую его возможности. Это и подтолкнуло Пятакова к мысли наладить экспорт советской нефти под маркой не только «Стандарт ойл», но и «Теркиш петролеум», тем самым увеличив поступления валюты в СССР. Оставалось только уговорить самого Гульбенкяна.

Помогла телеграмма Микояна из Москвы, в которой нарком информировал о решении Политбюро от 16 августа.

Пятаков выяснил, что Гульбенкян собирает старую живопись, имеет превосходную коллекцию, вполне достойную миллионера. Значит, он, скорее всего, согласится приобрести что-либо из художественных музеев СССР.

Даже вскользь сделанное Пятаковым предложение вызвало бурный интерес коллекционера, молниеносно составившего список картин, которые он готов был купить немедленно и за хорошую цену.

Гульбенкян ничего не знал о том, что имеется в запасниках советских музеев, на складах Комиссии госфондов, поэтому свой список составлял по каталогам, включив в него «Мадонну Альба» Рафаэля, «Мадонну» Корреджио, «Поклонение волхвов» Боттичелли, «Юдифь» Джорджоне, «Блудного сына», «Флору», «Афины Палладу», «Девушку с метелкой» и «Портрет старухи» Рембрандта, «Персея и Андромеду», «Портрет старухи» и два «Пейзажа» Рубенса, «Хозяйку и служанку» П. де Хоха, «Святого Луку и Мадонну» Ван дер Вейдена, «Благовещение» Ван Эйка, «Мещетен» и «Ля Бондеузе» Ватто, «Благовещение» Боутса.

Назвал сразу же Гульбенкян и свою цену. За «Флору» Рембрандта он предложил 2,5 миллиона, а за его же кисти «Портрет старухи» — 1,5. За «Мещетен» Ватто и «Портрет старухи» Рубенса — по 1 миллиону. И еще полмиллиона — за «Благовещение» Боутса⁸⁰.

Получалось, что если согласиться с предложением нефтяного магната, то можно очень быстро, не прибегая к услугам своекорыстных посредников-аукционистов, получить 6,5 миллиона в валюте — третью часть суммы, определенной решением Политбюро, да еще и нарастить экспорт нефти и нефтепродуктов.

Но именно это предложение Гульбенкяна, немедленно направленное Пятаковым в Москву Микояну, а тем пересланное в Ленинград для дирекции Эрмитажа, и стало последней каплей, переполнившей чашу терпения искусствоведов. Более того, оно привело к целому ряду совершенно не ожидавшихся руководством протестов против принудительного изъятия художественных ценностей на 30 миллионов рублей.

К комиссии Томского обратился молчавший до той поры нарком просвещения РСФСР Луначарский:

«Я с очень тяжелым сердцем согласился на эту операцию и указывал тогда же т. Микояну и т. Рыкову — к сожалению, я не был на политбюро тогда, когда обсуждался этот вопрос, — на те причины, по которым я являюсь в значительной мере противником этой операции»⁸¹.

Тройницкий же, бывший директор музея, заведующий отделом прикладного искусства, уполномоченный Наркомпроса по выделению из Эрмитажа художественных ценностей для экспорта, направил на имя заведующего ленинградской конторой «Антиквариата» Криммера следующую докладную:

«По вопросу о выделении и реализации на заграничном рынке антикварных ценностей на сумму в 30 миллионов рублей считаю своим долгом высказать нижеследующее.

1. Особенности антикварного рынка и его ограниченная емкость позволяют усомниться в возможности нормальной реализации вещей на такую крупную сумму и в короткий срок (1 год, придется продавать вещи за бесценок, т. е. для получения суммы в 30 миллионов, в действительности выделить и продать на сумму в 50, 80, а может быть, и 100 милл. рублей. Товар, выходящий за пределы потребностей рынка, на определенный срок является товаром мертвым, и он будет приобретен по самой низкой цене перепродавцами, которые учтут, что значительная его часть может пролежать ряд лет без продажи.

2. Предполагаемая первоклассность и высокая валютная ценность подлежащих выделению и реализации предметов нисколько не изменит высказанного положения, так как

а) как бы ни были первоклассны выделенные предметы, при такой огромной сумме среди них будет много однородных, следовательно, в известной части трудно ликвидных;

б) самый факт массовой продажи исключительно первоклассных памятников создает впечатление катастрофического положения страны и вызовет желание его учесть и использовать.

3. Что это действительно так, показывает предложение гр. Гульбенкяна, который предложил купить на 10 милл. рублей картин и представил список из 18 лучших картин Эрмитажа, стоящих по самому скромному расчету не менее 25—30 милл. рублей. Открытая же продажа некоторых из них, как «Мадонна Альба» Рафаэля, «Юдифь» Джорджоне и «Блудного сына» Рембрандта, несомненно, вызвала бы в некоторых странах национальную подписку для их приобретения и покрыла бы сумму в 10 милл. рублей.

4. Из суммы в 30 милл. р. предполагено на 25 милл. выделить 100 вещей ценою не ниже 100 тысяч каждая, т. е. в среднем по 250 тысяч за вещь. Таких высокоценных вещей имеется вообще немного. В московских и провинциальных музеях могут найтись только единичные предметы, и таким образом вся тяжесть этой операции ляжет на Эрмитаж и, главным образом, на его картинную галерею.

Между тем возможно точный подсчет показал, что картин стоимостью свыше 100 тыс. рублей в Эрмитаже имеется только около 115, а других предметов такой ценности от 25 до 30.

Следовательно, реализация 100 предметов такого качества будет иметь следствием уничтожение Эрмитажа и сведение его с места первого в мире музея до положения склада второстепенных и третьестепен-

ных вещей, пригодного лишь для пополнения провинциальных музеев. К этому надо прибавить, что в число этих 115 картин входит около 30 Рембрандтов, которые, конечно, не могут быть реализованы не только в течение 1 года, но даже и 10 лет.

5. Не только разрушение Эрмитажа, но даже изъятие отдельных предметов, в течение полутора столетий украшающих его стены, вызовет крупный международный скандал, т. к. значение Эрмитажа далеко выходит за пределы СССР, он является фактором мирового культурного значения, что было признано даже нашими врагами. Так, при осуществлении Рижского мирного договора Польское правительство оставило в Эрмитаже ряд первоклассных произведений, на получение которых Польша имела право, но изъятие которых из Эрмитажа нарушило бы целостность его собраний. Такое значение Эрмитажа и музейного строительства СССР вообще подтверждает и факт поездки осенью 1926 года члена английского парламента Мартина Конвея в Америку для прочтения ряда лекций на эту тему, для чего ему согласно предложению покойного полпреда во Франции Л. Б. Красина был предоставлен необходимый материал. Говорить о той огромной литературе, которая посвящена советским музеям за последние годы, конечно, не нужно.

Поэтому несомненно, что всякий ущерб, нанесенный Эрмитажу и другим музеям, очень отрицательно повлияет на общественное мнение и тяжело отразится в ряде практических дел, т. к. вызовет ложное представление о катастрофическом положении страны и даст возможность врагам СССР, давно утверждающим, что никакая культурная работа в советской стране невозможна, торжествовать исполнение хотя бы части предсказаний.

6. Не менее тяжелые переживания такая операция вызовет и внутри страны. В течение 11-ти лет мы с колоссальным трудом и огромными жертвами спа-

сали и сохраняли художественное достояние государства, в течение 11-ти лет мы внушали самым широким массам, что музеи являются одним из важнейших элементов в культурном строительстве и самой демократической из школ, понятной и доступной даже для неграмотных, и все это для того, чтобы на 12-й год разрушить наши огромные в этом деле достижения, для проблематичного получения ничтожной с точки зрения государственного бюджета суммы.

Не надо забывать и того угнетающего впечатления, которое вызовет мысль, что лучшие произведения искусства, на которых ежегодно учатся и воспитываются сотни тысяч людей, из стен музеев перейдут в частные собрания буржуазных коллекционеров и надолго, если не навсегда, выйдут из общего пользования.

7. Но значение наших музеев для страны огромно не только в культурном отношении, они бесспорно являются реальным фондом, обеспечивающим нашу кредитоспособность и будут служить источником огромных доходов. Если маленькая Швеция, не обладающая ни одним сколько-нибудь выдающимся музеем, зарабатывает ежегодно на туризме десятки миллионов крон в валюте, то чего же можем ожидать мы, имея такой, нигде более не существующий и неповторимый художественно-исторический комплекс, каким является Эрмитаж в окружении загородных дворцов. Не разрушать их нужно, а всячески поддерживать, и в ближайшее время, при упорядочении международных отношений, они сторицей вернут принесенные им жертвы.

Подводя итог всему сказанному, можно определенно утверждать, что для получения 30-миллионного фонда, согласно имеющемуся плану, фонду, еле покрывающему 3—4 дневный бюджет государства, неминусом придется:

1. Выделить вещей на значительно большую сумму и продать их за бесценок;

2. Разрушить Эрмитаж и ряд других музеев, что будет означать отказ от одного из важнейших факторов культурного строительства;

3. Вызвать самое отрицательное отношение в общественном мнении как внутри страны, так и во всех других странах;

4. Создать ложное впечатление о катастрофическом положении страны»⁸².

Отчаянный призыв Тройницкого оказался гласом вопиющего в пустыне. Руководство «Антиквариата», ознакомившись с его запиской, переправило ее в Берлин, Андреевой, а та с очередной дипломатической почтой отослала в Москву: «Лично наркому А. И. Микояну для ознакомления и директивы».

Но как и положено в чиновничьем мире, из секретариата Микояна докладная записка Тройницкого пошла к его заместителям. Лишь один из четверых замов, Максимов, прочитал текст внимательно и попытался дать делу ход, изложив свое мнение в резолюции:

«Тов. Микояну. Считаю, что изложенные соображения заслуживают безусловного внимания. Конечно, директива об экспорте на 30 м. р. должна быть выполнена, но ее выполнение не должно переходить указанные границы. Мне кажется, что если выпустить внутренний заем сохранения мировых культурных ценностей, то можно будет собрать не 30 м. р., а все СТО»⁸³.

На том обсуждение предложений Тройницкого завершилось – о них просто забыли.

Протестовал и выдающийся востоковед, академик, непременный секретарь Академии наук СССР С. Ф. Ольденбург. Используя свое весьма высокое в ученом мире положение, он обратился сразу к Рыкову, Бухарину, Калинин, секретарю ЦИК СССР Енукидзе.

Вот его письмо к последнему из них:

«Глубокоуважаемый Амель Софронович!

Пишу Вам и одновременно Алексею Ивановичу (Рыкову. — Ю. Ж.), Михайлу Ивановичу (Калинину. — Ю. Ж.) и Николаю Ивановичу (Бухарину. — Ю. Ж.). Пишу о деле, о котором мы с Вами говорили и по которому не могу молчать как человек, искренне преданный Советскому строю.

Опять появились антиквары и т.н. люди и, видимо, спешно готовят распродажу редчайших картин и других художественных ценностей. Готовятся сделать непоправимую ошибку, которая ляжет неизгладимым пятном на нашей революции.

Эти продажи основаны на непонимании и необходимости одних и на желании нажиться других. Около этого дела наживутся многие, «а государство получит жалкие по масштабам его потребностей суммы. Между тем, отрицательное впечатление, которое произведут эти продажи во всем мире, будет крайне вредно для нас: скажут, что бесхозяйственностью мы разорили страну, а теперь распродаем ее последние ценности.

Не знаю, кто у нас стоит за эти продажи, ясно одно: или это крайне недальновидные, или недобросовестные люди, потому что ясно, что ни о каких крупных суммах и речи быть не может.

Не может быть сомнения, что дело это кончится в пролетарском суде. Но тогда уже будет поздно — вред нашему строительству будет уже нанесен громадный. Надо остановить эти бессмысленные, вреднейшие продажи теперь же.

Знаю, как дорого Вам дело нашей революции, — сделайте все от Вас зависящее, чтобы не было этого позора и вреда советскому строю»⁸⁴.

Протестовал и Невский, старый большевик, так и не вписавшийся после революции во властные структуры. Октябрь 1917-го стал его звездным часом — он член Военно-революционного комитета, нарком

путей сообщения в первом составе советского правительства. Но затем его «перебросили» на научную работу — ректором Свердловского (коммунистического) университета, заместителем директора Института истории партии, наконец, в 1924 году он был назначен директором Библиотеки имени Ленина.

Невский взывал к своему начальнику, наркому просвещения Луначарскому:

«...В марте текущего года было отправлено за границу музейных предметов на сумму около 700.000 рублей. Продано же из них только на сумму около 10.000 рублей. Это показывает, что 1) рынок на Западе обладает ограниченной емкостью для предметов искусства и 2) что западноевропейские антиквары вошли в соглашение, стакнулись друг с другом и, вероятно, с русскими спекулянтами с целью понижения цен на вывозимые нами на рынок предметы. Что это действительно так, что уже теперь на почве продажи наших предметов искусства создана нездоровая спекуляция и грабеж народного достояния, иллюстрируют нижеприводимые факты.

Агент антикваров Гульбенкян предлагает продать ему 18 лучших картин Эрмитажа за 10 миллионов рублей, причем в число этих картин входят такие шедевры, как «Блудный сын» Рембрандта и «Мадонна Альба» Рафаэля. Гульбенкян предлагает 10 миллионов рублей за 18 лучших картин в то время, как только две указанные картины могут дать сумму более 2 миллионов рублей...

Эта стачка заграничных антикваров поддерживается явным невежеством или, выражаясь мягко, желанием ввести в заблуждение власть советских агентов: тов. Гинзбург предлагает продать обстановку Строгановского музея за 3 миллиона, в то время, как она стоит по самой преувеличенной оценке не более 350 тысяч рублей. Бурная фантазия т. Гинзбурга оценивает обстановку Павловского дворца в 10 миллионов рублей, между тем как продажа этой обстановки не дает

более 1/10 части указанной цифры, то есть 1 миллион рублей.

Спекулянтские предложения, которые я выдержал, когда голландские евреи хотели купить у нас рукописи барона Гинзбурга, также свидетельствуют о стачке антикваров на Западе: они предлагали 2000 фунтов за рукописи, которые оцениваются в сотни тысяч рублей.

Недавний факт, когда берлинское торговое представительство предложило понизить стоимость вывезенных гобеленов на 30 %, и так с уже низкой оценкой в 75 тысяч рублей вместо 120 тысяч рублей, показывает, что стачка и спекуляция налицо.

Можно смело сказать, что если реализация предметов, оцененных в 8 миллионов рублей дала в течение 2-х лет сумму не более 200 тысяч рублей, то вывоз предметов искусства, как предполагается на 30 миллионов рублей, не дает желанных результатов и вместо 30 миллионов рублей возможно будет получить всего несколько миллионов рублей в течение многих лет.

Но более всех этих фактов убеждают в ненужности предложенных мер следующие соображения:

1. Продажа ставит целью получение валюты в короткий срок. Эта цель может быть достигнута только продажей лучших картин Эрмитажа, т. е. разрушения мирового музея.

2. Однако и продажа лучших картин Эрмитажа не даст желаемого результата, так как западные антиквары определенно будут выжидать и снижать цены.

3. Факт продажи лучших предметов искусства из нашего мирового хранилища будет служить сильнейшим аргументом в пользу того мнения, что советское государство накануне финансового банкротства...

Раз став на путь распродажи, остановиться нельзя: сегодня продали Рафаэля, завтра продали Корреджио, затем начнем продавать рукописи Толстого и Достоевского.

Раз продавать, так продавать. Разделить рукописи Толстого по клочкам и продавать американцам по частям, а за рукописями Толстого, рисунки Иванова, автографы Достоевского и т. д. Как директор Ленинской библиотеки, человек близко стоящий к науке и искусству и как коммунист, я обращаюсь к Вам, уважаемый Анатолий Васильевич, и прошу Вас войти с ходатайством в ЦК ВКП(б) о приостановке этого губительного разрушения рассадников культуры и просвещения...»⁸⁵

Луначарский не ответил Невскому, не обратился ни в ЦК, ни в Политбюро с протестом от имени многочисленных защитников культуры, своим молчанием, невмешательством потворствуя внешторговцам.

Пророчество Кассандры

Луначарский давно старался ни во что не вмешиваться. Ему было так хорошо, уютно, покойно: огромная «барская» квартира в Плотниковом переулке, у подъезда автомобиль с шофером — неоспоримый признак высочайшего положения. До мелочей изученная за одиннадцать лет служба наркома уже как бы катилась сама по себе. По вечерам — модные среди комсомольцев дискуссии на любую тему: об обновленной церкви, о театре Мейерхольда, последних романах Гладкова, появившихся молодежных бытовых коммунах. У жены, актрисы, — премьеры и банкеты. Каждый год, ближе к осени, нарком с женою отправлялся для лечения за границу, на воды, за государственный счет.

И тут вдруг музейщики со своими проблемами...

Луначарский как нарком сделал все что мог: высказал свое мнение членам комиссии Томского, в сентябре даже встретился с Микояном и настоял на немедленном совместном утверждении «Списка предметов старины и искусства, не разрешаемых к вывозу за границу».

Документ этот включал тринадцать параграфов — по видам произведений искусства, включая археологические находки, — и мог бы предотвратить экспорт национального наследия. Однозначно, предельно четко и ясно «Список» определял: разрешается вывоз картин, но только работы современных художников, да и то «за исключением отдельных, особо выдающихся произведений»: икон — лишь созданных начиная с XVIII века; фарфора, хрусталя, изделий из серебра, тканей, мебели — со второй половины XIX века; гравюр, ковров, бронзы — только XIX и XX веков.

Все было бы хорошо, если бы не приписка, появившаяся спустя несколько дней на обороте второго листа перечня. Она добавляла еще один, четырнадцатый параграф, утвержденный Микояном, но согласованный с только что назначенным членом коллегии Наркомпроса, начальником Главнауки Лядовым:

«Настоящий список запрещенных к вывозу предметов старины и искусства не распространяется на главную контору Госторга РСФСР по покупке и реализации антиквариата, которой предоставлено монопольное право экспорта предметов старины и искусства. Главная контора совершает весь вывоз предметов старины и искусства по лицензии органов Наркомпроса и удостоверениям Главнауки Наркомпроса»⁸⁶.

Но об этом Луначарский старался не вспоминать — как и о том, что не кто иной, а именно он начал, подписывая приказы и распоряжения по наркомату, крушить сложившуюся, отлаженную, великолепно работавшую организацию охраны культурно-исторического наследия, столь мешавшую сотрудникам Наркомторга.

Еще в начале года Луначарский утвердил вместо Седовой-Троцкой руководителем Отдела музеев Л. Я. Вайнера, а теперь, в первых числах октября, подписал приказ о назначении начальником Главнауки М. Н. Лядова, старого большевика, делегата II и III

съездов РСДРП, давнего соратника Пятакова по энергетическому ведомству и, кстати, одного из приемников Невского на посту ректора Свердловского (коммунистического) университета.

Уже 10 октября, через неделю после перехода в Наркомпрос, Лядов ознакомил своих новых подчиненных с оперативно разработанным планом полной реорганизации Главка. Суть плана сводилась всего к четырем пунктам:

«1. Освобождение Главнауки от мелких функций, которые можно передать на места — учреждениям и органам народного образования. 2. Пересмотр сети учреждений, непосредственно подведомственных Главнауке в смысле максимального сокращения этой сети и передачи учреждений в ведение местных органов народного образования. 3. Пересмотр списка охраняемых памятников в смысле освобождения его от объектов, не подлежащих охране. 4. Освобождение руководства Главнауки от выполнения ряда функций чисто технического характера для предоставления ему возможности уделять достаточно времени и сил на разрешение основных проблем руководства, на связь с ведомствами и на представительство».

Вторая часть плана предусматривала ликвидацию большинства структур Главнауки, и прежде всего Музейного отдела. Лядов объяснял: «Нет возможности организовать достаточный учет и сохранение ценностей в наших многочисленных музеях». Свою мысль он развил и дополнил три месяца спустя, когда докладывал на коллегии Наркомпроса: «Ввиду резко обострившейся классовой борьбы, между прочим выразившейся в рецидиве религиозности известных слоев населения, особое внимание должно быть уделено так называемым историко-бытовым музеям (монастырям, церквям и т. д.). Там, где не хватает сил, умения и средств превратить их в антирелигиозные, они должны быть закрыты, а помещения должны быть использованы под культурные нужды»⁸⁷.

Разумеется, реорганизация Наркомпроса, сложившегося в своем виде в 1922 году, безусловно назрела. Ведь наркомату вскоре предстояло обеспечить переход ко всеобщему обязательному и бесплатному начальному образованию, перестроить систему подготовки инженеров и техников, в которых столь нуждались строившиеся и запланированные заводы и фабрики, железные дороги и комбинаты, электростанции. Но какое отношение к индустриализации имела скромная, незаметная деятельность картинных галерей и археологических отделов музеев, реставрационных мастерских, Лядов не объяснил. И все же реорганизацию он начал именно с Музейного отдела, который оказался основной помехой при выполнении решения Политбюро об экспорте художественных ценностей на 30 миллионов рублей!

Музейный отдел перестал существовать к началу 1929 года, превратившись в некий «музейный раздел» Главнауки, в свою очередь низведенной с уровня главка до отдела. Штаты «раздела», уже не имевшего персонального руководителя, были сокращены с восемнадцати до семи человек. Из них некий Объедков в одиночку представлял Комиссию по контролю за вывозом, Левинсон отвечал за охрану и реставрацию лучших образцов зодчества... Остальные курировали музеи по профилям, вернее, следили за политической правильностью их экспозиций. Художественными музеями занимался Вайнер, историко-культурными и историко-бытовыми — Григорьев. Всю же оперативную работу, связанную с сохранением произведений искусства, реликвий старины, подготовкой государственных списков памятников, передали Центральным государственным реставрационным мастерским, возглавляемым И. Э. Грабарем.

Таким образом, «музейный раздел» оказался полностью отстранен от работы по сбережению и использованию шедевров живописи, графики, скульптуры, прикладного искусства. Новые его задачи под-

черкивал и вскоре утвержденный производственный план на 1929/30 год, который определял, что перед «разделом» отныне стоят задачи, связанные исключительно с недвижимыми памятниками:

«а) Проработка учетных сведений об архитектурных памятниках; установление твердого списка тех, которые имеют первоклассное значение, и сокращение списка с исключением из охраны менее ценных объектов... в) Разработка общих планов реставрационных работ и наблюдение за проведением реставрационных работ. г) Наблюдение за поддержанием и использованием памятников. д) Проведение ликвидации церковных памятников с возможным использованием их по другому назначению»⁸⁸.

Тогда же завершилась и ликвидация немногих оставшихся местных органов Музейного отдела. Она совершалась постепенно, как бы сама по себе в ходе реформы административно-территориального деления страны. Существовавшие прежде в Российской Федерации 49 губерний (без Казахстана и Киргизии, тогда автономных республик в составе РСФСР) укрупнили, преобразовали в 13 краев и областей. Разумеется, реорганизовали одновременно и прежние исполкомы, получившие иные структуры, отражавшие новые цели, поставленные перед ними на период индустриализации.

Загодя, еще в июле 1918 года, наркоматы рабоче-крестьянской инспекции и просвещения утвердили положение о минимальных типовых штатах краевых и областных отделов народного образования, не предусматривавшее сохранения ни подотделов или секторов, ни даже инспекторов по музейной работе или охране памятников. Между тем другой нормативный акт, «Положение о краевых (областных) отделах народного образования», утвержденный ВЦИК и СНК РСФСР за две недели до того, именно на эти структуры и возлагал «общее руководство учетом и охраной памятников природы, старины и искусства»⁸⁹.

Лишь в марте 1929 года Наркомпрос попытался устранить это противоречие специальной инструкцией, призванной регламентировать работу краевых и областных отделов народного образования. Но и она только допускала возможность введения должности инспектора по делам музеев и краеведению, отнюдь не требуя этого в обязательном порядке.

Столь явная несогласованность, противоречивость документов как бы предлагала местным органам просвещения если не прямо игнорировать работу по сбережению произведений искусства, исторических реликвий, то, во всяком случае, не придавать ей серьезного значения. И вскоре ситуация, усугубленная межведомственной борьбой за каждую штатную единицу, завершилась неизбежным: должность инспектора по делам музеев отдала Политпросвету, а охрана памятников оказалась третьестепенной, дополнительной нагрузкой областных и краеведческих музеев. Те же зачастую даже не делали вида, что занимаются подобной деятельностью.

Первыми исчезли рядовые, малочисленные местные губмузеи, практически никак не проявлявшие себя на фоне общей работы. Затем пришла очередь и наиболее сильных, заметных, которыми, собственно, и определялись успехи в области охраны и музейного строительства: крымского, татарского и московского. Вслед за ними пала старейшая, ленинградская группа, остававшаяся все еще достаточно сильной и дееспособной.

Ее фактическим руководителем был Г. С. Ятманов, числившийся, правда, всего лишь инспектором по музейным учреждениям (в том числе и по Эрмитажу!). Вместе с ним, хотя формально и не подчиняясь ему, трудились двенадцать искусствоведов в хранилище Государственного музейного фонда, семеро наиболее квалифицированных специалистов — в реставрационных мастерских. Двое экспертов с огромным опытом работы числились в совсем недавно мало что

значившем, но внезапно оказавшемся наиважнейшим, ключевым отделе контроля за вывозом.

Неукоснительно исполняя распоряжения Москвы, самого Луначарского и Лядова, уполномоченный Наркомпроса по Ленинграду Позерн уволил почти всех. Из двадцати двух сотрудников он оставил лишь троих, в том числе и одного нового, только что принятого в отдел контроля — ведь без его подписи чиновники Внешторга пока еще никак не могли обойтись.

Столь значительное сокращение означало на деле полную ликвидацию ленинградского отдела охраны памятников. Одновременно проводилась его дискредитация в центральной печати, формировалось общественное мнение о том, что именно искусствоведы и повинны в изъятиях лучших экспонатов из Эрмитажа и других музеев города.

6 апреля 1929 года «Комсомольская правда» опубликовала явно инспирированную свыше статью «Продаются за бесценок музейные сокровища. Ятманов «ликвидирует» предметы старины. Соболи папантины — женам начальства. Требуем немедленной ревизии». Статья, подписанная инициалами «В. Г.», насыщена злобой и откровенными передержками.

Главный удар газета наносила по основателю системы государственной защиты художественно-исторического наследия в стране — по Ятманову, двенадцать лет возглавлявшему ее наиважнейшую региональную структуру.

Григорий Степанович Ятманов в конце XIX века окончил саратовское Боголюбовское художественное училище, продолжил образование в Петербурге, в школе при Обществе поощрения художников. Писал портреты, пейзажи (пока «для себя», а не на продажу) и поновлял, то есть восстанавливал потемневшую от копоти лампад и свечей роспись в столичных церквях и соборах.

Несмотря на возраст — тридцать восемь лет — в 1916 году его призвали в армию. После февральской

революции Ятманова избрали в Петроградский Совет рабочих депутатов, поручив работу в военно-агитационном отделе, а в дни корниловского мятежа назначили комиссаром 3-го стрелкового полка. В октябрьские дни он был назначен комиссаром Петроградского военно-революционного комитета по охране художественных сокровищ и музеев.

С этого момента и по 1927 год Ятманов возглавлял Петроградский (затем Ленинградский) отдел по делам музеев и охране памятников, а после реформы Лядова был утвержден инспектором музейных учреждений Ленинграда и его пригородов.

Этот кристально честный, принципиальный человек не мог пойти на сделку с совестью. Он не мог дать согласие на продажу за рубеж тех произведений искусства, которые в самые трудные, тяжелые годы революции и гражданской войны бережно собирал и оберегал — для людей, для потомков. И потому его сначала оклеветали.

Газета обвиняла Ятманова во всех мыслимых и немыслимых грехах. Якобы он ликвидировал Шереметевский историко-художественный музей (названный автором пасквиля «музеем внутреннего убранства жилища»), тот самый, который именно Ятманов создал летом 1918 года и который был закрыт решением Межведомственной комиссии ВЦИК в конце 1928 года «в целях централизации музейного имущества». Мало того, Ятманова обвинили и в том, что экспозиционные материалы уникального собрания были проданы Госторгом зарубежным антикварам.

Второе обвинение для нормального читателя и вовсе выглядело бессмыслицей. В. Г. утверждал: «В августе 1928 года замуполномоченного Наркомпроса Ятманов посещает музейный фонд и отдает распоряжение хранителю одного из отделов, Морозову, немедленно перенести экспортное имущество из одного помещения в другое, не составляя списка и вообще никак не оформляя эту выдачу». Совершенно яс-

но, что если Ятманов и поступил так, то лишь стремясь спрятать предназначенные к продаже за рубеж произведения искусства.

Не менее диким выглядело и третье обвинение: Ятманов, мол, нанес вред музеям тем, что организовал выставку художественных предметов, предназначенных для экспорта, не в самом Ленинграде, а в Павловске, из-за чего «за полгода эту выставку посетил только один человек».

Выводы оказались очень жестокими: «Если в качестве руководителя музейной жизни Ятманов был полным ничтожеством, то по части разбазаривания музея его таланты были весьма значительными... И обвинял автор не одного Ятманова: «Молчаливые музейные старички, видевшие всю вакханалию музейных воров, но не мешавшие раскрадывать музеи, вся эта гниль и плесень наших музейных организаций требует хорошей чистки».

Оговор «Комсомольской правды» подействовал: Ятманова тут же уволили.

Кадровая чистка органов охраны памятников в полном соответствии с программой Лядова сопровождалась столь нужным Внешторгу массовым закрытием музеев. Ликвидировали их скрытно, без особой огласки. Одновременно с решением Политбюро о выделении для экспорта картин и музейных ценностей на 30 миллионов рублей в Москве и Ленинграде перестали существовать сразу семь музеев: Военно-исторический, Мебели, Штиглица, Конюшенный, Интендатский, мемориальный музей Суворова, дворец Бобринских. Кроме них упразднили еще и три провинциальных — усадьбы Покровское-Стрешнево и Караул, Оптину пустынь. С республиканского на местный бюджет перевели (что на деле означало прекращение их существования) еще пять музеев: подмосковные Архангельское, Кусково, Останкино, Симонов и Новодевичий монастыри, а дворцы Летний и Меншиков передали Академии наук СССР.

Но на том «лядовская чистка» отнюдь не закончилась. В 1928 — начале 1929 годов не стало Музея 40-х годов и Строгановского дворца, на местном бюджете оказались дворцы Шереметевский, Елагин, Петергофа и Ораниенбаума, Боровский монастырь и Троице-Сергиева лавра, квартира композитора Скрябина в Москве и дом Чайковского в Клину...

Всего число музеев республиканского значения — то есть признаваемых наиболее ценными, бесспорно заслуживающими постоянной финансовой поддержки со стороны государства и потому оставленных в непосредственном ведении Главнауки, — буквально за несколько месяцев сократили в два раза.

Процесс этот четко раскрывают следующие данные:

Музеи	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
художественные	7	7	6	3
историко-культурные	21	15	13	14
историко-бытовые	37	32	21	12
мемориальные	7	8	8	6

Так тихо и незаметно увеличивался тот самый фонд произведений искусства, который и предназначался для экспорта.

Сокращение музейной сети республики сопровождалось и иным, столь же опасным явлением — изменением официального профиля, специализации ряда собраний. Так, остались на государственном бюджете Эрмитаж, Русский музей и Оружейная палата, но они были переведены из разряда художественных в историко-художественные. Подобная, казалось бы, пустая формальность на деле означала коренное изменение принципов построения экспозиций, а следовательно, и признания неприкосновенности — только на основе значимости для просветительской и научной работы тех или иных коллекций, отдельных предметов из фондов.

Небезынтересны и еще две детали реформы Луначарского—Лядова. Ломка устоявшейся за десятилетие музейной сети велась главным образом в Ленинграде, Москве и их окрестностях, то есть затронула самые богатые и широко известные с дореволюционной поры собрания. Ну а ликвидация ряда музеев означала и распыление их фондов. В условиях же реорганизации системы охраны памятников, массового увольнения специалистов художественные ценности перемещались из собрания в собрание без должного в таких случаях учета, составления описей, а потому вскоре оказывались в руках внешторговцев.

Упразднение существовавшей системы органов охраны памятников стало необходимой прелюдией для еще предстоящих изъятий музейных ценностей. Пока же следовало завершить начатое: распорядиться тем, что уже находилось у «Антиквариата», распродать его как можно выгоднее.

...Груз, отобранный Крюгером, из Ленинграда паромом в Штеттин, а далее по железной дороге доставили в Берлин. В первых числах ноября на Потсдаммерштрассе, 122, в залах «Кунстаукционхауз Рудольф Лепке», желающие могли приобрести только что привезенные из типографии каталоги широко разрекламированного «юбилейного», двухсоттысячного аукциона, проводимого фирмой. И тут произошло неожиданное, но вполне предсказуемое.

Напомним, что А. М. Гинзбург позволил Крюгеру отбирать произведения искусства не только в Михайловском замке, но и в запасниках Эрмитажа. В том числе и из предметов, музею не принадлежащих, а лишь находящихся на хранении, оставленных по различным причинам владельцами летом и осенью 1917 года. Естественно, при этом тогда были соблюдены все формальности, оформлены должные расписки. Эти вещи сотрудники Эрмитажа никогда не рассматривали как свои фонды, не включали в описи и инвентарные книги.

И вот эти-то самые предметы, на которые еще в декабре 1927 года обратил внимание Л. Ф. Печерский, все же попали в Берлин, оказались внесенными в аукционный каталог с фотографиями и описаниями. А владельцы — законные даже по нормам советского права — их опознали, возмутились и через суд потребовали вернуть.

Князь Юсупов настаивал на возвращении серванта работы Швертфеггера, французского комода, восьми пар канделябров из серебра, лазурита, белого мрамора, бронзы, бронзовых скульптур «Фавн», «Сатир и вакханки», «Похищение сабинянок», картин кисти Буше, Греза, Негера, Робера, иных живописцев; графиня Шувалова — напольных часов и секретера работы великого Рентгена; княгиня Палей — консоли и бюро французских краснодеревщиков XVIII века; Кочубей — гарнитура, состоящего из двенадцати кресел и дивана. Князь Оболенский требовал свою коллекцию кресел XVIII и XIX веков; Скоропадская — кресла, два круглых столика, стенные часы, а также парные бронзовые вазы, на которые одновременно претендовал и граф Бобринский; графиня Строганова — два серебряных ведерка работы аугсбургских мастеров.

Граф Соллогуб возмутился, обнаружив в каталоге принадлежавшую ему картину Рембрандта «Мальчик», а князь Долгоруков — картину Натуара «Бенера». Предъявили свои претензии и менее известные в эмиграции люди — Половцев, Энден, графиня Черничева-Безобразова, князь Дабиша-Котроманич, Бранд⁹⁰.

Но пока судейские чиновники изучали исковые документы, время неумолимо шло. И день настал.

Вот как описал дальнейшие события один из сотрудников торгпредства СССР в Германии Николаев, очевидец и участник, в официальном служебном отчете.

«На аукционе присутствовала интернациональная публика: здесь встретились представители музеев

и коллекционеров всех стран Европы и Америки. Все большие торговцы антикварными изделиями были представлены или владельцами, или уполномоченными их.

Аукцион начался с продажи мебели. Особый интерес вызвала маленькая французская мебель. Столики и комодики в стиле Людовика XV и XVI были в большом спросе и очень высоко оплачивались. За предложением следовало предложение, превышающее иногда в 3, 4, 5 раз наши лимиты. Мебель, которая была оценена в несколько сот рублей, продавалась за несколько тысяч.

Игральные столики русской работы во французском стиле дали от 4 до 6 тысяч марок за штуку. Также хорошие цены были выручены за работы из золотой бронзы, преимущественно французские, XVIII и XIX веков. Люстры проданы от 4 до 6 тыс. марок, канделябры до 11 тыс. мар., вазы до 15 тыс. марок за штуку. Два гобеленовых кресла с лимитом в 4000 руб. проданы за 15.200 марок. Сумма лимитов мебели и бронзы была приблизительно 500.000 марок, выручено за эти две категории выставленных вещей 880.000 марок.

В 4 часа дня 6-го ноября аукцион начался с продажи гобеленов. Из выставленных 16 гобеленов остались непроданными 8 шт., в том числе одна серия, которая расценена была в 100.000 марок. Лимиты за гобелены были превышены только в некоторых случаях.

За французские табакерки XVIII века опять-таки выручены рекордные цены. Одна французская табакерка, которая была лимитирована в 8.000 мар., продана за 28.000 мар., другая, с миниатюрной живописью Бларенберга, лимитированная в 15.000 мар., продана за 36.000 мар. Табакерки все, без исключения, проданы за 217.000 мар., тогда как их общий лимит выражался в 136.000 мар.

Накануне второго дня было известно об арестах, наложенных немецким судом на некоторые вещи, и,

в связи с этим, в начале аукциона предложения были очень слабые. Но когда началась продажа картин, опять заметно было оживление.

Блестящие цены дали пейзажи Каналетто — от 5 до 8 тысяч марок. «Мадонна» Чимо продана за 55.000 марок. Неожиданно высокая цена выручена за три французских супрапорта неизвестного французского мастера: лимит их был 1800 мар., а проданы они за 23.000 мар. Две маленькие картины Робера проданы за 40.000 мар. (лимит их был 10.000 мар.). Портреты Рубенса (?) и Тинторетто дали каждый по 26.000 мар. Картины Вувермана проданы по 11.500 и 11.000 марок.

Несмотря на арест многих предметов и на то, что несколько вещей, в том числе и 8 гобеленов, остались непроданными, результат аукциона весьма удовлетворителен. Общий лимит всех выставленных вещей выражается в сумме 1.700.000 марок, а выручено 2.056.660 марок. Непроданными остались вещи с лимитной расценкой приблизительно в 270 тысяч марок. Кроме того, наложен арест и не проданы вещи на сумму около 150.000 мар. Следовательно, сумма 2.056.660 марок, вырученная на аукционе, получена за вещи с лимитной расценкой 1.280.000 марок.

Из выставленных 447 предметов арест наложен на 61 предмет, лимитная расценка которых выражается в сумме 495.750 марок. Оценка же этих вещей на аукционе 867.700 марок. Из этих вещей продано и уже передано покупателю вещей на сумму 225.000 мар. Остальные вещи хранятся в настоящее время у судебного исполнителя до решения суда. Заседание суда по этому делу состоится 27-го ноября с. г.

Интерес к аукциону был огромный. Писали о нем во всех газетах и журналах. Все иллюстрированные журналы опубликовали репродукции выставленных предметов. Кроме самой правой прессы, все немецкие газеты отметили, что аукцион этот повысит уровень германского антикварного рынка

и приветствовали решение советского правительства продать ненужные для музеев предметы именно в Германии. Покупателям не мешал шум, поднятый эмигрантами, и заявления некоторых из них о том, что вещи «украдены». Но вне всякого сомнения, что результат второго дня аукциона был бы еще лучше, если бы не пришлось объявить о том, что некоторые предметы сняты с аукциона ввиду наложенного немецким судом ареста. <...>

20-го ноября с. г. на смешанном аукционе картин новых мастеров было выставлено приблизительно 80 наших картин. Результат этого аукциона для нас удовлетворительный: продано 68 картин общей выручкой 50.000 марок. Блестящие цены дали следующие картины:

И. Фон Брэнда — 8.500 марок

Ковальского — 6.800 « (расценка 9.000 р.)

Клауса- 5.100 « (расценка 1.500 р.)

В случае надобности мы пошлем Вам дополнительные данные по интересующим Вас вопросам»⁹¹.

Отчет Николаева более чем удовлетворил сотрудников «Антиквариата» и УЗО. Они могли торжествовать: ими избрана самая верная тактика, они доказали свою прозорливость, умение все загодя просчитать, учесть конъюнктуру международного рынка. Правда, из вырученных 2 миллионов марок треть (7,5 % + 25 %) в точном соответствии с договором получил «Рудольф Лепке», а оставшееся не смогло покрыть выданный этой фирмой аванс. Ну что ж, ведь это только начало. Еще 10—15 таких аукционов — помимо Берлина есть еще и Париж, и Лондон, и, наконец, Нью-Йорк — и задание правительства будет выполнено. Рассчитывать на это есть все основания: наконец-то в руки «Антиквариата» попали долгожданные сокровища не только дворца-музея Палей, но и Шуваловского, Строгановского дворцов-музеев.

Действительно, вскоре великолепные образцы живописи и прикладного искусства (преимуществен-

но XVIII века и главным образом из Франции), еще полгода назад украшавшие залы дворца-музея Палей в Детском Селе и доступные взору посетителей, были оценены, упакованы в ящики и отправлены морем в Лондон. Сотрудники «Антиквариата» наивно полагали, что владелица — княгиня Ольга Валериановна Палей, морганатическая жена великого князя Павла Александровича, — непременно останется в ближайшее время в Берлине, о новой распродаже в Великобритании ничего не узнает и еще раз в суд не подаст.

Музейные работники жадно ловили любые слухи, любые сведения о распродаже на аукционе «Рудольф Лепке». С тревогой и болью наблюдали они, как ликвидировали три дворца-музея. Было уже ясно: произошло что-то страшное, непонятное, позволившее службам Внешторга взять в свои руки не только то, что сами сотрудники музеев вынужденно передали в госфонды, но и целые собрания!

Инструкция, выработанная Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины еще в начале года, оказалась никому не нужной бумажкой, которой откровенно пренебрегали. «Антиквариат» действовал, считаясь только с собственными интересами и поставленными перед ним задачами.

Что будет завтра? — гадали искусствоведы. С чем придется расстаться: с запасниками Эрмитажа или с его основными коллекциями?

И вот новые пугающие вести: за границей, в США, почему-то вдруг заинтересовались русским искусством и особенно старинными иконами. 8 июня все того же 1928 года в особняке Рябушинского, который вот уже два года занимал ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, состоялось, казалось бы, заурядное, ничем не примечательное совещание. В нем приняли участие председатель общества Ольга Давыдовна Каменева, сестра Л. Д. Троцкого и первая жена Л. Б. Каменева, несколько штатных сотрудников, искусствовед И. Э. Грабарь,

специалист по истории зодчества Д. Е. Аркин, искусствовед А. А. Федоров-Давыдов, директор Музея нового западного искусства Б. Н. Терновец. Другую сторону представляли гости из США Стар и Бринтон, выразившие желание организовать художественную выставку, познакомить американский народ с культурой России. Конечно, возражать никто не стал. Ведь такое соглашение является нормальным и полезным, дает возможность установить не только культурные, но и научные связи со страной, с которой у СССР еще не было дипломатических отношений⁹².

О возможной выставке в США советских искусствоведов известили сразу же. О двух иных — в Германии и Франции — пока умолчали, ибо там собирались не только пропагандировать русское искусство, но и торговать им.

Сотрудник художественно-промышленного отдела торгпредства СССР в Германии Поппер, как оказалось, вошел во вкус торговли антиквариатом. Ему уже мало было аукционов «Рудольф Лепке», он высискивал новый «товар» — и нашел его. Обратив внимание УЗО на то, что «коллекция русских икон в музеях Западной Европы очень незначительна», он предложил «выставить в одном из берлинских музеев или в частной картинной галерее особо хорошую коллекцию икон, которая показала бы развитие и стиль различных школ. <...> Одновременно... выставляются иконы, предназначенные для продажи... Две недели спустя после закрытия выставки устраивается аукцион этих икон. Ввиду того, что за границей неизвестны до сих пор никакие цены на иконы, лучше всего не назначать лимитов для первого аукциона. Достаточно иметь для первого аукциона около 100 икон»⁹³.

Буквально в те же самые июньские дни сходная идея пришла в голову и Н. С. Ангарскому, находившемуся в Париже для расширения торговых контактов.

Николай Семенович в письме на имя И. О. Шлейфера также высказал мысль о необходи-

мости распродать скопившиеся на московских складах «Антиквариата» иконы, изъятые из недавно закрытых церквей и соборов. Он предложил открыть французский рынок аукционом, на котором мог бы выставить для начала 200—250 икон и даже наметил необходимого для того посредника: «Через т. Пятакова удалось получить прекрасную связь крупнейшему коммерсанту, шведу, работающему по иконам. Этот человек имеет прекрасную коллекцию русских икон на своей вилле под Парижем, он имеет связь с Америкой, и это почти единственный человек, который знает толк и может помочь. В Москве он будет в июле. Надо ему показать наши запасы»⁹⁴.

Однако Госторг только в конце года предпринял конкретные шаги по подготовке аукциона русской иконы. Сначала, для пробы, на хорошо освоенном рынке Германии, в Берлине. Он затребовал для выставки (умолчав, естественно, о последующей распродаже) лучшие образцы из фондов центральных и провинциальных музеев — и натолкнулся на решительное сопротивление искусствоведов.

18 декабря 1923 года на заседании архитектурно-реставрационного отдела Центральных государственных реставрационных мастерских, выполнявшего в то время роль практически уже прекратившего существование Музейного отдела, выслушали сообщение И. Э. Грабаря, одного из официальных организаторов выставки. Он заверял: возвращение икон гарантировано протоколом, подписанным с одной стороны им, А. И. Анисимовым и Е. И. Силиным, сотрудниками отдела, а с другой — представителями Госторга РСФСР.

Но на этом дело не кончилось. Спустя несколько дней требование письменных гарантий возвращения выделенных для выставки икон поступило из музеев Ленинграда, Архангельска, Владимира, Новгорода, других городов, которые должны были за счет своих фондов обеспечить репрезентативность, полноту готовившейся выставки.

31 декабря под давлением непреклонного мнения не доверявших уже никому хранителей древнерусской живописи Главнауке пришлось распорядиться о временной приостановке выдачи икон Госторгу. А 4 января 1929 года специалисты настояли на более надежном, как они полагали, варианте решения: выставку проводить только под вывеской ВОКСа, непременно получив письменное заверение Каменевой, что ни один экспонат во время выставки либо после ее закрытия не будет продан. И это важное событие в культурной жизни страны должно регулярно освещаться в печати⁹⁵.

Разочарования и надежды

Ноябрьский аукцион фирмы «Рудольф Лепке» не оправдал расчетов Наркомторга. Скорее он подтвердил правоту специалистов, точность их предупреждений: распродажи такого рода не гарантируют государству регулярных поступлений валюты, вряд ли принесут в ближайшем будущем ожидаемые 30 миллионов.

Тем не менее постоянные, ежемесячные изъятия из музейных фондов продолжались — новый берлинский аукцион ожидался в июне. Эрмитажная комиссия по экспорту с участием С. Н. Тройницкого, С. К. Исакова, В. Ф. Левинсон-Лессинга скрепя сердце в январе дала согласие на выделение для продажи значительного числа малозначащих и потому дешевых вещей, а вместе с ними и четырех весьма ценных картин. Три холста принадлежали итальянским мастерам эпохи Возрождения, ярким представителям венецианской школы — «Портрет супругов» Лоренцо Лотто, «Портрет молодого человека» Париса Бордоне, «Портрет Контерини» Якопо Бассано (да Понте). Четвертым холстом был «Портрет Фридриха Мудрого» выдающегося немецкого живописца XVI века Лукаса Кранаха Младшего. Передавая эти полотна

в контору «Антиквариата», сотрудники Эрмитажа оценили их в 315 тысяч рублей. Но будут ли они проданы, да еще и за такую цену, не знал никто.

Тогда же, зимой 1928—1929 года, приобрели новый характер отношения с Гульбенкяном. Сначала с нефтяным магнатом встретился глава «Антиквариата» Гинзбург, объезжавший страны Европы для изучения на месте конъюнктуры рынка старины, — они обговорили общие условия возможных сделок. Затем конкретные переговоры повел Биренцвейг, начальник экспортного отдела советского торгпредства в Париже.

Первые приобретения Гульбенкяна выглядели заурядными — просто подборка произведений французского прикладного искусства второй половины XVIII века: золотая и серебряная посуда, всего 24 предмета, две картины весьма популярного в свое время пейзажиста Юбера Робера, изящный письменный столик работы известнейшего мебельного мастера Жана Анри Ризенера.

Лишь в последний момент к покупке присоединили совсем иную по классу картину. Хотя она и не входила в число пресловутых восемнадцати, но все же ее упомянули в том же списке — как дополнение, простое пожелание. Вот это был уже воистину шедевр мирового значения — «Благовещение» нидерландского художника XV века Дирка Боутса, причем не из хранилища Госфондов, не из запасников, а из постоянной экспозиции Эрмитажа.

И все за каких-то 54 тысячи фунтов стерлингов, чуть более полумиллиона рублей. Цена была очевидно и откровенно заниженной.

Откуда же проистекало такое безудержное желание ублажить главу «Теркиш петролеум»?

О том знали и в Кремле, и в Наркомторге.

Еще 21 июня 1928 года, получив из Парижа информацию Пятакова о его контактах с Гульбенкяном, Политбюро немедленно отреагировало, приняв реше-

ние с предельно ясным, понятным названием — «О реализации нефти»:

«1. Поручить т. Пятакову сообщить Гульбенкяну, что правительство СССР не имело возможности ознакомиться с проектом организации специального общества по реализации советских нефтепродуктов за неимением точных предложений со стороны Гульбенкяна, но что в принципе правительством СССР никогда не отрицалась возможность соглашения с частными фирмами. По получении этих сведений вопрос будет окончательно рассмотрен.

2. Разрешить т. Пятакову вести переговоры с Гульбенкяном на условиях максимального обеспечения наших интересов (долгосрочный заем, точные гарантии наших интересов и нашего влияния на весь ход предприятия и т.д.), регулярно информируя Москву»⁹⁶.

Пятаков, назначенный председателем правления Госбанка СССР, вернулся в Москву месяц спустя, и это прервало многообещающие переговоры, выработку соглашения, в котором страна была столь заинтересована.

Советский Союз стремился продавать не только серебряную посуду и мебель, картины и табакерки. Более значимым должен был стать расширяющийся объем экспорта бензина и керосина, мазутного топлива. В Баку и Грозном добыча нефти постоянно и неуклонно росла. Росла и ее переработка, явно превышавшая внутренние потребности: ведь в Советском Союзе, в отличие от развитых стран Европы и особенно США, было не очень много автомобилей и морских судов, самолетов и тракторов. Потому-то и требовалось пока не топливо, а валюта — для строительства заводов в соответствии с пятилетним планом.

Необходимо было продавать, продавать, продавать нефть на мировом рынке, давно уже поделенном между крупнейшими компаниями.

Соглашение с Гульбенкяном и давало возможность вклиниться туда под чужим флагом, увеличив хотя бы таким образом экспорт нефтепродуктов. Но сам Гульбенкян почти ничего от этого не выигрывал — разве что проценты... И потому он медлил, составив список из восемнадцати картин, которые очень хотел приобрести. Гульбенкян предлагал торгпредству совсем не то, что ожидали от него.

17 января 1929 года Биренцвейг сообщил Пятакову:

«Из разговора с «Г» (в целях соблюдения коммерческой тайны в переписке фамилия Гульбенкяна сокращалась до первой буквы. — Ю.Ж.) вытекало, что во время многократных Ваших встреч с ним шла речь о привлечении его, «Г», а также целого ряда крупных финансовых кругов для проведения финансовых операций крупного масштаба и также об инвестиции капиталов в нашу промышленность, причем «Г» выразил согласие принять при осуществлении этих операций самое активное участие. По его словам, речь шла о финансировании нашей крупной промышленности и о займах. Для того, чтобы очистить путь для этих крупных операций, он предложил в первую очередь поставить вопрос о привлечении международного финансового капитала к нашим нефтяным операциям, считая, что вопрос участия финансового капитала в нефтяной промышленности был бы удобным предложением для создания такого объединения банков. Во всем разговоре со мной он неоднократно возвращался к тому, что его интересовали и интересуют лишь вышеуказанные крупные операции и что только в такой плоскости он будто бы вел переговоры с Вами.

Для проведения планов, о которых он с Вами говорил, «Г» вел переговоры с крупными представителями банковского мира, с некоторыми из них (доктор Мельхиор) Вы лично тоже встречались.

Для проведения финансовых операций такого масштаба «Г» заручился согласием банков: шведского,

швейцарского, голландского, американского, английского (роль этих последних незначительна) и германских (Варбурга, Данатбанка, Хагена и других). На предложение «Г» обратиться в Дойче банк Вы выразили опасения, что вряд ли этот банк согласится ввиду недружелюбного отношения к нам доктора Бона, и что в таком случае возможно, что этот банк будет мешать нашей работе. «Г» был другого мнения и вел переговоры с доктором Боном, и хотя последний был мнения, что с нами трудно работать, что мы постоянно меняем наши предложения, что нельзя добиться от нас конкретных результатов, однако, при участии в этом деле «Г», он, доктор Бон, готов вопрос участия Дойче банка подвергнуть обсуждению со стороны Вассермана и других главных директоров. В результате этого обсуждения доктор Бон сообщил, что Вассерман согласился принять участие в этом деле, что Дойче банк отклонил предложение Детердинга, направленное против нас, что, принимая во внимание роль Дойче банка, несмотря на позднее присоединение его к этой операции, этот банк просит «Г» предоставить ему руководящую роль среди германской группы банкиров в этой операции...

«Г», развивая дальше свою мысль, говорил, что таким образом построенная им схема имела шансы на успех. Удельный вес каждого из банков и международный характер такого объединения должны были вызвать определенное отношение к нам со стороны правительств отдельных государств. С другой стороны, участие «Г» в этом деле, его отношение к нам могли, по его мнению, служить нам гарантией того, что все элементы политики будут исключены. Создав такое объединение, «Г» имел в виду крупные операции, и здесь привожу точные слова «Г»: если бы речь шла о железнодорожном займе или другой операции такого масштаба, то это удалось бы провести.

Но, говорит «Г», нельзя было начать сразу с таких больших операций и поэтому переговоры о ней

и предполагаемое соглашение по этому поводу должно было служить предлогом к созданию такого объединения. Однако полученное от Вас предложение о нефти его не удовлетворяет. «Г» утверждает, что он Вас понимает, читая между строк Вашего письма слово «займ». Ваш ответ он считает неудовлетворительным, ибо такие маленькие (нефтяные) дела его не интересуют и он сожалеет, что большое дело не движется вперед»⁹⁷.

Отчет Биренцвейга о безрезультатных переговорах с Гульбенкяном датирован 17 января. Акт о выделении из собрания Эрмитажа картины Дирка Боутса «Благовещение» подписан 29 марта. Своего Наркомторг добился очень быстро, опираясь на поддержку всего лишь новой комиссии по отбору и реализации антикварных ценностей, образованной 1 марта при Совнаркомом СССР. Председателем ее стало самое заинтересованное лицо — Хинчук, заместитель наркома внешней и внутренней торговли, отвечавший за все без исключения экспортные и импортные операции страны.

Новая метла старалась мести очень чисто.

Уже 20 марта, сразу же после образования правительственной комиссии, Хинчук потребовал решительно увеличить изъятия для художественного экспорта и среди прочего предоставить не менее двух тысяч картин — в основном из Эрмитажа.

Осуществлять очередную акцию поручили также заново сформированной региональной комиссии — по проверке (!) и выделению запасов антикварных ценностей из ленинградских музеев. Председателем ее утвердили молодого искусствоведа С. К. Исакова, видимо более управляемого, нежели С. Н. Тройницкий. Ведомства же, не имевшие ни малейшего отношения к науке, представляли: Наркомторг — Богнар, Наркомфин — Зорин, ОГПУ сразу трое — Айзенштадт, Еланский, Церницкий.

Благодаря настойчивости столь солидной и, на верное, страшной комиссии в «Антиквариат» начали

поступать сотни, тысячи предметов, которые предполагалось выгодно продать летом в Берлине. Серебряная и золотая посуда, сделанная ремесленниками Франции, Италии, Англии, Аугсбурга, Нюрнберга, Вены в XVI—XVII веках. Фарфор мейсенский, гарднеровский, севрский. Западноевропейское художественное оружие. Античные монеты и медали, большей частью золотые. Древнегреческие и римские вазы. Мебель и бронза, гравюры и табакерки... Словом, все то, чем столь богат был Эрмитаж.

Поступали и картины, очень разные: ценные, малоценные и даже просто копии известных работ когда-то популярных мастеров. В том числе прекрасные холсты художников голландской, фламандской, английской и французской школ: «Головка девочки» и «Девушка с барашком», «Греза» Жана Батиста, «Крепость на берегу моря» и «Школа обезьян» Тенирса, «Собаки и кошки» Снайдерса, «Возвращение блудного сына» Пуссена, «Иисус среди книжников» Джорджоне, «Несс и Деянира» Ван Лоо, «Купальщицы» Ланкре... И еще 120 картин из известного в России собрания великого отечественного географа П. П. Семенова-Тян-Шанского — так называемых малых голландцев.

Сотрудники Эрмитажа возражали, протестовали. Тройницкий 24 апреля направил сразу две докладных записки новому директору П. И. Кларку. Профессиональный революционер, старый большевик Павел Иванович Кларк часто вспоминал об участии в революции 1905 года, когда его приговорили к смертной казни; о жизни за рубежом, в эмиграции, где он продолжал свою деятельность и был выслан как «нежелательный иностранец»; о гражданской войне в Сибири, где боролся с интервентами под псевдонимом «П. Грей» — о многом ином, но никак не о какой-либо причастности к музейной работе вплоть до его назначения в Эрмитаж.

«Уведомившись о распоряжении срочно передать в Госторг две с лишним тысячи картин, предназ-

наченных к выделению для экспорта комиссией т. Исакова, считаю своим долгом... возражать против этого распоряжения, могущего иметь вредные для государства последствия по следующим причинам.

1. Работа по расслоению запасов Картинной галереи Гос. Эрмитажа происходила в условиях не только не гарантирующих интересы музея, но, напротив, обеспечивающих нарушение этих интересов в отношении переустройства всей экспозиции на новых основаниях...

3. Срочная передача такого огромного количества картин ленинградской конторе «Антиквариата» является нецелесообразной и потому, что там не имеется достаточного помещения для безопасного хранения всего этого колоссального материала и что в запасах конторы находятся и без того несколько сот картин, совершенно непроработанных и неоцененных. Следовательно, подлежащие передаче картины будут очень долгое время лежать в условиях худших, чем в Эрмитаже, и без всякой проработки, особенно ввиду отъезда за границу двух членов экспертно-оценочной комиссии.

4. Кроме того, означенные картины уйдут из Эрмитажа без соблюдения основных условий Эрмитажа: просмотра их внутренней комиссией Эрмитажа и составления оценочных актов.

Ввиду всего нижеизложенного считаю срочность передачи не только необоснованной, но и грозящей нанесением прямого ущерба интересам государства, о чем и считаю своим долгом довести до Вашего сведения.

С. Тройницкий 24.17.29»⁹⁸.

Вторая докладная касалась уже не картин, а произведений прикладного искусства, вверенных Тройницкому как заведующему отделением Эрмитажа:

«...Поскольку ни один из членов комиссии не только не может судить о необходимости того или другого предмета для нужд Эрмитажа, но и не облада-

ет знаниями, необходимыми для квалификации подлежащих осмотру предметов и определения их во времени и пространстве, я являюсь, по существу, единственным экспертом в этом вопросе, и, следовательно, присутствие при работе от 2—5 членов комиссии, из которых один ведет под мою диктовку запись, является непроизводительной тратой рабочего времени...

Необходимость в срочности работ комиссии т. Исакова опровергается еще тем обстоятельством, что до настоящего времени Эрмитажем выделено антикварных ценностей на сумму свыше 2 миллионов рублей, а за четырнадцать месяцев, прошедших с начала выделения, реализовано органами Госторга на сумму, не достигающую и 400.000 рублей. Следовательно, для реализации на ближайшее время имеется товара на значительную сумму, считая только выделенный Эрмитажем материал.

Ввиду всего вышеизложенного позволяю себе утверждать, что работа комиссии т. Исакова, нарушая музейную работу Эрмитажа и не гарантируя соблюдения его интересов, не может иметь и реальных положительных результатов для дела экспорта антикварных ценностей»⁹⁹.

А за три недели до того, 1 апреля, схожий по смыслу рапорт направил Кларку и заведующий картинной галереей Эрмитажа, весьма уважаемый искусствовед Д. А. Шмидт. Правда, его протест порожден был не деятельностью комиссии Исакова, а более отдаленным по времени событием — «списком Гутьбенкяна».

«Слава эрмитажной Картинной галереи, — писал Шмидт, — как общеизвестно, определяется наличием в ней огромного числа самых выдающихся произведений эпохи расцвета всех школ (за исключением немецкой). По части голландской школы Эрмитажная галерея безусловно стоит на первом месте среди всех художественных хранилищ мира благодаря большому числу картин первейших мастеров и количеству

шедевров среди них. Касательно Рембрандта собрание, состоящее из 39-ти достоверных произведений великого мастера и дающее полную, исчерпывающую и всестороннюю картину всего его многогранного творчества, является в своем роде феноменом... Какие-либо изъяты отдельных картин разрушили бы имеющуюся только в Эрмитаже полную картину эволюции Рембрандта, обесценили бы в значительной мере остальное собрание голландских картин и нанесли бы вред значению Эрмитажа в целом, так и его Картинной галереи в частности...

Если, далее, обратить внимание на возможность реализации изъятых картин, то не следует увлекаться весьма крупными суммами, предлагаемыми в отдельных случаях американскими коллекционерами за картины Рембранда. Каждая такая сделка обусловлена индивидуально особыми условиями спроса, и курсирующие цифры в очень редких случаях поддаются контролю. При этом эти сделки по американскому обычаю заключаются всегда при помощи крупных антикваров, которые в случае появления на международном рынке эрмитажных «Рембрандтов», конечно, начнут игру на понижение. Это по законам рынка легко объяснимо, ибо емкость рынка для художественных произведений такого ранга и такой ценности, наконец, такого неслыханно знатного происхождения, как эрмитажные «Рембрандты», должна оказаться весьма ограниченной. Поэтому возможно утверждать, что реализация и ограниченного числа эрмитажных «Рембрандтов» заняла бы очень продолжительный промежуток времени...

Почти все изложенные выше соображения имеют силу и относительно произведений других величайших мастеров мирового искусства, представленных в Картинной галерее Эрмитажа более или менее полно, хотя и не так широко, как Рембрандт. Например, Рубенс, Ван Дейк, Мурильо, Тициан, Пуссен, Ватто, Терборх, Брауер...

Появление каждой картины одного из этих первейших мастеров мировой живописи за пределами СССР будет принято за сигнал распродажи эрмитажных сокровищ вообще. Помимо губительного влияния такого мнимого сигнала на все операции по реализации художественных ценностей, он послужит источником разных кривотолков о якобы изменении курса культурной политики советского правительства, которому до сих пор всем миром ставилось в заслугу сохранение Эрмитажа в целостности и неприкосновенности»¹⁰⁰.

Все оказалось напрасным: ни одно из трех посланий специалистов не возымело действия. Не отреагировал Кларк, сделали вид, что так и не получили копий этих серьезнейших предупреждений уполномоченный Наркомпроса и Главнауки Позерн и его заместитель В. Лиэ.

Нет, никак не могли настойчивые, убедительные предупреждения об опасности столь непрофессиональных и бесцеремонных изъятий художественных ценностей повлиять на позицию Наркомпроса, тем более — Наркомторга. Ведь приближался очередной берлинский аукцион, а от успешной продажи на нем уже бывших экспонатов советских музеев напрямую зависела судьба всех тех, кто так опрометчиво пообещал стране 30 миллионов рублей в валюте.

Неменьшую роль играло и еще одно обстоятельство.

23 апреля в Москве открылась XVI партконференция, на которой предстояло подтвердить идею индустриализации, избрав один из двух вариантов пятилетнего плана. Сам план еще не был опубликован, причем вполне преднамеренно: чтобы не напугать своей грандиозностью, не породить даже сомнения в возможности его выполнения за пять лет.

Как и съезд четыре месяца назад, конференция началась с доклада А. Рыкова. На этот раз глава правительства практически не сказал ничего нового:

лишь повторил уже многократно растиражированное прессой положение об увеличении выплавки чугуна в три раза, добычи угля; о заводах и комбинатах, которые необходимо возвести для того, чтобы «превратить нашу страну из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную»¹⁰¹. Подчеркнув, что лично он за оптимальный, то есть максимальный план, Рыков покончил с проблемой выбора и перешел к иным вопросам.

Он напомнил делегатам о тяжелом положении, сложившемся в сельском хозяйстве. Прогнозируемый сбор зерновых в текущем, 1929 году должен был дать 73,3 миллиона тонн, в то время как в 1913 году удалось собрать 96,6 миллиона. Объяснил Рыков и причину такого спада: посевные площади ныне значительно меньше, нежели до войны. Следовательно, к концу пятилетия необходимо их значительно увеличить, сделав ставку не на мелкие индивидуальные хозяйства, а на зерновые совхозы. Все это, вкупе с той техникой, которую даст выполнение плана, внедрение агротехники, широкое применение удобрений позволит поднять аграрный сектор.

Ту же тему два дня спустя продолжил в своем докладе М. И. Калинин. Член Политбюро, председатель Президиума ЦИК СССР остановился на том, что три четверти хлеба дают бедняцкие и середняцкие хозяйства, но их товарность (то есть производство не только для собственных потребностей и на семена, но и на продажу) упала за последнее время в три раза. Связано такое положение с измельчением, усиливающейся раздробленностью хозяйств. Спасти их, заявил Калинин, может только укрупнение на кооперативных началах к концу все той же пятилетки. А потому сейчас необходимо значительно понизить налоги, взимаемые с середняков, помочь им хотя бы этим.

Об индустриализации, о сельском хозяйстве на конференции говорили многие. Но только В. В. Куйбышев в содокладе о пятилетнем плане сказал нечто

новое — даже по сравнению с тем, о чем сам же сообщил на съезде. Он резко раскритиковал, решительно осудил тех экономистов, которые успели выразить сомнения в возможности осуществления плана, в реальность обеспечения нужных темпов.

Так впервые было произнесено слово — темпы, которое очень скоро станет главным, решающим и в работе миллионов людей, и в пропаганде.

Ну а то, что, собственно, и следовало обсуждать и обосновывать на конференции — выбор одного из двух вариантов пятилетнего плана, — незаметно утонуло в деталях: в разговорах о том, где именно следует возводить тот или иной завод, гидростанцию, металлургический комбинат, как надежнее и выгоднее связать их транспортными артериями.

Не вспомнил никто и о том, каковы же будут источники финансирования оптимального плана индустриализации, где взять необходимые для того 64,6 миллиарда рублей? Правда, А. П. Серебровский — председатель правления треста «Союззолото» и член коллегии Наркомфина рассказал об огромных запасах золота и платины, о росте их добычи из года в год. Он внушал мысль, что расплачиваться за заводы и комбинаты, за оборудование и строительную технику, за многое иное можно будет продукцией его треста, которой хватит на все.

В самый последний день работы конференция хотя и осудила «правую» группу Бухарина, «правый уклон» в партии, но продемонстрировала то же самое, что и съезд: план «левых» будет претворяться в жизнь так, как предлагают «правые» — не затрагивая интересов крестьянства, разве что усилив налоговое давление, причем только на кулаков.

...Пять недель спустя, 4 июня, фирма «Рудольф Лепке» открыла в самом центре Берлина свой второй аукцион вещей из советских музеев. На этот раз ни накануне, ни в ходе торгов не возникало досадных инцидентов, так омрачивших ноябрьский аукцион. Еще

в конце мая городской суд вынес поистине сомоново решение по делу некоего князя Дабиша, претендовавшего на некоторые предметы прошлой распродажи: раз спорные произведения искусства национализированы были в Советской России, то и определить законность такой акции должен только советский суд...

В первый день на продажу выставили 109 картин, главным образом из Эрмитажа. В зале собралось немало серьезных коллекционеров, антикваров-перекупщиков, просто любителей. Каждый из них мечтал стать обладателем того, что уже присмотрел для себя в каталоге — разумеется, в зависимости от толщины бумажника или величины счета в банке.

Гвоздем аукциона загодя стала картина Лоренцо Лотто «Портрет супругов». Приобрести ее захотели несколько собирателей из Франции, ради того и приехавших в Берлин. Однако стартовая цена — 310 тысяч марок — оказалась слишком высокой для всех, заставив снять лот и возвратить его «владельцу» — «Антиквариату».

Зато очень быстро ушли «Голова старика» Рембрандта — за 138 тысяч марок, «Портрет старика» кисти голландского живописца Иоса ван Клеве — за 100 тысяч. Однако остальные холсты продали по довольно низким ценам: «Портрет Фридриха Мудрого» Кранаха — всего за 28,5 тысяч, «Святого Иеронима» Тициана — за 26 тысяч, а его же «Мадонну с младенцем» — за 25 тысяч. Примерно такой же — от 16 до 25 тысяч — оказалась и окончательная цена полотен Морони, Кантарини, Бордоне, Бассано, Робера, Каналетто, Верне.

Всего распродажа картин дала Советскому Союзу лишь 1,255 миллиона марок, или примерно 500 тысяч золотых рублей. Мало того, два холста — упомянутый «Портрет супругов» Лотто и «Положение во гроб» Рубенса — пришлось везти назад в Ленинград, оплатив берлинской фирме за выставление их на аукционе.

Второй, и последний, день аукциона «Рудольф Лепке» оказался не столь успешным. Обычно быстро расхोdivшиеся произведения прикладного искусства, мелкая пластика на этот раз почему-то не пользовались спросом. А ведь выставлялись довольно дешевые, но вместе с тем и привлекательные для настоящих любителей вещи, в основном в стиле рококо, из дворцов и особняков Петербурга и его пригородов.

Парные канделябры, настольные и каминные часы самых известных английских мастеров, изысканная мебель французских краснодеревщиков — столики, комоды, секретеры. Среди последних лишь один мгновенно нашел покупателя, причем почти за 40 тысяч марок — скорее всего потому, что принадлежал когда-то императору Павлу I.

В целом же большая берлинская распродажа не оправдала надежд внешторговцев, не только не принесла вожаделенной прибыли, но и неожиданно обернулась сплошными убытками. «Антиквариат» оказался должником фирмы «Рудольф Лепке», ибо полученный от нее осенью минувшего года аванс перекрыть не удалось: отрицательное сальдо составило огромную сумму — 300 тысяч рублей. И это при обещанных государству 30 миллионах...

Более успешным стал проходивший в те же дни аукцион в Лондоне, организованный самой известной и самой респектабельной в мире фирмой «Кристис». В ее собственном здании на Сент-Джеймс-стрит выставили вещи из переставшего существовать дворца-музея Палей в Царском Селе — того самого, куда всего год назад мечтали попасть заезжие антиквары.

Ольга Валериановна Карнович, в первом браке Пистолькоре, во втором, морганатическом браке с великим князем Павлом Александровичем обрела титул княгини Палей, но лишилась родины. Николай II выслал супругов из страны, и им пришлось несколько лет прожить в своеобразном изгнании под Парижем. Там Палей и начала собирать впоследствии ставшую

великолепной коллекцию произведений искусства. Когда же император позволил им с мужем вернуться в Россию, она не захотела заводить обычный дом. Затратив огромные средства, княгиня создала нечто совсем иное.

Руководствуясь лишь своим вкусом и пристрастиями, О. Палей целеустремленно продолжала собирать ставшую строго продуманной коллекцию. Единство и законченность господствовали во всем: в самом облике дворца, построенного в 1910—1914 годах по проекту архитектора Шмидта в стиле Луи XVI, в интерьерах, где все было продумано и подобрано в редком единстве — от обшивки стен до дверных ручек, ваз, картин и мебели. Каждый зал запечатлевал один из стилей давно ушедшей эпохи — от Луи XVI до ампира, в целом напоминая столь полюбившийся княгине Версаль.

И вот все это вывезено из дворца, переправлено в Лондон, внесено в каталог: очаровательные женские головки кисти и карандаша Буше, Натъе, Грёза; три романтических пейзажа Робера; мужской портрет Пероно; натюрморт Шардена; миниатюры Гварди; городской пейзаж Белотто; портреты работы Лоуренса и Доу; мебель французских мастеров XVIII — начала XIX век; бронза, хрусталь, фарфор...

Собрание Палей работники «Антиквариата» дополнили на аукционе «Кристис» множеством вещей из других особняков Царского Села — Кочубея, Вавельберга, Остен-Сакена, Стенбок-Фермора, Куриса, Ридигер-Беляева, Мальцева, Серебряковой. Всем тем, что сотрудники Петроградского музейного отдела спасли в разгромленных, оскверненных солдатами Юденича зданиях.

Внешторговцы надеялись получить от лондонской распродажи значительные суммы, которые бы позволили компенсировать недобор в Берлине, — и вновь просчитались. Аукцион «Кристис» дал лишь 48 тысяч фунтов стерлингов (480 тысяч рублей) —

опять же из-за того, что далеко не все удалось продать. Вернулись в Советский Союз 36 голубых китайских вазы XVI—XVII веков, восхитительное полотно Жана Батиста Шардена «Атрибуты искусства» и многое другое.

Для ленинградских музеев возвращение вещей из Берлина и Лондона означало праздник; для Наркомторга — страшное поражение.

Не качество, так количество

Катастрофическое положение с экспортом антиквариата, ставшее очевидным летом 1929 года, несомненный провал расчетов получить до 1 октября 30 миллионов заставили внешторговцев срочно изменить стиль и методы работы. Кроме того, требовалось найти союзников, лучше всего — из какой-либо сверх-солидной организации.

Помощь пришла из Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, имевшего, в соответствии с конституцией, всеобъемлющие права контроля за деятельностью всех остальных исполнительных органов страны. И контроль этот был весьма жестким — неподчинение его беспрекословным требованиям автоматически вело к исключению из партии членов ВКП(б), снятию с должности беспартийных и передаче дела в суд по представлению инспектора наркомата.

11 июля 1929 года коллегия НК РКИ среди прочих заслушала вопрос: «О результатах обследования деятельности центральной и ленинградской комиссий по учету и реализации госфондов немусейного значения при Главнауке Наркомпроса РСФСР» — и постановила:

«1. Установить, что вследствие совершенно неудовлетворительного руководства Главнауки Наркомпроса РСФСР и ее органов работой по выделению из музеев ценностей немусейного значения и их

реализации, как в Ленинграде, так и в Москве — выделение немусейных фондов не закончено до сих пор, а реализация их дала ничтожные результаты (за 4 года 1,562 тысячи рублей, или 50 % выделенного имущества) и была проведена с рядом крупных дефектов, а именно:

а) Деятельность центральной комиссии госфондов при Главнауке Наркомпроса РСФСР за 4 года не дала никаких результатов; комиссия являлась совершенно лишней, бюрократической надстройкой, на содержание которой непроизводительно тратились государственные средства, размер которых, благодаря хаотическому состоянию отчетности и расходованию средств на другие нужды Наркомпроса, установить невозможно.

б) Деятельность комиссии госфондов при уполномоченных Наркомпроса РСФСР в Ленинграде проходила беспланово, при отсутствии расходной сметы; реализация переданного ей имущества приняла крайне затяжной характер, превысив установленные уполномоченным Наркомпроса, РКИ и губернским Экономическим совещанием сроки на 3 года; отпуск вещей в кредит частным лицам без тщательной проверки их кредитоспособности создали огромную сомнительную к получению задолженность (составив на 1.3.29 117.000 рублей, или 7,595 суммы реализации за три года); разбухшие штаты (40 сотрудников) превысили утвержденные (18 штатных единиц) на 130%, отчетность была запутана.

2. Принимая во внимание, что реализация фондов немусейного значения, выделяемых из музеев, может быть осуществлена особыми частями при Наркомфине РСФСР и его органах, на которые возложена реализация государственных фондов, признать дальнейшее существование центральной комиссии госфондов при Главнауке Наркомпроса РСФСР и комиссии госфондов при уполномоченном Наркомпроса в Ленинграде нецелесообразным».

Таким образом специалисты-искусствоведы в одночасье оказались отрешенными от какого бы то ни было дальнейшего участия в выделении части музейного имущества для продажи. Вернее, для экспорта, для получения столь необходимой для индустриализации страны валюты.

Однако пока у Наркомторга не были развязаны руки в деле отбора произведений искусства для экспорта. Коллегия Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, следуя букве закона, решила иначе:

«1. Возложить учет и реализацию фондов немужейного значения на особую часть по госфондам при Наркомфине РСФСР и его местных органов, выработав в месячный срок подробную инструкцию о порядке этой работы.

2. Принимая во внимание, что среди имущества немужейного значения при выделении такового из музеев для продажи, встречаются вещи, имеющие музейное и экспортное значение (например, выделенная аукционному залу в «Праге» картина художника Левицкого, проданная за два рубля, пошла на аукцион в Германию в оценке в 5 тысяч рублей и т. д.), обратить особое внимание на выделение, экспертизу и оценку выделяемого имущества, предъявляя его конторе «Антиквариата» для отбора более ценных вещей, имеющих экспортное значение».¹⁰²

Любопытно, что для подтверждения голословных, взятых с потолка обвинений Главнауки коллегия Наркомата рабоче-крестьянской инспекции использовала все ту же фальшивку, запущенную «Рабочей газетой», иных аргументов просто не нашлось.

Не довольствуясь тем и почувствовав себя обойденным, Управление заграничных операций (УЗО) Наркомторга поспешило взять инициативу в собственные руки. 12 августа оно направило во все госторги (республиканские органы Наркомторга) «Номенклатуру экспортных товаров», определявшую, что вывозу за рубеж, продаже там отныне подлежит все то,

что еще год назад находилось под эгидой государства:

«1. Картины иностранных мастеров старых и новых: а) масло на холсте, на дереве, на меди и пр.; б) акварель, гуашь, пастель; в) миниатюры на слоновой кости и пергаменте.

2. Рисунки старых и новых иностранных мастеров.

3. Гравюры и литографии иностранных мастеров, старых и новых.

4. Скульптуры иностранных мастеров, старых и новых.

5. Мебель иностранная до 1825 года, а также русская до 18 века включительно.

6. Фарфор, фаянс, стекло всех стран до 1850 года. Бисерные вышивки.

7. Ковры шпалерные русские, фламандские; французские гобелены, обюссоны и т. д., старые и новые (за исключением машинной работы).

8. Ткани. Художественные вышивки до первой половины 19 века, парча разного рода всех времен, включая 20 век. Старинные венецианские и др., бархат, разного рода старинные обивки для мебели и проч., старинные костюмы. Кружева старинные иностранные до начала 19 века.

9. Бронза. Изделия темной и золоченой бронзы как то: люстры, канделябры, подсвечники, вазы до первой четверти 19 века французские и других европейских стран, восточные и русские.

10. Часы. Английские каминные, настольные и стенные до 18 века включительно. Французские каминные и стенные 18 и первой четверти 19 веков. Производства других стран 17 и 18 веков.

11. Оружие: европейское и восточное до середины 19 века.

12. Изделия из благородных металлов: а) табакерки золотые и серебряные до середины 19 века; б) серебро старинное (до середины 19 века) западных стран, русское и восточное (кружки, кубки, канделябры, подсвечники и пр.).

13. Предметы прикладного искусства из разных металлов, твердый камень, малахит, нейрит, горный хрусталь и др., слоновая кость, папье-маше и прочее до середины 19 века.

14. Иконы: от домонгольского периода до настоящего времени.

15. Ебраистика: светильники, книги и т. д.

16. Церковная утварь 17 и 18 веков и до середины 19 века.

17. Книги: иностранные антикварные художественные до 1890 года. Рукописи на всех языках, автографы исторических лиц, деятелей искусства, науки и литературы. Рукописные старинные книги западные и восточные»¹⁰³.

Отныне только это и являлось антиквариатом — в Европе и США.

Но и Наркомфин не желал сдаваться. 24 августа от своего и Наркомпроса имени он направил во все края, области и автономные республики циркуляр «О порядке выявления учета и реализации госфондов немусейного значения», в котором, сославшись на постановление коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, потребовал:

«Немедленно по получении сего образовать комиссии для срочного проведения работ по выявлению всех фондов немусейного значения в составе следующих представителей: в Москве — Главнауки, Московского отдела народного образования, особой части по госфондам Наркомфина и обследуемого музея; в Ленинграде — управления уполномоченного Наркомпроса, Ленинградского отдела народного образования, особой части по госфондам областного финотдела и обследуемого музея; в остальных городах — отдела народного образования, местных особых частей и обследуемого музея.

Работа означенных комиссий должна быть закончена в Москве и Ленинграде в течение четырех месяцев, в остальных городах в месячный срок»¹⁰⁴.

Об этом сразу же узнали в Наркомторге и отлично поняли, что в конечном счете получают все изъятое из музеев новыми совместными комиссиями двух ведомств — но только отдав определенный процент от стоимости вещей и тем самым несколько потеряв в собственных доходах. А потому Наркомторг не стал больше думать о каком-либо юридическом обосновании своих дальнейших действий.

Документы свидетельствуют: с 1 января по 7 июня 1929 года «Антиквариат» сумел получить только из Эрмитажа 1221 предмет для экспорта. После же провала берлинского и лондонского аукционов, всего за семь недель, из того же Эрмитажа получен 5521 предмет: за 19 дней июня — 2504 и за июль — 3017, то есть больше, за весь предыдущий год.

Среди этих вещей имелось все, что можно было продать по «Номенклатуре».

Восточные ковры и европейское серебро XV—XVII веков работы мастеров Данцига, Бреслау, Кенигсберга. Старинные ювелирные изделия. Гравюры. Табакерки. Более полутора тысяч миниатюр — портреты Александра I и Николая I, героев Отечественной войны 1812 года, копии известнейших работ таких великих мастеров, как Рафаэль, Тициан, Фрагонар, Гвидо Рени...

И, разумеется, более двухсот картин. Разных и по художественной значимости, и по возможной цене. «Купальщицы» Ланкре и «Стадо у ручья» Веникса, «Браво» Беккера и «Канун праздника в Риме» Ахенбаха, «Скачущая лошадь» и «Тайная вечеря» Ван Дейка, «Вознесение Марии» Рубенса, «Избиение младенцев» Джорджоне, «Портрет дожа» Тинторетто, «Вид Палаццо дожей» и «Палаццо Лабиа» Каналетто. Работы Виже-Лебрена, Лампи, Берне, Грёза, Панини, ван Ховена, Лоррена и многих, очень многих иных.

Изъятия опустошили не только Эрмитаж. Пострадали и другие музеи Ленинграда, его окрестностей, затронули Киев.

Еще летом 1928 года внешторговцы заинтересовались экспозициями, хранилищами Музея искусств Украинской академии наук и музея-заповедника Киево-Печерская лавра. Присматривали, облюбовывали, но не торопились с изъятиями. Срок настал в августе 1929 года. Именно тогда замнаркома просвещения УССР Полоцкий и начальник киевской конторы Госторга УССР А. И. Шишин подписали договор о передаче для экспорта «Антиквариату» уникальнейших, бесценных для республиканских собраний произведений искусства и старины.

Вот что уходило из Киева за рубеж:

«Рождество Христово» — примитив фламандской школы, датированный XV веком; произведения неизвестных мастеров нидерландской школы, созданные в XV веке, — «Плач родителей над телом Авеля» и «Плач Иакова над окровавленной туникой Иосифа»; триптих фламандского мастера XVI века Ван Орлея «Мадонна с Варварой и Екатериной»; диптих великого немецкого художника Лукаса Кранаха Старшего «Адам и Ева»; «Вавилонская башня» — работа представителя фламандской школы XVI века Фергахта; французский гобелен «Поклонение волхвов», сотканный в 1512 году, и более поздние произведения: «Цвет» Пьяцетти, «Амур, натягивающий лук» Натуара, «Портрет женщины» Крафта, два пейзажа Робера, «Портрет графа Головкина» (оказавшийся портретом последнего польского короля Станислава-Августа Понятовского) кисти Виже Лебрена.

Кроме того, в числе вещей, переходивших к «Антиквариату», оказались еще фламандский гобелен, две каменные вазы с бронзовыми вставками, серебряная чаша эпохи Сасанидов, сосуд в форме коровы из Персии XIII века, коллекция золотых вещей раннекиевского периода, найденных при раскопках.

Не забыли внешторговцы и о том, что внесено было ими в «Номенклатуру» под номером 15, «Евристика», то есть предметы, необходимые при совершении обрядов верующими иудеями.

Г. Л. Самуэли, весной 1929 года сменивший А. М. Гинзбурга на посту руководителя «Антиквариата», обратился за содействием к Пятакову как к председателю правления Госбанка СССР:

«По сообщению нашего представителя на Украине, в Тульчинском отделении Госбанка имеются десять серебряных синагогальных предметов 18 века, в том числе две короны тор – подарки графа Потоцкого. Тульчинское отделение Госбанка отказалось продать их. Так как означенные предметы имеют высокое экспортное значение, прошу дать телеграфное распоряжение отделению Госбанка в Тульчине о немедленной отправке их в Москву, в Ваш адрес, где и сможем их купить после осмотра по твердой цене»¹⁰⁵.

Пожелание «Антиквариата» Пятаков удовлетворил неожиданно быстро и в сверхожидаемом размере.

В сентябре Госторг УССР направил в Ленинград старинные предметы иудаистского культа, давно ставшие художественно-историческими памятниками, на сумму 150 тысяч рублей по оценке Внешторга. В том числе огромное количество — 1954 экземпляра — книг религиозного характера на древнееврейском языке: «Талмуд-Бавли», «Турим», «Рамбам», «Мишнаэс», «Медраш Раба», «Аверус», «Хумошин», «Хок-Лейзраиль» и иных.

Экспортный ажиотаж охватил Ленинград, Киев, отчасти Москву далеко не случайно. Из УЗО, из «Антиквариата» шли по почте, по телеграфу распоряжения, указания, требования, просьбы. Торопиться заставлял ультиматум, предъявленный директором «Кунстаукционхауз Рудольф Лепке» доктором Вольфенбергом. В самой категорической форме он потребовал от советской стороны немедленно и в полном размере погасить задолженность — 600 тысяч марок.

Сотрудники торгпредства СССР в Берлине отчаянно пытались любым способом, на каких угодно условиях оттянуть выплату на как можно более долгий срок. Только 30 сентября удалось достигнуть взаимо-

приемлемой договоренности. Наркомторг должен был не только удовлетворить все финансовые претензии «Рудольфа Лепке» до 31 марта 1930 года, но и забрать назад не проданные произведения искусства, находившиеся на складах аукционной фирмы.

Поначалу показалось — кризис миновал. Появился новый «товар», нашлись и новые покупатели. Предметы иудаистского культа удалось продать в Вене, при посредничестве фирмы «Глюгзелиг унд К^о». Правда, сумму получили весьма незначительную — 5700 австрийских шиллингов¹⁰⁶.

Зато другая венская торговая организация, «Хангенбунд», дала большую прибыль, легко найдя покупателей на 82 старинные русские иконки. Да еще Амторг сообщил, что нью-йоркский антиквар Нейдис довольно быстро сбыв первую партию произведений искусства, доставленных ему из Ленинграда.

Словом, все вроде бы складывалось вполне благоприятно.

Потребовалось только устранить возможное препятствие при ожидавшихся новых, огромных по размерам, изъятиях из музеев.

12 сентября постановлением ВЦИК наркома просвещения А. Луначарского освободили от занимаемой должности без каких-либо объяснений, хотя он и демонстрировал пока полное послушание, конформистски соглашаясь со всем, что бы ему ни предлагали сделать, — даже вопреки его собственным убеждениям, велению совести.

Но власть не была до конца уверена в его абсолютной управляемости. Действительно, что мешало Луначарскому, как когда-то, внезапно взбунтоваться, выступить вдруг в защиту памятников искусства и старины, в защиту музеев. Тем самым он нарушил бы и без того крайне неустойчивое равновесие в партии сил «правых» и «левых»; напомнил об альтернативном источнике финансирования индустриализации, предлагавшемся Преображенским, и о позиции

Троцкого, что могло бы способствовать возвращению того в столицу.

Предусмотреть следовало все. Потому-то новым наркомом просвещения РСФСР назначили Бубнова — человека, издавна, с начала 1924 года, открыто противостоявшего Троцкому.

Андрей Сергеевич Бубнов родился в 1887 году в Иваново-Вознесенске, учился в реальном училище и Московском сельскохозяйственном институте. С 16 лет в партии, неоднократно подвергался арестам, был приговорен к заключению и ссылке; побывал делегатом Стокгольмского и Лондонского съездов. В октябре 1917 года Бубнов входил в петроградский военнореволюционный комитет, во время гражданской войны боролся на Украине против немецких оккупантов и петлюровцев. В 1922—1923 годах Андрей Сергеевич заведовал агитпропом ЦК РКП(б), а с начала следующего года стал начальником Политуправления Красной армии и членом Реввоенсовета СССР.

Вслед за руководителем Наркомпроса сменили и начальника Главнауки. Вместо Лядова утвердили Лунпола, тридцатитрехлетнего юриста, остававшегося в этой должности два года, вплоть до окончательной, юридической ликвидации Главнауки. Потом настала очередь и уполномоченного Наркомпроса по Ленинграду Б. П. Позерна. Его, учителя по профессии, одного из создателей Наркомата просвещения, заменили, всего на несколько месяцев, никому не известным Сааковым, сразу же занявшимся ликвидацией.

Пока готовились и шли кадровые перестановки, изъятые за лето из музеев произведения искусства начали отправлять в Берлин.

3 сентября от причала Ленинградского торгового порта отошел пароход «Ковда». В его трюмах находился 31 ящик с 203 картинами немецких художников XIX века, работавших в России: Дефрегена, Вотье, Ахенбаха, Фольца, Кнауца, Хакерта, Петена, Кофена, Крюга, Веруша, Ковальского, Калаша, Маркса,

Лемана, Майера, фон Бремена, Крюкера. Пейзажи, жанровые картины, но большей частью портреты членов российского императорского дома, петербургской аристократии¹⁰⁷.

Груз был оценен «Антиквариатом» в значительную сумму — 82565 рублей, а экспертами «Рудольф Лепке» всего в 60 тысяч марок, или 30 тысяч рублей¹⁰⁸.

Следующим взял курс на Штеттин пароход «Саксен», увозя в Германию 45 ящиков с картинами и мебелью, совсем недавно — музейными экспонатами¹⁰⁹.

30 ноября отчалил пароход «Прейс». Его груз, отправленный «Антиквариатом», оказался рекордным и по объему, и по художественной значимости: полотна Тинторетто, Робера, Гварди, Рюисдаля, ван Гойена, Воувермана, Грёза, других замечательных живописцев, подписная мебель работы самых известных французских краснодеревщиков — Жакоба, Лардена, Миэкона, старинный фарфор Севрской, Мейсенской фабрик, отечественных мануфактур, бронза, всевозможные часы...¹¹⁰

Когда груз со всех трех судов доставили в Берлин, на склады советского торгпредства, могло показаться, что пора, вздохнув с облегчением, подвести итоги. Наконец-то «товара» набралось на 2,5 миллиона марок; на 800 тысяч — новых поступлений, на ту же сумму — ранее не ушедших на аукционе картин, еще на 600 тысяч — «скифского золота», бесценных образцов древнего искусства, долгие годы сберегавшихся в Эрмитаже и в Киеве.

Кроме того, имелось на 260 тысяч марок дублетных экземпляров гравюр старых европейских мастеров из собрания Эрмитажа. Но их, к радости сотрудников торгпредства, уже удалось продать за наличные деньги лейпцигской аукционной фирме «К. Г. Бёрнер».

Появлялась твердая уверенность в том, что к согласованному сроку рассчитаться с фирмой «Рудольф Лепке» безусловно удастся.

Но эта надежда оказалась призрачной.

Пока груз «Антиквариата» шел в Берлин, произошло непредвиденное. Два события, причудливо слившиеся во времени, решительно повлияли и на то только что подготовленный пятилетний план, и на сроки его выполнения и сделали слово «темпы» ключевым для страны на ближайшие годы.

Еще летом, 10 июля, произошел так называемый советско-китайский конфликт: вооруженное столкновение с милитаристской группой маршала Чжан Сюэяна, сына диктатора Маньчжурии Чжан Цзолина. Сын сохранил не только полную независимость от центрального правительства Китая, достигнутую покойным отцом, но и его патологическую ненависть к коммунистам, враждебность к Советскому Союзу.

Желая безраздельно господствовать в Северо-Восточном Китае, Чжан Сюэян организовал ничем не спровоцированный налет на советское консульство в Харбине, захватил Китайскую Восточную железную дорогу, принадлежавшую СССР. Одновременно его трехсоттысячная армия начала сосредотачиваться близ советской границы, создав непосредственную угрозу для Благовещенска и Хабаровска, для Транссибирской железной дороги.

И тут обнаружилось, что Красная армия слишком слаба для отпора даже слабо подготовленной, скверно вооруженной, недисциплинированной маньчжурской группировке. Потребовались время и огромные усилия, чтобы перебросить наиболее боеспособные дивизии из европейской части страны на Дальний Восток; сформировать из них Особую Дальневосточную армию (ОДВА), командующим которой назначили В. К. Блюхера, а комиссаром — А. С. Бубнова.

В середине октября ОДВА смогла начать боевые операции. Полтора месяца потребовалось для того, чтобы разгромить войска Чжан Сюэяна, восстановить мир и спокойствие на дальних рубежах.

Угроза позорного поражения заставила Политбюро в самом начале конфликта, 15 июля,

срочно обсудить оперативно подготовленные доклады Я. Э. Рудзутака, наркома по военным и морским делам К. Е. Ворошилова, отвечавшего в ВСНХ за военную промышленность И. П. Павлуновского. По этим докладам и было принято сверхсекретное (отпечатанное всего в пяти экземплярах) постановление ЦК «О состоянии обороны СССР».

Оно в преамбуле констатировало, что имеется «целый ряд крупных недостатков как в подготовке Красной армии; так и всего народного хозяйства к обороне:

а) техническая база вооруженных сил все еще очень слаба и далеко отстает от техники современных буржуазных армий;

б) материальное обеспечение мобилизуемой армии по действующему мобилизационному плану все еще далеко не удовлетворительно;

в) материальные резервы обороны (импортные и внутренние) совершенно недостаточны;

г) подготовка всей промышленности, в том числе военной, к выполнению требований вооруженного фронта совершенно неудовлетворительна»¹¹¹.

Постановление категорически потребовало от ВСНХ добиться в ходе выполнения пятилетнего плана, чтобы Красная армия обязательно получила 3,5 тысячи самых современных самолетов, 4-5 тысяч танков, 12 тысяч орудий.

На практике это означало дополнительное строительство ранее не предусмотренных военных заводов. Требовалось ускорить создание металлургических комбинатов, машиностроительных, станкоинструментальных, шарикоподшипниковых, моторных предприятий – за счет прежних источников финансирования индустриализации.

Однако несоизмеримо большее воздействие оказало на советскую экономику 29 октября 1929 года – день, вошедший в мировую историю как «черный четверг».

Советские экономисты, как истинные марксисты, всегда предрекали капиталистическим странам скорый и неминуемый кризис. Любой свой прогноз, даже краткосрочный, они начинали с указания на четкие признаки его наступления, реже — только на приближение. То же повторяли и руководители партии, правительства — ибо мечтали о нем, поскольку он должен был стать прелюдией мировой революции.

И все же реальное наступление мирового экономического кризиса в СССР ухитрились поначалу просто проглядеть.

Все дни, предшествовавшие «черному четвергу», и даже некоторое время спустя, центральный орган ВКП(б) газета «Правда» преподобнейшим образом информировала читателей о том, что полагала действительно важным, существенным, определяющим. Естественно, писалось о положении на советско-китайской границе, о классовых боях в Германии, Австрии, Греции, о ситуации во Франции после отставки правительства Бриана, о голодовке политзаключенных в Венгрии, о результатах парламентских выборов в Чехословакии.

Сообщения же из США публиковала крайне скудные, в семь—десять строк. Нерегулярно, с запозданием.

24 октября. **«Паника на нью-йоркской бирже.** Нью-Йорк, 22 октября. Курсы нью-йоркской биржи стремительно падают. Настроение пессимистическое. За вчерашний день продано свыше 6 миллионов акций. Крупные банки усиленно скупают акции, чтобы предотвратить катастрофическое падение цен. Таким образом, удалось частично восстановить курсы некоторых акций, в частности Стальной корпорации США. Акции не менее важных предприятий, как то: «Дженерал электрик», «Радио корпорейшн» и «Дженерал моторс», так и не оправились, несмотря на вмешательство банков. В Канаде на фондовой бирже Торонто также обнаружилось панические настроения, и цены процентных бумаг падают».

26 октября. **«Паника на нью-йоркской бирже усиливается.** Нью-Йорк, 24 октября. Падение курса акций продолжается. На бирже разыгрываются сцены самой дикой паники. Падают курсы всех важнейших промышленных и железнодорожных предприятий. Точно так же падают цены на зерновые продукты. Наоборот, цены государственных ценных бумаг повышаются, так как публика стремится поместить свои средства в эти бумаги, считая их более надежными, чем акции».

29 октября, в тот самый день, когда начался мировой экономический кризис, некий Л. Берс писал в своем комментарии о том, что еще в сентябре в Австрии обанкротился банк «Боден кредит анштальт», в октябре в Бельгии — Брюссельский банк, на берлинской бирже отмечено падение акций германских предприятий, и делал вывод: «Не приходится сомневаться, что нынешний биржевой кризис — первый раскат надвигающейся экономической грозы».

31 октября. **«Биржевой кризис в Америке.** 29 октября. Сегодня на нью-йоркской бирже акции снова упали. Особенно резко упали акции сталелитейных и электротехнических предприятий, телефона, телеграфа и т. д. Многие акции упали ниже того уровня, до которого они опустились в первый день биржевой паники, в прошлый четверг. На бирже за сегодняшний день продано свыше 9.200.000 акций. Паника усиливается».

Даже в ноябре подача такого рода материалов не претерпела изменений. «Правда» по-прежнему давала лишь небольшие информации, хотя и изменила тон заголовков. 1 ноября: «Последствия биржевого кризиса в США. Падение курсов на стокгольмской бирже. Снижение учетного кредита в Англии». 2 ноября сообщила о том, что «банки спускают бумаги подешевле», на бирже царит лихорадка, продолжается снижение учетного кредита; сокращается производство автомобилей, «Форд» и «Крайслер» уволили свы-

ше 30 тысяч рабочих; банки Соединенных Штатов и Европы заключили соглашение, чтобы приостановить дальнейшее падение курсов акций.

Только тогда в Кремле, в Наркомторге осознали, что действительно разразился мировой экономический кризис, и начался он в самый неподходящий для Советского Союза момент. Кризис привел к коллапсу международной торговли, к крушению всех расчетов получить столь необходимую для индустриализации валюту за счет экспорта леса и золота, пушнины и зерна. И за счет экспорта антиквариата, переставшего интересовать кого бы то ни было.

ПРИВ
ВСТУПИВШЕМУ В
МИРОВОМУ Г
ДНЕПРО
Д

«СОВЕТСКАЯ ОПЕРАЦИЯ» МЕЛЛОНА

ДА ЗДРАВСТ
УДАРНИКИ СОЦИАЛИСТИ
СТРОЙНИ!

Еще за полгода до мирового экономического кризиса не менее острый, но чисто политический кризис захлестнул и ВКП(б). Породил его извечный для России крестьянский вопрос.

...Хлеб требовался Советскому государству, чтобы кормить город. Столь же нужен был хлеб и крестьянам, и не только для пропитания, но и на продажу, для приобретения необходимого: керосина для освещения, сахара, мануфактуры, обуви.

В 1927 году цены на зерно резко упали. Те, кто продавал его государству, главным образом кулачество, решили хлеб придержать, выждать повышения цен и только тогда продать его, с выгодой для себя. В результате государство получило примерно треть необходимого ему зерна. В 1928 году положение не изменилось.

Хлеб нужен был Советскому государству и для экспорта. Правда, он составлял не такую уж большую величину — каких-нибудь 5—6 %. Но даже такая доля после принятия пятилетнего плана стала существенной: она серьезно влияла на баланс внешней торговли, много значила для покупки крайне необходимых машин, строительной техники, оборудования. Именно потому XVI партконференция и осудила «правых»,

защищавших право крестьян (точнее, лишь кулачества) самостоятельно решать: продавать им хлеб государству или нет.

Все бы ничего, если бы «правые» предложили свой вариант пополнения валютных запасов, назвав источник финансирования импорта, который покрыл бы недостачу. Однако Н. И. Бухарин, поддержанный М. П. Томским, А. И. Рыковым, секретарем Московской парторганизации Н. А. Углановым, стал настаивать на ином: пусть государство купит за рубежом 80—100 миллионов пудов зерна, истратив 200 миллионов золотых рублей. Да, такое решение вынудит сократить импорт для промышленности, снизит темпы выполнения плана индустриализации года на два — ничего от этого не изменится.

Бухарин настаивал на своем предложении, хотя знал: весной 1929 года заготовки снизились по сравнению с прошлогодними, и без того низкими, чуть ли не в шесть раз. Было ясно, что создавшееся положение вскоре приведет к нехватке хлеба в городах, заставит ввести карточную систему.

Мало того, Бухарин, как общепризнанный лидер «правых», начал переговоры со сторонниками Зиновьева. А это уже угрожало властному положению группы Сталина тем, что она может разделить судьбу троцкистов: будет изгнана из Политбюро, правительства, окажется на задворках политической жизни.

Казалось, у Сталина не осталось выхода: либо придется согласиться с доводами Бухарина, либо самому заключить союз с «левыми».

Сталин сумел найти третий путь.

В канун открытия XVI партконференции, 22 апреля 1929 года, на пленуме ЦК Сталин четко обозначил собственный курс. Он открыто порвал с «правыми», но взял под защиту основную массу крестьян — бедняков, середняков и не пошел на компромисс с «левыми», хотя остался верен идее необходимости скорейшей индустриализации.

Практически не упоминая о пятилетке в своем выступлении, Сталин назвал текущий этап экономической жизни «периодом реконструкции» — реконструкции как промышленности, так и сельского хозяйства. В его изложении пятилетка стала выглядеть затеянной ради тех же крестьян, ради модернизации отсталого сельского хозяйства страны.

«Снабжать деревню машинами и тракторами, — сказал Сталин, — невозможно, не развивая индустрии ускоренными темпами». Следовательно, в интересах самого крестьянства всячески способствовать выполнению пятилетнего плана, для чего крайне необходимы регулярные поставки хлеба в надлежащих размерах. Но это в настоящее время зависит от кулачества. И тут же заметил: «Смешно было бы теперь надеяться, что можно взять хлеб у кулака добровольно»¹¹².

Развивая мысль, Сталин заставил согласиться слушателей с тем, что кулачество стало «классовым врагом», а проводимый им саботаж — «обострением классовой борьбы». Потому-то, по его словам, при сложившихся обстоятельствах остается единственное решение: раскулачивание и насильственное, принудительное изъятие недостающих 150—200 миллионов пудов зерна.

Однако, продолжал он, и это еще не разрешит проблему в целом, окажется лишь временной полумерой. Ведь мелкие слабые крестьянские хозяйства никогда не смогут стать производителями товарного хлеба. Значит, надо начать их слияние в более крупные — в сельскохозяйственные артели, колхозы. Эти новые хозяйства, получив необходимую технику, прежде всего тракторы, комбайны, и сумеют заменить кулачество.

Пленум поддержал Сталина — хотя все выглядело так, будто Сталин возвратился к идеям «левых», Преображенского, решив сделать главным источником финансирования индустриализации столь ненавистное троцкистам своей мелкобуржуазной сущностью крестьянство.

Казалось бы, подтверждали такое представление и последовавшие вскоре кадровые перестановки в верхах. В апреле освободили от обязанностей кандидата в члены Политбюро Н. А. Угланова, перевели, фактически сослав, в Астрахань. В ноябре вывели из Политбюро Н. И. Бухарина, поручили ему малозначительную работу в ВСНХ. Приняли добровольную, даже демонстративную отставку М. П. Томского с поста председателя ВЦСПС, утвердив его в должности заместителя председателя ВСНХ — руководителя Все-союзного объединения химической промышленности. Сняли и М. И. Фрумкина, заместителя наркома финансов, назначили председателем Госрыбсиндиката. Свой прежний пост сохранил только А. И. Рыков.

Вдохновленные переменами, «левые» приободрились и поспешили возобновить пропаганду своих радикальных воззрений. В журналах и газетах они стали преподносить индустриализацию совсем не так, как она задумывалась. «Левые» внушали читателям, что выполнение пятилетки не просто превратит отсталую, аграрную страну в передовую, промышленно развитую, но якобы приведет наконец к достижению цели, намеченной еще Марксом и Энгельсом. Этой целью, движение к которой начал Ленин в октябре 1917 года, было построение социализма в его классической форме — без собственности, государства, даже без семьи.

На столь утопические обещания первыми откликнулись комсомолцы. Еще не имея ничего — ни жилья, ни вещей, они стали «коллективизировать» свой быт, создавать коммуны, где все уже было общим. К весне 1930 года только в Ленинграде появилось 110 таких коммун с 10 тысячами коммунаров.

Столь же всерьез восприняли наступление социализма через пять лет в «штабе индустриализации», как тогда называли ВСНХ. Именно этот гигантский наркомат в конце 1929 года подготовил, а в начале следующего года провел конкурс проектов «социалистических городов»: Нижнего Новгорода, где уже возво-

дился автомобильный завод, будущих Магнитогорска, Запорожья, Кузнецка, строившихся металлургических комбинатов.

Все это скорее напоминавшее сеанс массового гипноза, нежели трезвое, тщательное и всестороннее составление проектного задания.

Мечта о социализме оказалась столь притягательной и непреодолимой, а желание самим воочию увидеть светлое будущее человечества таким заразительным, что в грезы леворадикалов-утопистов уверовали слишком многие. Даже такие, казалось бы, трезвые люди, как В. В. Куйбышев, направлявший деятельность ВСНХ вот уже четыре года и принимавший самое активное участие в составлении пятилетнего плана, и его заместители: С. С. Лобов, до перехода в ВСНХ руководивший топливным главком Ленинградской области; М. Л. Рухимович, возглавлявший последовательно трест Донуголь и Совнархоз Украины; И. В. Косиор, восстанавливавший грозненские нефтепромыслы.

Все они, да и остальные члены президиума ВСНХ, сами, без давления с чьей-либо стороны весьма своеобразно определили задачи архитекторов. Последним требовалось учесть наиглавнейшее: к окончанию строительства планируемых городов в стране уже настанет социализм. Значит, не будет и семьи.

Архитекторы без возражений приняли условия ВСНХ и спроектировали города, в которых вместо обычного жилья предстояло возводить дома-коммуны, вернее, дома гостиничного типа. В них вместо привычных квартир — жилые ячейки в одну или две комнаты, только для сна и работы. Все остальное — общее для всех жильцов. Столовая, которую должна была снабжать городская фабрика-кухня, прачечная, парикмахерская, помещения для отдыха, индивидуальных и групповых занятий, спортзал, клуб. И еще обязательно «очаг» — совмещенные ясли и детский сад для детей, живущих в доме-коммуне.

заботу о которых полностью должно было взять на себя государство.

Кроме жилого сектора в соцгородах, разумеется, намечался и общественный: школы, институты, поликлиники-больницы, театры, стадионы, музеи, библиотеки, кинотеатры, здания общественных собраний.

Проекты, выигравшие конкурс, мгновенно утвердили и незамедлительно стали претворять в жизнь. Однако больше одного-двух кварталов построить не успели.

Внезапно началось отрезвление, осознание того, что поторопились, забежали слишком далеко вперед. Сталину пришлось срочно вмешаться, подкорректировать утопический леворадикальный курс. Этот курс не только противоречил воззрениям, целям его группы, но и не соответствовал реальным условиям.

В марте 1930 года «Правда» опубликовала, а очень многие газеты поспешили перепечатать статью Сталина «Головокружение от успехов», затрагивавшую пока лишь проблемы коллективизации. В ней подчеркивалось: «Нельзя насаждать колхозы силой». Вместе с тем шла речь в статье и об иной стороне проблемы. Сталин позволил себе вволю поиздеваться над «революционерами», которые «дело организации артели начинают со снятия с церкви колоколов», стремятся «перепрыгнуть через самих себя», и сделал вывод: «пора положить конец этим настроениям»¹¹³.

По предложению Сталина 16 мая ЦК принял постановление «О работе по перестройке быта», которое вынудило молодежные коммуны самораспуститься, а ВСНХ — прекратить строительство соцгородов. Постановление осуждало подобные «загибы» достаточно мягко — без «оргвыводов», то есть снятия кого-либо с работы, исключения из партии. Но оно достаточно твердо отвергало любые попытки «перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости нашей страны,

а с другой — в необходимости в данный момент максимального сосредоточения всех ресурсов на быстрой индустриализации страны»¹¹⁴.

Так ясно и недвусмысленно были разведены два понятия — индустриализация и социализм. Указано: главной, если не единственной задачей остается модернизация сельского хозяйства и промышленности. А решать ее день ото дня становилось все трудней. Ведь во время кризиса, который царил в мире, все стремятся продавать, а не покупать. СССР же, для того чтобы купить, нужно было сначала продать, получить нужную валюту. А потому следовало выискивать покупателей, которых становилось все меньше и меньше.

В конце декабря 1929 года на фоне острейшей нехватки хлеба для собственного потребления пришлось, с величайшим трудом найдя покупателей в Европе, сбыть 25 миллионов тонн зерна. Продали его только ради того, чтобы приобрести у британской фирмы «Виккерс» 8,5 тысячи тракторов для строек и сельского хозяйства. А месяц спустя суммы, которые предстояло платить, возросли многократно.

Только американской фирме «Катерпиллер», приступившей к поставкам оборудования для Харьковского и Челябинского тракторных, Ростовского на Дону и Саратовского комбайновых заводов, требовалось срочно выплатить 3,5 миллиона долларов. Всего же задолженность СССР лишь американским фирмам составляла теперь уже 350 миллионов долларов (1,75 миллиарда золотых рублей).

Отдать их следовало в течение пяти лет, выплачивая еще и 7 % годовых. Зато Советский Союз получал остро необходимую ему продукцию: тракторы, комбайны и запчасти к ним, крекингový завод, буровые станки и трубы для нефтяной промышленности, железные конструкции, фасонную сталь, оборудование для строившихся автомобильного завода и трех металлургических комбинатов.

Но даже этим текущие затраты на индустриализацию отнюдь не ограничивались. В Великобритании уже были сделаны заказы на 33 миллиона фунтов стерлингов. Предстояло закупить в Великобритании, Франции, Италии, Германии 2,2 тысячи тонн каучука для резиновой промышленности, оборудование для Березняковского химического комбината, 50 тысяч тонн рельсов для железных дорог; требовалось заплатить шведской фирме «СКФ» за расширение шарикоподшипникового завода на Урале и строительство нового в Москве...

Политбюро, правительство вынуждены были экономить абсолютно на всем. И выискивать валюту где только можно.

Г. Г. Ягода, руководитель ОГПУ, дважды в 1930 году — 30 марта и 10 мая, получал от Политбюро задание, свидетельствовавшее о полном отчаянии властей поддерживающих: в первый раз — за два дня собрать валюты на 2,5 миллиона рублей, а во второй — за десять дней — на 2 миллиона. Разумеется, изымать ее следовало у той части населения страны, которая хранила дома доллары и фунты, дойчмарки и швейцарские франки.

Тогда же, летом 1930 года, Политбюро решило выпускать водку не в 43, а только в 40 градусов, заодно подняв на нее цену. Решено было продать хлеба на 4,5 миллиона золотых рублей, платины — на 1,5 миллиона, добыть для экспорта 67 тонн золота.

Но все это оказывалось лишь каплей в море затрат, которые были уже произведены и которые предстояло сделать в ближайшие месяцы. Нужно было платить и платить, для того чтобы не оказались выброшенными на ветер уже потраченные на индустриализацию деньги — претворенные в конструкции поднимавшихся к небу корпусов, в лежащее на складах и ждущее часа сборки оборудование станков.

Через год и три месяца после начала мирового экономического кризиса Сталину пришлось открыть свои карты. Впервые он объяснил, почему столь рьяно и го-

рячо поддерживал пятилетний план индустриализации; почему принимал, но только отчасти, сотрудничество и «правых», и «левых»; почему пошел на раскулачивание, на коллективизацию деревни, но решительно воспротивился даже попыткам коллективизировать быт, строить «социалистические» города.

Явно опасаясь отрицательной реакции партократии, Сталин сказал об этом не на партийном съезде или конференции, а 4 февраля 1931 года, на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, собравшей преимущественно рабочих-ударников, инженеров, директоров главных строек пятилетки. И объяснил все как никогда просто и ясно, доходчиво для всех:

«В истории государств, в истории стран, в истории армий бывали случаи, когда имелись все возможности для успеха, для победы, но они, эти возможности, оставались втуне, так как руководители не замечали этих возможностей, не умели воспользоваться ими, и армии терпели поражение...

Да, такие возможности у нас есть.

В чем состоят эти возможности, что требуется для того, чтобы эти возможности существовали в реальности?

Прежде всего требуются достаточные природные богатства в стране: железная руда, уголь, нефть, хлеб, хлопок.

Есть ли они у нас? Есть. Есть больше, чем в любой другой стране.

Взять хотя бы Урал, который представляет такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране. Руда, уголь, нефть, хлеб — чего только нет на Урале!

У нас имеется в стране все, кроме разве каучука. Но через год-два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении.

С этой стороны, со стороны природных богатств, мы обеспечены полностью. Их у нас даже больше, чем нужно...

Иногда спрашивают, нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать.

Задержать темпы — это значит отстать. А отста-
лых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет,
не хотим!

История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было до-
ходно и сходило безнаказанно.

Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: «ты обильная» — стало быть, можно на твой счет поживиться. Они били и приговаривали: «ты убогая, бессильная», — стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно.

Таков уж закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит ты не прав, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч — значит ты прав, стало быть тебя надо остерегаться.

Вот почему нельзя нам больше отставать...»¹¹⁵

Сталин не сулил золотые горы, не обещал построить социализм за одну или даже две пятилетки. Зато мимоходом он бросил фразу, малопонятную в речи марксиста, большевика: «Теперь у нас есть отечество». И это после пропаганды на протяжении многих десятилетий прямо обратного по смыслу, считавшегося бесспорным, фундаментальным постулата — «у пролетариев нет отечества».

Не развив столь крамольную мысль, Сталин поспешил вернуться к основному: к вопросу о темпах, еще раз и предельно просто объяснив необходимость индустриализации, модернизации экономики страны:

«Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹¹⁶.

И все же, выступая на столь важном форуме, об одном Сталин умолчал — о том, что буквально несколько дней назад Совнарком СССР весьма основательно скорректировал пятилетний план. Число предусматривавшихся больших и малыхстроек сократилось с нескольких тысяч до 65, названных ударными. Остались лишь те, что давно успели пройти нулевой цикл, в которые уже была вложена большая часть намеченных средств, где работа шла вовсю далеко не первый месяц. К ним причислены были и начатые задолго до принятия пятилетнего плана Днепрогэс, Турксиб.

Сохранил Совнарком самое главное: три металлургических комбината — в Запорожье, Магнитогорске, Кузнецке; машиностроительный гигант в Свердловске. Ведь, по словам Сталина, «без развития тяжелой промышленности мы не можем построить никакой промышленности, не можем провести никакой индустриализации»¹¹⁷. Да еще остались как важнейшие стройки Нижегородский автомобильный, все тракторные и комбайновые заводы, без которых нечего было и думать о модернизации и коллективизации сельского хозяйства.

Причина этого решения, так никогда и не получившего огласки, крылась в тривиальной нехватке средств. Не рублей — их хватало, так как эмиссии проводились чуть ли не ежеквартально, а валюты, — столь важных для страны фунтов стерлингов, американских долларов, французских франков, германских марок, которыми приходилось расплачиваться за индустриализацию, за выполнение пятилетнего плана. А валюты

стало катастрофически не хватать из-за мирового экономического кризиса, серьезно сократившего объемы советского экспорта.

Видимо, Сталин не стал упоминать о корректировке плана, объяснять происшедшее по ряду причин. Он не хотел ни охлаждать энтузиазм населения, столь близко к сердцу принявшего идею индустриализации, ни дискредитировать власть, так быстро отказавшуюся от собственных планов. Разумеется, любой читатель газет поймет, что произошло, по сообщениям со строек.

Поймет он истинные причины вынужденных действий правительства, читая телеграммы из-за рубежа: о продолжающихся банкротствах, крахах банков и крупных фирм, ширящейся армии безработных, о не укладывающемся в сознании уничтожении излишков производства — кофе, зерна, сахара. Как раз тогда Советский Союз обвиняли в демпинге — продаже на иностранных рынках своей продукции по более низким ценам, нежели на внутреннем, — в том, что заготовкой деловой древесины у нас занимаются заключенные, почему ее и нельзя покупать «цивилизованным» странам.

Более или менее благополучно обстояло дело с экспортом драгоценных металлов — устойчивых даже в годы мирового кризиса золота и платины. Выручал и вывоз нефтепродуктов — бензина, керосина и мазутного топлива, без которых остановился бы весь транспорт на земном шаре, вместе с ними замерла бы окончательно и вся привычная жизнь человека XX века.

Помогла в сохранении экспорта нефтепродуктов чистая случайность. За полгода до депрессии, 27 февраля 1929 года, Нефтесиндикат после долгих и донельзя трудных переговоров сумел подписать с одной из крупнейших американских нефтяных компаний, «Стандарт ойл оф Нью-Йорк», выступавшей в Европе как «Англо-Америкэн», чрезвычайно выгодное соглашение. В соответствии с этим договором формально смешанная, а по обладанию контрольным пакетом ак-

ций — советская, фирма «РОП» («Рашн ойл продактс») получила возможность в течение трех лет беспрепятственно продавать на территории Великобритании по 175 тысяч тонн бензина через собственные бензоколонки, а через сеть своего нового партнера еще по 100 тысяч тонн бензина, 150 тысяч тонн мазута и 40 тысяч тонн газойля ежегодно. И все это помимо оговоренного прежними соглашениями почти монопольного права поставлять мазутное топливо для судов, проходящих через Суэцкий канал.

Другой выгодный договор был подписан советской фирмой «Петролиа» 3 февраля 1930 года с итальянской государственной нефтяной монополией «Аджип» о поставках для военно-морского флота 250 тысяч тонн мазута, 75 тысяч тонн бензина и 25 тысяч тонн других нефтепродуктов ежегодно в течение четырех лет.

В Германии началось постепенное, но неуклонное вытеснение с рынка советской фирмы «Дерунафт». Во Франции решением Коммерческого суда департамента Сена 1 апреля 1930 года на фонды советского торгпредства и местного отделения Нефтесиндиката был наложен арест.

Пока еще находили сбыт за рубежом советские пшеница и ячмень, лес и лесоматериалы, несмотря на обличавшие СССР материалы, которыми пестрили европейские газеты. Все остальное оказалось никому не нужным — в том числе и антиквариат.

Всё на продажу

Покупателей даже на самые дешевые предметы старины и произведения искусства не находилось. Денег практически ни у кого не было. Вчерашние богачи — миллионеры, воротилы бизнеса США и Германии, Великобритании и Франции, — в считанные минуты оказывались нищими. Не стало и коллекционеров, которые уже сами начали распродавать свои собрания.

Андреева вынуждена была в письме из Берлина констатировать катастрофическое положение:

«Присланный товар, — писала она Хинчуку, — хотя и является реализуемым на германском рынке, но отнюдь не представляет собою материала для устройства одного хорошего аукциона, как это требовалось по условиям нашего договора с фирмой «Рудольф Лепке», в копии еще раз прилагаемого.

Среди картинного материала всего 40 картин, которые могут идти на хорошем аукционе. Среди предметов прикладного искусства нет ни малейшего разнообразия, но все это больше предметы однородные, а нельзя же на одном и том же аукционе выставлять примерно 1.000 кресел, 50 столов, 50 люстр и т. д. Кроме того, почти все вещи требуют серьезной реставрации, что также потребует значительного времени...

Фирма «Р. Лепке» отказывается принять эту партию в покрытие аванса, что в силу вышеизложенного вполне объяснимо. Фирма в любой день имеет право по договору поставить нам срок возврата аванса, заявив об этом нам за пять дней до назначенного срока... Заложить имеющийся у нас антикварный товар в банках не представляется возможным, т. к. под произведения антикварного искусства, даже картины Тициана и Рембрандта, банки в настоящий момент денег не дают. <...>

Мы надеемся протянуть без предъявления нам срока уплаты до 31 марта, но самое положение может быть спасено только в том случае, ежели будет прислано нам на реализацию еще на 500—600.000 марок реальной стоимости несколько первоклассных объектов...»¹¹⁸

К тому же выводу пришел и Г. А. Самуэли, срочно направленный в Европу для уточнения положения на месте и поиска выхода из сложившейся ситуации.

«Результат несколькихдневного моего пребывания в Берлине, — писал он в контору «Антиквариата», — дал то, что я узнал, что вещи, находящиеся

в настоящее время в нашем распоряжении, главным образом картины, являются ничтожными в отношении тех, которые имеются на складах у здешних антикваров. Каждый более-менее приличный антиквар имеет таких Рембрандтов, Ван-Дейков и т. п., которых мы никогда не видали и которыми каждый наш музей, не исключая и Эрмитажа, мог бы гордиться, причем, самое характерное — это то, что цены их, назначаемые за эти высокоценные картины, являются очень невысокими по сравнению с теми ценами, которые назначают нам наши эксперты за во много раз менее ценные картины. <...>

Положение после биржевого краха в Германии таково, что те самые слои, которые раньше покупали средний товар, в настоящее время перестали покупать, а покупают только крупнейшие коллекционеры и, конечно, только хорошие картины. <...>

Что вытекает из всего этого?

Если до сих пор нет нового выделения, то необходимо со всей силой форсировать его, но выделить только исключительно хорошие картины»¹¹⁹.

Именно так работники Внешторга оценивали положение. Выход они видели только в срочном изъятии из музеев, но на этот раз — лишь наиболее ценного, самых редких полотен выдающихся, всемирно известных мастеров.

Трудно предположить, насколько далеко смогли бы зайти притязания Внешторга и насколько бы их удовлетворили власти, если бы не еще одно письмо из Берлина в Москву.

13 декабря 1929 года доктор Вольфенберг, глава «Кунстаукционхауз Рудольф Лепке», направил Хинчуку конфиденциальное послание:

«В русских музеях имеется большое количество предметов искусства, которые имеют огромное значение для культурного и искусствоведческого значения страны, так как русские музеи не только по количеству, но и по качеству значительно превосходят все дру-

гие европейские галереи. Для примера можно указать на то, что на одного мастера достаточно ряда произведений из различных периодов его творчества, и нет необходимости в том, чтобы для каждого периода было десять или больше произведений. То же самое имеет место в отношении гобеленов, мебели и т. д.

Несколько крупных международных коллекционеров, которым известны наши непосредственные отношения с Вами, обратились к нам с просьбой, не могут ли они купить через наше посредничество действительно выдающиеся произведения.

Мы купили бы соответствующие произведения искусства непосредственно у Вас и приехали бы с несколькими экспертами в Ленинград с тем, чтобы на месте урегулировать сделку. Таким образом была бы получена действительно крайняя цена без посредничества торговли, так как мы хотели бы получить обычную 7,5-процентную комиссию»¹²⁰.

В своих вождениях Вольфенберг оказался неодиноким: несколько раньше подобное предложение поступило из Австрии. Дважды напоминал о себе и Гульбенкян — настойчиво предлагал продолжить «деловое» сотрудничество.

Но опять, как и два года назад, никто не вспомнил о прозорливых предупреждениях, высказанных Тройницким, Ольденбургом, объяснявших, что такого рода продажи выгоды сулить никак не могут.

Наркомторг СССР воспринял как спасение информацию о предложениях неких людей, сохранивших свои миллионы и стремившихся поскорее обменять обесценивающиеся с каждым часом банкноты на самую твердую, всегда растущую в цене валюту — художественные ценности. Это, казалось, была последняя надежда без особых усилий, не заботясь о контршагах конкурентов, без выработки и подписания каких-либо соглашений получить давным-давно обещанную правительству и партии валюту. Ведь поставки промышленного оборудования, материалов,

сырья из США, Великобритании, Германии, Италии возрастали с каждой неделей, и столь же быстро увеличивалась наша задолженность Западу. Чтобы предотвратить банкротство государства, валюта требовалась любой ценой.

Завороженные сообщением Вольфенберга, Андреева, Самуэли и Хинчук даже не попытались рассмотреть – хотя бы как гипотетическую альтернативу – возможность отказаться от продажи за рубежом произведений искусства тогда, когда цены на них упали до минимума. Они продолжали настаивать на продолжении изъятий из музеев – иначе пришлось бы признать ошибкой собственные предложения, уже облеченные в решения Политбюро, постановления правительства.

Руководителей Внешторга беспокоило лишь одно: насколько серьезны сделанные предложения, много ли удастся получить валюты за счет собраний Эрмитажа, других музеев и галерей страны. Для подстраховки они решили попытаться расширить круг тех богачей за рубежом, кто готов был пойти на подобные сделки.

Циркуляр, подписанный Хинчуком и направленный 19 декабря 1929 года торгпредствам СССР в Берлине, Париже и Вене, «Аркосу» в Лондоне и «Амторгу» в Нью-Йорке, заклинал:

«В Союзе мы в состоянии удовлетворить более широко спрос покупателей... Вы должны быть уверены, что не может быть такого положения, что покупатель уедет с жалобой, что мы в смысле вещей не дали ему интересующий его ассортимент... Метод посылки покупателей в Союз является сейчас важным для оживления реализации антикварных вещей, и я прошу Вас принять все меры, чтобы активизировать это дело»¹²¹.

Не пожелав изменить методы своей работы, Внешторг должен был основательно подготовиться к неизбежному — реализовывать главным образом собрания Эрмитажа. Понимая это, Хинчук отдал распоряжение

«Антиквариату» в пятидневный срок перевести свою центральную контору из Москвы в Ленинград, а заодно внес в совнаркомы СССР и РСФСР два законопроекта, которые должны были обеспечить ему полную свободу действий. На рассмотрение союзного правительства предлагался документ «О порядке вывоза иностранцами за границу предметов искусства и старины», суть которого сводилась к следующему:

«Предметы старины и искусства, в том числе и иконы, приобретенные иностранцами в государственных магазинах, а также в магазинах, принадлежащих кооперативным и общественным организациям, допускаются к вывозу за границу в изъятие из статьи II Общего таможенного тарифа по вывозной торговле (Собр. зак. Союза ССР, 1928 г., № 7, ст. 60) без особых разрешений народных комиссариатов просвещения союзных республик и безлицензионно, по предъявлении соответствующих счетов магазинов, в которых означенные предметы приобретены. Причитающаяся таможенная пошлина на эти предметы включена в цену предметов и взимается в магазинах при продаже»¹²².

2 января 1930 года Совнарком СССР утвердил это постановление, а 6 января Малый Совнарком РСФСР уже рассмотрел вопрос о методах дальнейшего «выделения» произведений искусства и реликвий из музейных собраний.

Не сомневаясь в важности и значимости предложения Наркомторга СССР, правительство Российской Федерации утвердило решение, которым юридически обосновывались четыре следующих важных положения.

1. Срочно изъять из музеев необходимые для экспорта художественные произведения на сумму, позволяющую как покрыть задолженность фирме «Рудольф Лепке», так и провести еще несколько аукционов в Берлине.

2. Во избежание вполне возможных конфликтов с сотрудниками музеев окончательную оценку изъя-

тых для экспорта вещей поручить только сотрудникам «Антиквариата».

3. Всю работу завершить не позднее 15 марта 1930 года, — иными словами, за две недели до истечения срока уплаты долга фирме «Рудольф Лепке».

4. Для отбора произведений искусства и проведения всех необходимых экспертных операций образовать особую ударную бригаду из искусствоведов, рекомендованных Главнаукой, а рамки их компетенции оговорить соответствующей инструкцией¹²³.

Хотя время и подстегивало, а фактическое изъятие из музеев давно уже шло полным ходом, инструкцию сумели подготовить только через месяц, утвердить ее лишь 9 февраля, после формального согласования с новым руководителем Главнауки Лупполом. Очередной и весьма пространный документ вменял в обязанность членов бригады:

1. Проверку «решительно всех запасов музеев Наркомпроса... для отбора отдельных музейных экспонатов и даже целых собраний, имеющих экспортное значение.

2. В случае, если выделения из музейных запасов не смогут обеспечить выполнения правительственного задания по выделению... отбирать и выделять необходимое количество предметов, находящихся в экспозиции...

8. Работа бригады протекает при участии представителей от ОГПУ, особой части Наркомфина и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции...

10. Составленные списки должны считаться согласованными, и перечисленные в них предметы могут немедленно поступать в распоряжение конторы «Антиквариат», а последняя имеет право производить по ним распродажу...

12. Бригада также проверяет и экспозицию музея с точки зрения нахождения в этой экспозиции предметов, не находящихся в органической связи с основными целями и задачами музея,

в целях выделения таковых предметов для целей экспорта...»¹²⁴

В немалой степени максимально выгодной для Внешторга работе бригады способствовала и очередная смена руководства Эрмитажем. 1 февраля 1930 года его директором утвердили Л. Л. Оболенского, человека в музее случайного.

Выпускник Санкт-Петербургского университета, он до февральской революции восемнадцать лет служил чиновником в Министерстве финансов. После установления советской власти вступил в РКП(б) и вернулся на прежнюю работу, где, как весьма опытный специалист, надолго занял одну из ключевых должностей — члена коллегии Наркомата финансов РСФСР. С 1921 по 1924 год Оболенский являлся полномочным представителем Российской Федерации в Варшаве, затем вернулся в Наркомфин.

Карьера, по тем временам довольно редкая для «буржуазного специалиста», сулила многое и позволяла мечтать даже о том, чтобы со временем стать наркомом. Однако жизнь распорядилась по-своему. В 1929 году Оболенского внезапно перевели в Наркомпрос и назначили заместителем заведующего Главискусством. Пройдя шестимесячную стажировку совершенно в новом для себя деле, он выехал в Ленинград и занял пост директора Эрмитажа. Трудно сказать, чем завершился бы этот своеобразный эксперимент — руководство художественным музеем видным финансистом, если бы Оболенский внезапно, 26 сентября 1930 года, не ушел из жизни.

Еще более причудливые пути привели в Эрмитаж столь же некомпетентного в музейном деле Б. В. Леграна, который стал очередным директором в конце сентября 1930 года.

Родился он в 1884 году, семнадцати лет вступил в РСДРП, высшее юридическое образование получил в Казанском университете. Во время Первой мировой войны Легран почти три года провел на фронте, дослу-

жившись до чина штабс-капитана. Он принял участие в Октябрьской революции, а в конце ноября был назначен заместителем наркома по военным и морским делам. Затем всю гражданскую войну Легран чередовал идеологическую и юридическую работу: комиссар Петроградского окружного суда, член Реввоенсовета (то есть комиссар) Южного фронта и 10-й армии, председатель Ревтрибунала РСФСР. Затем он побывал полпредом в Армении и Азербайджане, заведующим Ленинградским губотделом Главлита (то есть цензуры), заведующим культотделом Ленинградского губсовета профсоюзов, генеральным консулом СССР в Харбине, заведующим Курским губполитпросветом, заведующим редакцией издательства «Красная панорама». Столь разносторонняя деятельность, в основном на ниве просвещения, позволила Леграну принять и назначение в Эрмитаж: поначалу заместителем Оболенского по научной части, а после его смерти — и директором.

В отличие от четверых своих предшественников Легран сумел продержаться на этом посту более четырех лет. Именно в эти годы Эрмитаж не только потерял часть своих бесценных сокровищ, но и претерпел коренную реорганизацию. Лишь в августе 1934 года Леграна перевели проректором в Академию художеств.

...Мобилизация в «ударную бригаду» прошла весьма успешно. «В строю» оказались очень многие самые известные специалисты Ленинграда и Москвы — Н. П. Сычев, С. К. Исаков, С. П. Яремич, М. К. Глазунов, Н. П. Пахомов, даже очень долго противившийся каким-либо изъятиям С. Н. Тройницкий. Их разослали по столичным и провинциальным музеям, картинным галереям — в Волоколамск и Тверь, Нижний Новгород и Арзамас, Сергиев Посад и Владимир, Ярославль и Кострому, в подмосковные усадьбы.

Специалистов сопровождали, контролируя каждый их шаг, дотошные оценщики, сотрудники «Антик-

вариата» Тюлин, Житомирский, Н. В. Власов, Т. И. Сорокин — весь наличный состав экспертов. Сопровождали и подтянутые молчаливые люди с голубыми петлицами на армейских гимнастерках. Они следили, чтобы никто не попытался чинить препятствия выполнению столь ответственного правительственного задания.

И все же мнение искусствоведов, даже вошедших в состав «ударной бригады», мнение экспертов «Антиквариата» мало что значило. Решалось все не ими, а людьми, работавшими в заурядном, ничем не примечательном сером доме № 26—28 на Варварке, у площади Ногина. Там на втором и третьем этажах располагались внешнеторговые службы страны. Там находился кабинет Хинчука, к которому стекались и регулярные отчеты «Антиквариата», и запросы из Европы от очередного шефа этой конторы Самуэли. Этот коммивояжер обладал поразительно полной информацией чуть ли не о каждом экспонате всех картинных галерей Советского Союза, даже теми сведениями, которые отсутствовали собственно в Главнауке.

Вот несколько выдержек из его деловых до предела посланий-заказов лишь за два месяца 1930 года.

3 января, из Берлина: «Обратите внимание на обязательное выделение картин Нижнего Новгорода, согласно нашей заявке, так как часть этих картин оценивается очень высоко, например, картины Ромни: женский портрет можно продать от 40 до 60 тысяч марок, портрет Воронцовой-Дашковой от 100 до 120 тысяч марок, картину Ребэрна за 50—60 тысяч марок».

В тот же день: «Я послал телеграмму в Москву об отправке сюда всех богемских (чешских. — Ю.Ж.) примитивов из Музея изящных искусств».

27 января, из Лондона: «Считаю нецелесообразным возвратить в Союз большинство из икон, бывших на выставке — принадлежащих реставрационным мастерским и разным провинциальным музеям, так как в Союзе можно найти еще такие экспонаты.

По моему мнению, за исключением некоторых, действительно уникальных вещей, надо их отправить в Америку».

28 января, из Лондона: «Я договорился с голландской фирмой «Б. И. Дуйтс» о поездке их к нам для покупки картин. Фирма хочет ехать приблизительно через три недели вместе с двумя другими фирмами, одна из которых желает купить большое количество дешевых картин стоимостью 10—20 фунтов стерлингов каждая, другая фирма заинтересована в крупных объектах, а сама фирма «Дуйтс» хочет купить больше картин среднего качества. Все три фирмы хотят израсходовать около 50.000 английских фунтов. Сообщите, будет ли подготовлено достаточное количество картин к этому сроку».

5 февраля, из Берлина: «В Лондоне я договорился с большой фирмой «Формаж» о поездке к нам для покупки старинного оружия (доспехи, плинты и проч.). Фирма эта большая и желает на несколько сот тысяч. По договоренности с Главнаукой оружие должно быть выделено из Эрмитажа в срочном порядке, так как представители фирмы приблизительно через три недели приедут к Вам, прошу для них все готовить. Бывшее Шереметевское собрание также должно быть приготовлено, хотя восточное оружие меньше интересует фирму».

В тот же день: «В Лондоне я связался с очень большой фирмой «Дженин», торгующей исключительно дешевыми вещами, здесь же я ознакомился с пражской фирмой «Якубович», владелец которой в конце месяца приезжает к Вам для покупки большой массы дешевых картин, миниатюр, серебра, ювелирных изделий (пасхальные яйца, кавказские вещи и т. д.), икон, бронзы и т. п.».

6 февраля, из Берлина: «Прошу сообщить, как обстоит дело с выделением скифского золота. Как я Вам сообщал, на этот предмет имеется большой спрос и его можно легко реализовать»¹²⁵.

Читая такие послания, трудно усомниться в том, что Самуэли считал себя приказчиком крупной торговой фирмы, складами которой являлись все без исключения музеи Советского Союза. Он стремился во что бы то ни стало выслужиться перед хозяином, Хинчуком, и продемонстрировать ему свой талант продавца, даже в столь тяжелые годы умеющего отыскать покупателей. Не важно на что — на селедку или ценнейшие холсты выдающихся живописцев, — лишь бы продать, как ему казалось, с прибылью. Самуэли даже не подозревал об истинной стоимости (хотя бы на день продажи) того, что он так торопился сбыть.

Но ничего странного в том не было. Дьердь (Георгий) Самуэли родился в 1899 году в Венгрии, в семье заведующего складом фирмы, занимавшейся экспортом хлеба. По окончании гимназии он тоже стал комиссионером. Во время Первой мировой войны Самуэли вынужден был надеть мундир, даже дослужился до чина унтер-офицера, но сумел устроиться подальше от передовой и четыре года провел в интендантстве, на складах имущества австро-венгерской армии.

В дни венгерской революции, осенью 1919 года, он поторопился примкнуть к тем, кто показался ему победителями: вступил в коммунистическую партию, даже добился назначения заместителем начальника политотдела Наркомата внутренних дел. После поражения революции Самуэли оказался в тюрьме, но спустя три года его обменяли и отправили в Советский Союз.

На новой родине Самуэли попытался учиться в Высшем техническом училище, работать конторщиком на электроламповой фабрике, но быстро разочаровывался в не суливших выгодной карьеры профессиях. Нашел он себя, лишь поступив в 1924 году на службу в Наркомат внешней торговли. Сначала стал председателем правления и уполномоченным в Берлине «Рустранзита», затем перешел в «Антиквариат». Там под формальным руководством бывшего рабочего и профессионального революционера Ильина он фак-

тически возглавил это акционерное общество, в то же время занимая посты заместителя экспортного сектора Внешторга, сотрудника торгпредств в Берлине и Лондоне.

Делал заказы на экспонаты картинных галерей не только Самуэли. Тем же занимались и торгпредства — как те, которые прежде не участвовали в распродаже собраний советских музеев, так и уже преуспевшие в этом.

Андреева писала 9 января — в последний раз перед снятием с должности за провал аукциона 1929 года и последующие неудачи: «Мы считали бы желательным присылку французских мастеров XVIII века, по преимуществу красивые женские портреты и галантные сцены, которые сейчас в моде, и первоклассную мебель, имеющуюся в Гатчине»¹²⁶.

2 января 1930 года Барабаш, руководитель генуэзского отделения торгпредства СССР в Италии, также информировал о поступившей к нему просьбе одного коллекционера (имени он не назвал), жаждавшего получить возможность купить из экспозиции Эрмитажа одну из двух работ гениального Веласкеса — «Портрет графа Оливареса» или «Папы Иннокентия X». «Указанное лицо, — объяснял Барабаш, — хотело бы получить список еще не проданных картин из Эрмитажа в Ленинграде и других музеев»¹²⁷.

Вот по таким заявкам и отправляли в тот или иной музей членов «ударной бригады». А если искусствоведы пытались хотя бы настоять на максимальной оценке реквизируемых произведений искусства, то выслушивали решительную отповедь. Им жестко напоминали, что от них ждут только подтверждения, что данный холст подлинный, а не фальшивка, определения времени создания произведения, имени его автора — не больше.

Вот лишь два рядовых примера из очень многих.

18 февраля 1930 года искусствоведы по требованию «Антиквариата» изъяли из Оружейной палаты

огромное количество произведений прикладного искусства. Серебро — так называемый Орловский сервиз, десятки изделий французских ювелиров XVIII века Огюста, Жермена и других — изъяли из собрания точно по известному справочнику «Опись серебра двора его императорского величества». Двухтомнику, составленному А. Е. Фелькерзамом и изданному в 1907 году гофмаршальской частью министерства императорского двора только для специалистов тиражом в 200 экземпляров.

С. Н. Тройницкий, всю жизнь специализировавшийся именно на таких вещах, а теперь вынужденный участвовать в изъятии их ради продажи за рубежом, твердо настаивал: «выделенная» часть собрания стоит никак не меньше 1 300 000 золотых рублей. Он исходил из значимости каждого образца, из места его создателя в истории западноевропейского прикладного искусства. Сотрудников же «Антиквариата» волновала только рыночная стоимость, а цены в период падения настоящего спроса были крайне низкими.

Мнение внешторговцев было категоричным — 680 тысяч, и ни рубля больше. Чтобы разом покончить с ненужным им обсуждением, они написали Хинчуку: «Мы ответили, что так как по договору Главнаука в течение 48 часов должна дать ответ, в случае, если через 48 часов не последует ответа, то предложенные нами лимиты считаются утвержденными. Таким образом, мы считаем предложенные нами лимиты... утвержденными»¹²⁸.

Столь же наглядно продемонстрировал «Антиквариат» право сильного и при обследовании музея-усадьбы Архангельское. Очередной разразившийся скандал с хранителями Самуэли излагал так: «Сообщаем, что две книги Тассо нами отправлены в Архангельский музей обратно, а библия в переплете Тувенэна, как не являющаяся для музея необходимой ценностью, нами отправлена в Ленинград»¹²⁹.

Чрезвычайные меры действовали. Поток художественных ценностей, еще недавно служивших украшением многих музеев страны, а теперь ставших просто экспортным товаром, непрерывно тек в адрес ленинградской конторы «Антиквариата». Стоимость их, по сознательно заниженным оценкам, составила 2 миллиона рублей, и это лишь за изъятое с 1 октября 1929 года по 1 апреля 1930 года¹³⁰.

В Ленинграде произведения искусства и памятники старины сортировали: часть уходила в Европу, другая — в США.

Основную часть советского экспорта антиквариата, 60 %, поглощала Германия: на 1 367 065 рублей только за последний квартал 1929 года. Чуть меньше трети — США: за тот же срок туда ушло ценностей на 710 445 рублей. Остальное в те же месяцы оседало в Австрии — на 134 500 рублей, Великобритании — на 47 280 рублей, Финляндии — на 22 300 рублей и во Франции — на 16 550 рублей¹³¹.

Причины именно такого распределения изъятых «Антиквариатом» ценностей искусства крылись в позиции, занятой тем или иным торгпредством, его готовностью или нежеланием участвовать в подобных коммерческих сделках, отражавшихся на престиже Советского Союза. Активно продолжали поддерживать экспортную политику Внешторга только сотрудники торговых представительств в Берлине и Вене, «Амторга» в Нью-Йорке. Открыто заявили о своем отказе сотрудничать с «Антиквариатом» в какой-либо форме руководители торгпредства в Париже и «Аркоса» Лондоне. Остальные просто уклонялись — молча, без объяснений.

Однако изъятия из государственных музеев даже по новым правилам так и не сделали страну богаче. Экспорт художественных ценностей еще не означал безусловного и быстрого их сбыта, поступлений на счета Госбанка СССР давно обещанной валюты.

Яркое свидетельство тому — переполненный склад в Берлине, арендовавшийся советским торгпредством. К 1 апреля 1930 года там скопилось икон, серебра, табакерок, фарфора, бронзы, мебели — и из только что поступивших партий, и из так и не нашедшего покупателей на аукционах 1928 и 1929 годов — на 2,45 миллиона марок (более миллиона золотых рублей), а картин — на 800 тысяч марок (400 тысяч золотых рублей)¹³². Все это, в строгом соответствии с установками СТО СССР по экспорту, необходимо было продать в ближайшие три месяца.

Сменивший Андрееву новый заведующий художественно-промышленным отделом торгпредства Д. Евсеев с тревогой отмечал: «Означенный план может быть осуществлен только в том случае, если немедленно, теперь же, будут посланы нам первоклассные вещи. Но даже и в таком случае он не давал твердых гарантий успеха: ведь цены на антиквариат продолжали стремительно падать. Так, подписной комод работы выдающегося краснодеревщика Делорма вместо обычных для него 70 тысяч марок с огромным трудом удалось продать всего за восемь тысяч. Картину Воувермана «Путешественники» при довольно стабильной стоимости полотен этого мастера в 40 тысяч марок — только за 13 тысяч...»¹³³

Уже не надеясь на посредничество фирмы «Рудольф Лепке», советское торгпредство в Берлине с готовностью соглашалось на любые предложения. Передали «Интернационалекунстаукционхауз» для дешевых распродаж на провинциальных аукционах по всей Германии картины и произведения прикладного искусства на 200 тысяч марок, сдали на комиссию ювелирной фирме «Непке» старинные изделия из серебра уже на вес — 600 килограммов.

И все же Внешторг не желал остановиться, продолжая безумные изъятия из музеев. Он по-прежнему настаивал на распродажах — кому угодно, за какую угодно цену, лишь бы не тратить валюту самому:

на новые страховки, упаковку, фрахт судов для перевоза назад, в Ленинград, оказавшихся за рубежом произведений искусства.

Почему же явно бездоходные распродажи продолжались?

Ведь происходившее достаточно наглядно демонстрировало: чем больше «Антиквариат» изымает из музеев экспонатов и отправляет за границу, тем стремительнее падают на них цены, все меньше находится покупателей. И никак не убывал долг фирме «Рудольф Лепке».

Воздействие на столь катастрофическую ситуацию оказывали два фактора. Во-первых, углублявшийся с каждым месяцем мировой экономический кризис приводил к неуклонному падению спроса абсолютно на все. Во-вторых, как еще два года назад и предостерегали Тройницкий и Ольденбург, переизбыток на антикварном рынке раритетов весьма серьезно влиял на их стоимость: она падала по мере поступления из СССР все новых и новых партий картин, мебели, бронзы, фарфора, гравюр, книг.

Понимали ли это во Внешторге? Безусловно. Не позже ранней весны 1930 года его руководителям следовало наконец признать ошибочность своей политики экспорта антиквариата и отказаться от нее. Но именно так никто из ее сторонников поступать не хотел – начиная с наркомов Микояна и Бубнова, с Хинчука и Самуэля и кончая Лупполом, директорами Эрмитажа и экспертами. Они слишком дорожили своим положением, карьерой, почему и пытались сохранить хорошую мину при плохой игре, полагаясь лишь на счастливый случай, который оправдал бы прежнюю практику и компенсировал бы все понесенные ранее потери.

Чтобы хоть отчасти реабилитировать себя, Внешторгу следовало срочно изыскать лазейки, возможности любой ценой расширить экспорт того, что действительно могло найти спрос на мировом рынке.

А значит — принести стране валюту, нехватка которой в самое ближайшее время могла стать губительной для начавшейся индустриализации.

Лазейка № 1. Галуст Гульбенкян

Первую лазейку отыскивали отнюдь не во Внешторге. И нашел ее председатель правления Госбанка СССР Пятаков лишь потому, что в прошлом ему пришлось детально заниматься нефтью и ее экспортом. И тогда, когда он работал в ВСНХ, и позже в Париже, когда был торгпредом.

Пятаков хорошо знал, что мировой нефтяной рынок поделен между такими монополиями-гигантами, как «Ройял датч — Шелл», «Англо-Першин», «Стандарт ойл оф Нью-Джерси», «Галф», несколькими другими. Он понимал, что в условиях кризиса Советскому Союзу не приходится даже надеяться на собственную значительную квоту, хотя имевшиеся в избытке бензин, керосин, мазутное топливо пока не находили сбыта внутри страны.

Поначалу, до кризиса, Пятаков никак не отреагировал на неназойливую, выраженную в весьма осторожной и корректной форме попытку Гульбенкяна склонить советскую сторону к возобновлению коммерческих отношений с ним.

«Вы, наверное, знаете, — писал он Пятакову 15 июня 1929 года, — что мы уже произвели перечисление 54 тысяч фунтов стерлингов. Я необычайно заинтересован в заключении новых сделок, особенно потому, что убежден: цены, которые я уплатил, могут быть подняты. Мне хотелось бы приобрести иные, более ценные произведения, но проблема кроется в том, что Ваши люди не хотят показывать их независимому эксперту-оценщику, который бы действовал энергично, предельно практическим и логическим образом»¹³⁴.

Но тогда Галуст Гульбенкян не нашел отклика; Пятакова торговля антиквариатом занимала мало,

а руководство Внешторгом пока предпочитало действовать предельно легально. Изменило оно свои намерения только в конце октября 1929 года, когда нефтяной магнат вновь подтвердил свое желание, несмотря ни на что, покупать у Советского Союза картины.

В очередном письме Гульбенкян уже поучал Пятакова:

«Ваши представители допустят ошибку, прекратив со мной более перспективное дело, нежели то, что уже завершено. Я не понимаю их колебаний, но полагаю, что они слишком осторожны в тот момент, когда все идет к концу, в том числе и всяческая торговля. Позвольте мне утверждать, что цены на произведения искусства подобны кредиту — они весьма изменчивы, всецело зависят от внешних обстоятельств. Крупные антиквары сообщили мне, что такая торговля в Америке прекратилась и, хотя цены падают, покупателей найти невозможно. Я не стремлюсь вынуждать или убеждать Вас. Вы достаточно хорошо знаете меня, чтобы понять: я ничего не предлагаю без должного на то основания».

Далее Гульбенкян характеризовал себя как редчайшего, едва ли не единственного покупателя произведений искусства из советских собраний, «ибо это — страсть, подобная неизлечимой болезни». Он добавлял: «Я предлагаю цены, в которых не только мои собственные знания, но и мнение заслуживающих доверия экспертов». И в заключение Гульбенкян вновь подчеркивал свой альтруизм, чисто дружеское отношение: «Я согласен на цены, которые, бесспорно, на 25 процентов выше любых, которые Вам предложат в США»¹³⁵.

Владелец «Тёркиш ойл» сумел добиться своего. Да и куда было деться Внешторгу в создавшихся условиях? Мнения и согласия искусствоведов, дирекции Эрмитажа теперь не нужно было спрашивать: вершили все Хинчук, Самуэли да их подчиненные — рядовые сотрудники «Антиквариата». А их заботил только

рост валютных поступлений: за то и получали они зарплату, благодарности, повышения в должности.

Уже в декабре 1929 года с Гульбенкяном возобновили деловые отношения, предложив приобрести пятнадцать великолепных образцов французского ювелирного искусства XVIII века и холст Рубенса «Портрет Елены Фурман». Все — из залов Эрмитажа, его постоянных экспозиций.

Гульбенкян охотно предложил за всё 150 тысяч фунтов, однако «Антиквариат» цену отверг как явно заниженную. «Я разочарован, — ответил нефтяной магнат. — Я был абсолютно убежден, что сделал блестящее предложение». Он считал, что его цена, «порожденная лишь страстью коллекционера», в действительности скорее завышена, нежели занижена. Но «Антиквариат» оказался непреклонным, и Гульбенкяну пришлось торговаться. Он сообщил, что готов уплатить теперь за перечисленные вещи лишь 140 тысяч фунтов, но если ему предложат еще и «Юдифь» Джорджоне, то он согласен отдать 150 тысяч за французское серебро и по 40 тысяч фунтов за каждую картину.

В конце концов стороны пришли к компромиссу, и в январе 1930 года Гульбенкян договорился с находившимся в Париже Самуэли о сделке. Нефтяник платил за серебро и картину Рубенса 155 тысяч фунтов, из коих 50 тысяч причитались за «Елену Фурман». В заключение выразил надежду, что их деловые операции на том не завершатся, а будут непременно продолжены¹³⁶.

О том, на что еще надеется Гульбенкян, говорилось в письме-отчете Самуэли, направленном Хинчуку:

«По окончании сделки он начал говорить о продаже новых вещей. Я заявил ему, что никаких предложений сделать не могу, но готов выслушать и передать все его конкретные предложения. Из названных им около 25 картин 15 были мною немедленно отвергнуты как не продающиеся нами.

Он просил, кроме того, сделать ему еще предложение на старинные монеты из золота из собрания Эрмитажа, на некоторые египетские вазы, а также на одну персидскую вазу XIV века, изображенную в книге Макаренко «Художественные сокровища императорского Эрмитажа» на 127-й странице»¹³⁷.

Пока Самуэли и Хинчук обдумывали, продолжать ли им сделки с Гульбенкяном, 19 февраля директору Эрмитажа Оболенскому поступило категорическое предписание:

«Предлагаю немедленно по предъявлении сего выдать лицу, которое укажет управляющий государственной конторы «Антиквариат» т. Ф. В. Горский, переименованные в прилагаемом списке предметы серебра (13 штук) и картину (имелся в виду «Портрет Елены Фурман». — Ю. Ж.), приняв все меры для соблюдения строжайшей секретности этого дела.

Председатель правительственной комиссии, замнаркома торговли СССР Л. Хинчук, от Наркомпрока — А. Бубнов»¹³⁸.

Паузу, возникшую между подписанием купчей и получением Гульбенкяном покупок, Внешторг поспешил использовать для того, чтобы вскоре не просто требовать с магната крупную сумму, а договориться с ним об уже упоминавшейся возможности использовать квоту его «Тёркиш ойл» для нелегальной продажи советской нефти за рубежом. Потому-то так тщательно, придирчиво шло обсуждение того, что же следует предложить Гульбенкяну на этот раз.

В марте начальник экспортного отдела торгпредства в Париже Биренцвейг, опираясь на рекомендации Москвы, смог назвать Гульбенкяну четыре картины старых мастеров, которые «Антиквариат» готов был уступить: «Портрет Титуса» и «Портрет Яна Собесского» Рембрандта; «Стакан лимонада» Герхарда Терборха, одного из лучших представителей голландской школы середины XVII; «Купальщицы» Николя Ланкре, любимого ученика Ватто, творившего в первой по-

ловине XVIII века. И все за 130 тысяч фунтов стерлингов.

Справедливо рассматривая советскую сторону более заинтересованной в этой уже третьей по счету сделке, Гульбенкян категорически отказался покупать картину Ланкре, а за три остальных холста предложил всего 80 тысяч фунтов. Мало того, он потребовал в придачу еще и статую великого скульптора Ж.-А. Гудона «Диана».

Биренцвейг, делая вид, что речь идет исключительно о произведениях искусства, торговался как барышник. Он настаивал на том, что если Гульбенкян хочет получить Гудона, то он должен еще купить и работу Ватто «Меццетен».

«Покупатель заявил мне, — отчитывался Биренцвейг руководству в Москве, неукоснительно сохраняя правила конспирации и не называя нигде Гульбенкяна по фамилии, — что он хотел бы от покупки Ватто отказаться, ибо он за это время купил в Берлине картины этого художника по более дешевой цене. Я с его точкой зрения не согласился и сказал, что мы не можем вести переговоры с музейным ведомством о передаче нам тех или иных картин и потом заявлять, что продать эти картины не можем. Поэтому он должен эту картину взять, а если мы возьмем, то мы в таком случае не дадим статуи. В конце концов покупатель согласился взять картину Ватто и за все предложил 123 тысячи фунтов»¹³⁹.

В мае нелегкие, многоплановые переговоры с Гульбенкяном удалось завершить. Он согласился приобрести два холста Рембрандта — «Портрет Титуса» и «Афины Палладу» (вместо «Портрета Яна Собесского»), полотна Ватто «Меццетен», Терборха «Урок музыки» (взамен «Стакана лимонада»), «Купальщиц» Ланкре и скульптуру Гудона «Диана». Уплатил за них 140 тысяч фунтов стерлингов.

Однако отправка купленных вещей их новому владельцу затянулась вплоть до того момента, пока от при-

чалов Батума и Туапсе не начали отходить танкеры под греческими флагами (своих у Советского Союза в то время имелось всего три общей грузоподъемностью всего 23 тысячи тонн). При разгрузке в европейских и азиатских портах предъявлялись вполне законные коносаменты, подтверждавшие: нефть, бензин, мазут принадлежат компания «Тёркиш ойл».

Только удостоверившись, что, по сути, контрабандный товар благополучно пошел к покупателям, а Внешторг сможет все же выполнить решение Политбюро о том, что половину поступлений от экспорта должен дать вывоз советской нефти и нефтепродуктов, в Эрмитаж 18 июня направили телеграмму:

«Директору Эрмитажа Оболенскому, копия Ильину, «Антиквариат», Мраморный дворец.

Передайте [по] ходатайству [в] распоряжение «Антиквариата» картины: 1)Рембрандт Паллада, 2)Рембрандт Титус, 3)Ватто Музыкант, 4)картина Стакан лимонада, 5)Гудон Диана. А.Бубнов»¹⁴⁰.

Отдавая распоряжение об очередном изъятии, нарком просвещения исходил из устаревших данных, — видимо, ему не сообщили о произошедшей замене. Зато «Антиквариат» был осведомлен несколько лучше: принимая по акту музейные экспонаты, он сам, без согласования с Москвой, заменил «Стакан воды» на холст Питера де Хоха «Концерт», продемонстрировав полную неразбериху и путаницу, царившую в его ленинградской конторе.

В последний раз напомнил о себе нефтяной магнат незадолго до завершения дел с Внешторгом. 17 июля 1930 года Гульбенкян направил Пятакову пространное письмо, названное им «Меморандум», где позволил себе высказать все, что он думал о советском руководстве, его непродуманных действиях:

«Я знаю, что Вы не интересуетесь вопросами, касающимися произведений искусства, и что Вы заявляете, что совершенно некомпетентны в этом деле и лишь для того, чтобы мне было приятно, проявили

чрезвычайную любезность, связав меня с Вашими ответственными и заинтересованными в том управлениями. Точно так же Вы знаете, что я всегда придерживался тезиса, что произведения, хранящиеся в Ваших музеях на протяжении многих лет, не должны распродаваться, ибо они представляют собой не только национальное достояние, но и обширный воспитательный фонд и, одновременно, величайшую национальную гордость, а если сведения об их распродаже проникнут в публику, то этим будет нанесен ущерб кредиту Вашего правительства.

В самом деле, тогда пришли бы к заключению, что Вы дошли до крайнего состояния, раз вынуждены выпускать из рук произведения, стоимость которых, по существу, не даст значительных поступлений государству. Вы располагаете данными для суждения о психологии и мышлении распорядителей кредитов за границей, и я могу заверить Вас, что продажи, проведенные за счет Ваших музеев, производят скверное впечатление, и они не могут не повлиять на психологию финансистов, уменьшат Ваш престиж за рубежом.

После всего сказанного Вы вправе спросить, почему же я пишу Вам об этом, когда и сам стремлюсь приобрести эти произведения.

Вы, вероятно, помните, что я всегда рекомендовал Вам и продолжаю советовать Вашим представителям не продавать Ваши музейные ценности, ну а если Вы все же собираетесь продавать их, то отдать мне предпочтение при равенстве цены, и просил держать меня в курсе того, что Вы намереваетесь продать.

В настоящем меморандуме я хотел бы обратить Ваше внимание на то, что Ваши представители игнорируют наши сердечные и дружеские отношения и, желая, видимо, схитрить, скрывают от меня сведения о тех произведениях искусства, которые намереваются продать. Устраивают распродажи произведений искусства из Ваших музеев втихомолку, не обращая внимания, что те уже находятся в Америке. В публике уже

много говорят об этих продажах, которые, по моему мнению, наносят огромный ущерб Вашему престижу (особенно продажи г-ну Меллону, который очень на виду). Возможно, что в некоторых случаях в Америке Вам и удастся добиться более высоких цен, нежели предлагаемые мною. Однако невыгодность сделок, совершенных таким образом, настолько значительна с точки зрения престижа, пропаганды и огласки, что мне приходится лишь удивляться, что Вы все же идете на них.

Ваша беда в том, что большинство Ваших представителей не отдает себе отчета в необходимости учитывать совокупность весьма многих обстоятельств. Иными словами, тот, кому поручено продать картину или произведение прикладного искусства, воображает, что достигает наибольшего успеха, просто найдя выгодного покупателя, не считаясь с иными последствиями заключенной сделки. Эти чиновники не понимают, какой вред наносят Вашей кредитоспособности. Их совершенно не волнует то негативное впечатление, которое создается распродажей ценностей из Ваших музеев.

Торгуйте чем хотите, но только не тем, что находится в музейных экспозициях. Продажа того, что составляет национальное достояние, дает основание для серьезнейшего диагноза. Делать что заблагорассудится Вы можете лишь в том случае, если не испытываете нужды в заграничных кредитах. Но ведь Вы прибегаете к этим кредитам и в то же время в тех же самых кругах дискредитируете сами себя. Не забывайте, что те, у кого Вы просите кредиты, и являются покупателями Ваших музейных ценностей.

Скажу откровенно, Вы не должны были продавать даже мне, а возможно — мне менее чем кому бы то ни было. Я говорю это для того, чтобы Вы не подумали, что я забочусь лишь о том, чтобы стать Вашим монопольным покупателем.

Но вернусь ко второй цели меморандума, а именно: если Вы, несмотря на все мои советы и настояния

не продавать музейные ценности, все же решитесь расстаться с ними, я был бы весьма Вам признателен, если бы Вы дали распоряжение не скрывать ничего от меня и информировать загодя о желании продать наиболее ценные произведения искусства, особенно те, список которых я передал г-ну Биренцвейгу.

Я хотел бы также знать, принято ли какое-либо решение о продаже музейных ценностей (какой ущерб для Вашего престижа!) и в положительном случае получить каталог и фотографии, чтобы сделать выбор самому. Я сделаю все возможное, дабы предложить наиболее высокие цены. Однако Вы, разумеется, не обязаны поддаваться на мои уговоры, если только сумеете получить от другого цену большую, чем моя.

Произведения искусства не являются обычным, заурядным товаром, и цены на них зависят и от собирателя. Моя совесть чиста, так как я всегда был с Вами максимально щедрым, в то время как Ваши представители разыгрывали со мной комедию. Я надеюсь, что благодаря Вашему влиянию таким отношениям будет положен конец.

До сих пор все сделки, заключенные со мной, сохранялись в тайне, но теперь я вижу, что обставлял их чрезмерными предосторожностями. И это тогда, когда Ваше управление легко поддавалось влиянию посредников и прибегало к таким методам, которые противоположны интересам Вашего правительства.

Если, несмотря на все сказанное, Вы все же решитесь на продажу ценностей из Ваших музеев (а я настаиваю на том, что этого делать Вам не следует), то вместо того, чтобы их продавать посредникам, пусть все в открытую продажу на рынке, ибо наивная игра в прятки, практикуемая сейчас, принесет только убытки. Те, кому поручены эти операции, не отдают себе в том отчета, игнорируют огромный косвенный вред, причиняемый ими же. Я рассмеялся, когда один из них заявил мне, что во время Французской революции также распродавались собрания Версаля. Что за

наивное простодушие, что за незнание эпохи и обстоятельств!»¹⁴¹

На столь унижительные поучения ни Пятаков, ни внешторговцы не обиделись. Прозрение и так не могло не наступить, хотя пришло оно слишком поздно, жуткой ценою двухлетних безумных распродаж, принесших в итоге лишь одни убытки. И без «Меморандума» становилось достаточно ясным все то, что Гульбенкян вменял им в вину, посчитав вопиющим непрофессионализмом и даже глупостью.

Да, они уже осознали, что продажа экспонатов, хорошо известных в мире по каталогам Эрмитажа и других музеев, нанесла невосполнимый ущерб престижу страны, выглядела как неоспоримое свидетельство катастрофического положения экономики. Но ведь так оно и было!

Летом 1930 года, вторым летом пятилетки, Советский Союз уже просто не мог, даже если бы захотел, замедлить темпы: слишком много средств оказалось вложено в индустриализацию. Момент, когда еще можно было что-то изменить, давно миновал. И теперь омертвить затраченные деньги, валюту, отложив завершение строек (даже в новых, предельно сокращенных масштабах), было невозможно: тогда-то и наступил бы настоящий крах.

Потому и проглотили Внешторг и Пятаков обиду, более того, остались верны прежним договоренностям. За воистину спасительную помощь в продаже нефти они уступили Гульбенкяну в сентябре еще и обещанную ему картину Рембрандта «Портрет старика» за 30 тысяч фунтов стерлингов. Они даже не удержались от прощального подарка, выразив тем самым благодарность за бесценное содействие в трудную минуту.

Самуэли в конце сентября писал Пятакову:

«Гульбенкян некоторое время тому назад через тов. Биренцвейга обратился к нам с просьбой продать ему какую-то золотую чернильницу, находящуюся

в Петропавловском музее. Одновременно с этим мы купили в Ленинграде одну золоченую чернильницу, находившуюся в Петропавловском музее, за 150 рублей. Я послал фотографию этой чернильницы в Париж, на которую Гульбенкян ответил, что это не та чернильница, но тоже интересует его. Так как стоимость этой чернильницы небольшая, может быть около 1000 рублей, у меня возникла мысль послать ему чернильницу в подарок от Вашего имени.

Я запросил тов. Биренцвейга, как он думает об этом. Он ответил следующее:

«Мне чрезвычайно понравилась Ваша мысль преподнести ее в качестве подарка от имени тов. Пятакова. Это несомненно доставит ему большое удовольствие и на некоторое время избавит нас от его постоянных жалоб и нареканий. Постарайтесь добиться согласия и заставьте тов. Пятакова написать ему несколько слов.

Прошу Вас, черкните свое мнение. Если Вы согласитесь, то мы пошлем Гульбенкяну чернильницу. Конечно, франко, без расходов для Вас»¹⁴².

Пятаков согласие дал, и подарок отправился в Париж. На том операция с Гульбенкяном завершилась.

Лазейка № 2. Эндрю Меллон

Небольшой отрезок Пятой авеню в районе Сентрал-парка, между 70-й и 90-й улицами, нью-йоркцы называют Мюзем майл — Музейной милей. Здесь на расстоянии пятисот метров друг от друга находятся три богатейших музея. Два — всемирно знаменитые: Гугенхайма и Метрополитен, а еще один, о котором знают только истинные любители живописи, — Фрик коллекшн.

Старый, построенный еще в начале XX века и окруженный скромным садом трехэтажный особняк хранит уникальное собрание умершего в 1919 году мил-

лионера Генри Клея Фрика. Полотна Ван Эйка, Пьеро делла Франческа, Беллини, Тициана, Гольбейна, Веронезе, Эль Греко, Хальса, Веласкеса, Ван Дейка, Рембрандта, Вермера, Буше, Гейнсборо, Гойи, Ланкре размещены в залах, даже не напоминающих музейные, без какой-либо системы. Холсты развешаны вперемешку, сознательно игнорируются место и время их создания, преднамеренно подчеркнуто лишь одно, самое главное — высочайший уровень мастерства.

Фрик собирал картины не сам — не имея для того ни вкуса, ни знаний, он просто доверился опыту и профессионализму нанятых искусствоведов. Ну а те уже рыскали по странам Европы, выискивая на аукционах все то, что украсило, обогатило бы частную галерею, и заодно дополняли ее художественной мебелью, фарфором, напольными и каминными часами, коврами.

Вдова Фрика Эллен, выполняя волю мужа, продолжала пополнять это уникальное для Соединенных Штатов собрание, которое после ее кончины — в 1935 году — открылось для публики.

Но еще раньше один из постоянных партнеров Фрика по покеру, миллиардер Меллон, заразился той же страстью. Он тоже начал собирать старую европейскую живопись, мечтая создать более грандиозную коллекцию.

Эндрю Уильям Меллон сумел устоять во время кризиса. Президент семейного предприятия — банковского дома «Томас Меллон энд сан», одновременно являлся председателем правления более двадцати крупнейших корпораций, в том числе «Алкоа», «Галф ойл», «Юнайтед Стейтс стил», «Стандарт стил кар компани», «Нью-Йорк шипбилдинг компани». С 1921 года Меллон занимал пост бессменного секретаря (министра) по вопросам финансов в администрации президентов Гардинга, Кулиджа и Гувера, что придавало ему необычайный вес в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Коллекционировать живопись Меллон начал только в 1921 году, когда его назначили министром

финансов Соединенных Штатов. Именно тогда гостиную новой квартиры Меллона в Вашингтоне украсили первые полотна выдающихся английских портретистов XVIII века Томаса Гейнсборо, Джошуа Рейнольдса и Генри Ребёрна. Собрание росло столь быстро, что уже шесть лет спустя Меллон стал подумывать о превращении его в общедоступный, хотя и остающийся частным, музей.

В отличие от Гульбенкяна, американский миллиардер сам картины никогда не искал и не покупал. Как и Фрик, он полностью доверился антикварам. Главными его поставщиками стали три фирмы: нью-йоркская «Кнёдлер» Чарлза Хеншела, лондонская «Кольнаги», принадлежавшая Гутекунсту, и берлинская «Маттисен». Владелец последней, Затценштейн, как раз в то время сменил свою явно еврейскую фамилию на более благозвучную для англо-саксонского слуха Маттисен — от названия собственной галереи.

Именно эта тройца, узнав о первых сделках Гульбенкяна (который так настойчиво пытался внушить Пятакову, что он-де хранит коммерческую тайну!), привлекла внимание Меллона к ленинградскому Эрмитажу и попыталась перехватить намечавшийся контракт и заработать на нем.

В первых числах января 1930 года Гас Мейер, сотрудник Гутекунста, телеграфировал Хеншелю (Кнёдлер, финансируемый банком Меллона, был наиболее кредитоспособен):

«Гульбенкян покупает «Титуса» и «Фурман». Когда поступят предложения, он будет иметь возможность поднять цену. Менсфилд (сотрудник «Галереи Маттисен». — Ю. Ж.) дано указание изменить ситуацию в нашу пользу. Джо (Дьювин, сотрудник «Кнёдлер». — Ю. Ж.) развивает бурную деятельность»¹⁴³.

Реакция Хеншела, почуявшего запах очень больших денег, оказалась молниеносной. 15 января он направил четкие указания своему представителю в Ленинграде Джорджу Дэви:

«Дорогой Джордж!

Я хотел бы, чтобы Вы связались с Гутекунстом и узнали у него все детали, а потом договорились с Затценштейном о встрече с целью посмотреть картины... При отборе вещей мы будем руководствоваться приятностью сюжета, размером полотна и его состоянием. Например, Рубенс, о котором упомянул Гутекунст в телеграмме, без сомнения прекрасное произведение искусства, но картина неудобного формата и очень большая. Поэтому это не та вещь, в которую мы хотели бы вложить деньги, по крайней мере, такую сумму, как 80 тысяч фунтов (400 тысяч долларов). Она, возможно, и стоит таких денег, но не для нас. Относительно «Титуса» Рембрандта, я могу судить о нем только по книгам и исходя из размера картины. Если сравнивать с прекрасным автопортретом, который мы приобрели год назад, эта картина не стоит и половины, или приблизительно 25 тысяч фунтов (125 тысяч долларов), или чуть больше»¹⁴⁴.

В предстоящих операциях с покупкой экспонатов из Эрмитажа три фирмы оказались тесно связаны: Гус Мейер играл основную роль во всех сделках с «Антиквариатом», Менсфилд поставлял всю необходимую информацию о возможных изъятиях, а Хеншел располагал необходимыми оборотными средствами. Тем не менее партнеры ничуть не доверяли друг другу: каждый опасался обмана, возможных просчетов и ошибок других, что могло привести к крупным финансовым потерям. Поэтому Дэви в письме своему боссу Хеншелю выразил весьма серьезные сомнения в возможности успешной сделки, обвиняя берлинскую и лондонскую фирму:

«Дорогой Чарлз!

Из всего увиденного и услышанного я сделал вывод, что они (сотрудники «Антиквариата». — Ю. Ж.) не хотят продавать лучшие картины. Они прекрасно отдают себе отчет, чем они обладают. Затценштейн не оказывает никакой помощи. Я чувствую, он недоволен

моей поездкой в Россию и напуган, как бы я не встретился с официальными представителями. Я жалею, что последовал его совету, так как все, что мне нужно было сделать, — это попросить моего друга дать мне карточку для директора Эрмитажа, который показал бы мне все необходимое. Я написал бы тогда лучший доклад. Через моего друга я мог бы получить все желаемые картины, предложив ему 10 или 5 процентов комиссионных»¹⁴⁵.

И все же, несмотря на распри между поставщиками, Кармен Мессмор, младший партнер Чарлза Хеншела, поспешил сделать Меллону деловое предложение. 24 апреля 1930 года он писал:

«Уважаемый мистер Меллон!

Вы уполномочили нас приобрести для Вас некоторые картины из собрания Эрмитажа в Петрограде. В том случае, если Вы захотите оставить картины у себя, Вы выплачиваете нам 25 процентов от стоимости картины. В противном случае мы продаем их от Вашего имени и платим 25 процентов с прибыли, которую мы получили при продаже.

Мы познакомили Вас с репродукциями картин, которые мы решили купить из названной выше коллекции. Мы приобретем их по цене, по которой, мы считаем, их можно продать, получив при этом 50 процентов прибыли, если Вы не захотите оставить их для своей коллекции»¹⁴⁶.

Хеншел, Маттисен и Гутекунст полагали: они сами, используя лишь информацию, полученную от Гульбенкяна, вышли на «Антиквариат», чтобы подготовить сделку в интересах Меллона и приобрести для него несколько картин из Эрмитажа. Они и не подозревали, что стали марионетками в чужой игре. Кремль использовал их в своей новой попытке сделать рывок для значительного расширения советского экспорта.

К январю 1930 года, когда и начала готовиться первая продажа для Эндрю Меллона из собрания

Эрмитажа, советско-американская торговля достигла высшего уровня за все межвоенное двадцатилетие. США поставляли в СССР автомобили, тракторы, прокат, цветные металлы, хлопок, каучук и многое другое, но все на основе долгосрочного кредита. Американский ввоз стремительно нарастал с началом выполнения пятилетнего плана. Так, относительно высокий уровень 1927 года всего три года спустя оказался превзойден почти в два раза. Однако ответный грузопоток оставался настолько скудным, что никакой надежды добиться в ближайшее время хотя бы паритета не давал. В начале 1930 года актив США составил свыше 3 миллиардов долларов, что сделало эту страну нашим вторым (после Германии) кредитором.

Причина заключалась не только в значительной разнице экономических потенциалов, уровней промышленного развития. В условиях охватившего земной шар кризиса все страны, в том числе и США, вводили не только откровенно протекционистские таможенные тарифы, но даже эмбарго на ввоз значительных групп товаров. Подобными мерами страны-производители стремились всемерно поддержать собственную промышленность, оградив ее от конкуренции зарубежных производителей – в том числе и от советского демпинга, ставшего для Советского Союза единственным средством, позволяющим хоть как-то удерживаться на мировом рынке.

Обвинения в демпинге отнюдь не были беспочвенными. Так, осенью 1930 года Внешторг сумел продать во Францию пшеницу только по 65 франков (4,3 золотого рубля) за центнер при мировой цене 80 франков. Правда, тем же грешили практически все слаборазвитые страны. Так Румыния сумела сбыть свое зерно, еще больше снизив его стоимость.

Однако демпинг давал лишь одноразовую прибыль, а затем приводил к закрытию даже старых рынков для традиционных советских экспортных товаров – нефти, хлеба, леса, пушнины. СССР пытался со-

противляться, бороться в разгоравшейся торговой войне против всех. При этом приходилось использовать различные методы. Сначала, к июлю 1930 года, Советский Союз существенно сократил импорт, ограничив его поставками только по заключенным ранее сделкам, а затем начал вводить прямые запреты. В соответствии с принятым 20 октября постановлением СНК «Об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый ограничительный режим для торговли с Союзом ССР», руководство потребовало от Наркомторга и ВСНХ «совершенно прекратить или максимально сократить закупки и заказы в этих странах, прекратить использование тоннажа этих стран»¹⁴⁷.

Можно ли было вообще рассчитывать на преодоление возникших барьеров в мировой торговле? Так или иначе, приходилось пытаться сделать это любой ценой – даже повторением тайной сделки, наподобие той, что была заключена с Гульбенкяном. Но согласится ли Меллон сыграть схожую роль?

Рассмотрим в хронологической последовательности коммерческие отношения Эндрю Меллона с правительством СССР и его действия как министра финансов.

Первая сделка, в марте 1930 года, сделала Меллона обладателем картины Ван Дейка «Портрет Филиппа герцога Уортона» за 250 тысяч фунтов стерлингов. В апреле, при посредничестве той же антикварной фирмы Кнёдлер», он приобрел еще три полотна: «Портрет молодого человека» Хальса и «Девушка с метлой» Рембрандта. Они обошлись коллекционеру в 575 тысяч фунтов. Вскоре собрание Меллона пополнилось, после уплаты 223 тысяч долларов, картиной Рубенса «Портрет Изабеллы Брант».

Между тем действия министра финансов США наглядно демонстрировали, что он решительно отделяет себя как частное лицо и собирателя живописи от государственного служащего, члена администрации

президента Герберта Гувера. В самый разгар покупок из галереи Эрмитажа Меллон запретил ввоз в Соединенные Штаты советских спичек, мотивировав свое решение тем, что такой импорт наносит серьезный ущерб интересам американских производителей.

И все же Внешторг не прекратил свое оказываемое односторонним сотрудничество с миллиардером.

В первых числах мая Чарлз Хеншел решил сам отправиться в Советский Союз, в Ленинград. Когда он пересекал Атлантику на борту лайнера «Олимпия», его вдруг попросили к редкому тогда на кораблях междугородному телефону. Звонил Менсфилд, сотрудник Маттисена, сообщивший: «Русский по фамилии Ильин (председатель правления «Антиква». – Ю. Ж.) находится сейчас в Берлине. Он говорит, что они продадут Ван Эйка (его картину «Благовещение». – Ю. Ж.) за 500 тысяч долларов»¹⁴⁸.

Хеншел незамедлительно перезвонил в Нью-Йорк Месмору и потребовал от него срочно согласовать возможную покупку с Меллоном. Ответ его порадовал: «Меллон просит продолжить торг и приобрести картину подешевле. Деньги будут переведены в лондонскую «Гаранти траст компани»¹⁴⁹.

Через несколько дней Ильин получил чек на полмиллиона долларов и передал Менсфилду прекраснейшее произведение великого нидерландского живописца XV века.

Спустя неделю конгресс США принял билль Смэт Хоули, вводивший необычайно высокие тарифы на все импортные товары, основываясь на статье 307 этого закона, а также на рекомендациях государственного секретаря Генри Стимсона, который поддержал появившиеся в американской прессе сообщения о том, что советские власти используют на лесозаготовках труд заключенных. Эндрю Меллон в июле ввел эмбарго на ввоз всех видов лесоматериалов из СССР.

И все же с июля 1930 по февраль 1931 года он смог приобрести еще восемь картин, более столетия

украшавших залы Эрмитажа. В его собственность перешли «Турок», «Женщина с гвоздикой» и «Иосиф, обличающий жену Потифара» Рембрандта, «Портрет фламандки» и «Сусанна Фурман с дочерью» Ван Дейка, «Святой Георгий» Рафаэля, «Портрет папы Иннокентия X» Веласкеса и, наконец, одна из жемчужин итальянской школы эпохи Возрождения «Поклонение волхвов» Сандро Боттичелли. За нее Меллон заплатил огромную по тем временам сумму – 838 тысяч долларов.

Недоумевающий Маттисен риторически вопрошал Чарлза Хеншела в письме от 14 января 1931 года:

«Лично я не могу понять, почему они (сотрудники Наркомторга. – Ю. Ж.) продают свои картины. Ведь они торгуют так много и получают большие, гораздо большие суммы, чем на продаже картин. Я не верю, что они вынуждены делать это»¹⁵⁰.

Внешторговцы думали иначе. Как раз тогда в Москву поступила записка Б. Е. Сквирского, с 1922 года неофициального представителя РСФСР, а с 1923 года – дипломатического агента СССР в США. В ней содержалась крайне важная информация об Эндриу Меллоне: о его реальной роли в администрации президента, о деловых интересах как бизнесмена, а главное — о потребностях его двух сталелитейных компаний в марганце. В это время десятки тысяч тонн марганца скопилось в Грузии, никак не находя покупателя.

Внешторг наконец понял, что же следует просить за уже проданные четырнадцать шедевров Эрмитажа.

В конце февраля 1931 года Меллон как министр финансов дал официальное разрешение на импорт в США советской марганцевой руды, к тому же в обход билля Смэт Хоули, с минимальными ввозными пошлинами. Скандал, поднявшийся было в конгрессе, удалось быстро прекратить. Достаточным оказалось просто объяснить: этот марганец совсем недавно был добыт концессионной Чиатурской компанией, при-

надлежавшей американскому гражданину Авереллу Гарриману.

За следующие два месяца 1931 года, март и апрель, Эндрю Меллон стал обладателем еще семи шедевров Эрмитажа: «Откровение Моисея» Веронезе, «Вильгельм II Нассауский и Оранский» Ван Дейка, «Портрет офицера» Хальса, «Карточный домик» Шардена, «Распятие» Перуджино, «Мадонна Альба» Рафаэля, «Венера с зеркалом» Тициана. Он заплатил за них почти 2,5 миллиона долларов, в том числе 1 166 400 долларов – за творение Рафаэля. На то время это была самая высокая цена, уплаченная за одну картину.

Первые пять полотен сотрудники «Антиквариата» передали в галерею «Маттисен» в Берлине. Холсты Рафаэля и Тициана доставили в Нью-Йорк прямо покупателю Н. Н. Ильин и член коллегии недавно образованного Наркомата внешней торговли Б. И. Краевский.

Эту сделку с Меллоном внешторговцы не считали последней. Они предложили Чарлзу Хеншелу приобрести для американского коллекционера еще несколько шедевров, в том числе «Юдифь» знаменитого мастера Джорджоне и «Мадонну Бенуа» великого Леонардо да Винчи – за 2,5 миллиона долларов. О возможной сделке фирма «Кнёдлер» тут же, 11 апреля 1931 года, информировала миллиардера:

«Мистер Меллон!

Сообщаю Вам также относительно Джорджоне и двух вещей Леонардо (помимо «Мадонны Бенуа» работники Внешторга решили продать и «Мадонну Литту». – Ю. Ж.). Они назвали цену в 700 тысяч фунтов (3,5 миллиона долларов) за три картины и 500 тысяч фунтов (2,5 миллиона долларов) за Джорджоне и «Мадонну Бенуа» Леонардо. В эту партию они хотели бы включить хотя бы три из названных ранее картин.

Пожалуйста, подумайте, хотите ли Вы предложить им следующую цену за шесть картин: Джорджо-

не – 170 тысяч фунтов, Леонардо – 120 тысяч, Леонардо – 100 тысяч, де Хох – 30 тысяч, Мурильо – 12 тысяч, Симоне Мартини – 10 тысяч. Всего 450 тысяч фунтов, или два миллиона двести пятьдесят тысяч долларов.

Если выгодно заключить эту сделку, мы приобретем лучшие вещи всей их коллекции. Единственно ценное, что осталось, это Джорджоне и два Леонардо. Позднее мы сможем купить раннего Веласкеса и Филиппино Липпи по низкой цене, надо это сделать»¹⁵¹.

Почти месяц продолжалось согласование цен: антиквары стремились купить дороже, дабы получить большую сумму за свои 10 % комиссионных, а Меллон пытался цену, естественно, сбить. Даже в мае торг не завершился, что отметил в своем письме Хеншел:

«Кармен (Мессмор. – Ю. Ж.).

Сегодня утром я сказал нашему русскому другу, что, по-видимому, нас не интересует Джорджоне по той цене, которую они предлагают. Он сказал, что не огорчен, так как сможет продать картину Джо (Дювинну. – Ю. Ж.) и что нам не надо больше беспокоиться. Я также сказал ему, что цена на де Хоха явно завышена и что 25 тысяч фунтов (125 тысяч долларов) будет максимальная ее стоимость. Я даже сомневаюсь, можно ли ее продать за такие деньги. Он ответил, что им совсем не обязательно продавать все вещи и они продадут их только в том случае, если получат хорошую цену.

Если Джо купит Джорджоне и сообщит об этом в газетах, нам нужно реагировать сильным ударом – статьей о наших покупках, написанной в привлекательной форме. Конечно же ни при каких обстоятельствах не надо упоминать имени Э. У. М. (Эндрю Меллона. – Ю. Ж.). Пресса должна взять это на себя. А его надо предупредить, что его имя может появиться в газетах»¹⁵².

К счастью для Эрмитажа, запланированная и почти согласованная сделка не состоялась из-за того, что

Меллон покинул свой пост в Вашингтоне и был назначен послом США в Лондоне. Однако имя его в связи с покупками картин из эрмитажной галереи все же появилось в газетах. Об этом, в частности, писала «Нью-Йорк таймс» 28 сентября и 1 ноября 1930 года, 11 мая и 17 сентября 1931 года.

Посольство СССР в Париже официально опровергло факт продажи картин из Эрмитажа Эндрю Меллону, не погрешив при том против истины. Действительно, никакое советское учреждение либо частное лицо не вступало ни в какие отношения с министром финансов США. Все дела «Антиквариат» вел только с Чарлзом Хеншелом, главой старой и почтенной американской антикварной фирмы «М. Кнёдлер энд К^о». Именно он юридически, по всем бумагам, являлся покупателем эрмитажных сокровищ. Действовал же Хеншел на основе той информации, которую ему предоставлял глава берлинской антикварной фирмы «Маттисен галери» и ее московский агент Менсфилд. Лишь потом, и не без выгоды лично для себя, он перепродавал картины Меллону, делая собственный бизнес. Хеншел недолго хранил первую часть своей коммерческой тайны — что и где приобрел, умалчивая только о том, за сколько купил, кому и по какой цене продал. 7 ноября 1933 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала его заявление для печати, в котором, в частности, отмечалось:

«Четыре года назад мы получили конфиденциальную информацию о том, что Советы решили сделать некоторые из своих величайших произведений искусства вкладом в осуществление пятилетнего плана. Как только возможность покупки нескольких всемирно известных картин стала нам известна, мы предприняли шаги для установления контактов с соответствующими официальными лицами. Вскоре мы приступили к торговым сделкам и за четыре года приобрели многие произведения искусства, которые впервые оказались в России при Екатерине Великой. Советы с неохотой

расставались с частью из них, продав свои величайшие художественно-культурные ценности...

Русские поначалу не хотели расставаться с «Распятием» и «Страшным судом» (две створки триптиха, проданные Меллону в 1933 году. – Ю. Ж.), ибо Ван Эйк – родоначальник и величайший представитель фламандской школы. Но все же сочли возможным обойтись меньшим количеством его творений. Произошло это за четыре года до того, как мы смогли пополнить Метрополитен-музей и «Распятием», и «Страшным судом».

Хеншел обязан был говорить только правду, в противном случае он рисковал своим добрым именем. И все же ему приходилось – ради судьбы фирмы, ее будущих доходов – не оглашать имен клиентов. Потому он и умолчал о промежуточном владельце – Меллоне, надеясь на возможные в будущем сделки с ним.

3 марта 1933 года Хеншел писал Менсфилду: «По-видимому, мистер Меллон скоро вернется сюда (из Лондона в США. – Ю. Ж.), и я надеюсь убедить его заключить нечто вроде сделки по вопросу о Джорджоне (его картине «Юдифь». – Ю. Ж.). В том случае, если он захочет купить эту картину, я уверен – он вернет «Женский портрет» Ван Дейка или «Турка» Рембрандта (или обе). Я намереваюсь собрать группу из произведений французских художников, Ван Эйка (Метрополитен-музей) и Джорджоне и выдвинуть ряд положений по поводу их всех. Вовлечены будут большие деньги, что может понравиться Ильину»¹⁵³.

На новые покупки из Эрмитажа Хеншел надеялся напрасно: все деловые отношения с ним Внешторг уже, как оказалось, завершил.

Крик души

За рубежом о продаже экспонатов советских музеев знал каждый, кого это интересовало. Ведь аукционы проходили не просто открыто: в их каталогах спе-

циально подчеркивалось происхождение выставлявшихся вещей – прежде, мол, они украшали дворцы Строгановых, Шереметевых, Палей, загородные императорские резиденции. Широко известными из-за огласки в печати стали и тайные сделки с картинами из Эрмитажа.

Для жителей Советского Союза все это являлось тайной: писать о распродаже категорически воспрещалось. Тем не менее все происходившее для ленинградских искусствоведов было секретом Полишинеля: ведь именно им и приходилось собственными руками изымать полотна и бронзу, фарфор и мебель, археологические находки, составлять и подписывать акты передачи всего этого представителям «Антиквариата».

Участвуя несколько лет в подобных акциях, они постепенно свыклись с ними и даже активно помогали скрывать следы, не раз изменяя экспозиции.

И все же смирились, молчали далеко не все. Осенью 1931 года, когда практически завершались сделки и с Гульбенкяном, и с Меллоном, начальнику Главнауки Лупполу пришлось услышать подлинный крик души.

В. Н. Лазарев – директор московского Музея изящных искусств (с 1937 года – Музей изобразительных искусств имени Пушкина), неисповедимыми путями узнал о колоссальном ущербе, нанесенном национальному наследию. Первым, чисто импульсивным его решением оказалось желание подать в знак протеста в отставку; но чуть позже, несколько успокоившись, он направил И. К. Лупполу свой протест:

«Считаю своим долгом обратить Ваше внимание на то вопиющее положение вещей, которое создалось в музеях СССР в связи с деятельностью «Антиквариата», совершающего один перегиб за другим.

В настоящее время «Антиквариат» имеет антикварных ценностей на сумму ок. 45.000.000. Специально назначенная бригада выделила в плановом порядке ценностей на 30.000.000 (из них 6.000.000 спорных), старые музейные выделения составили сумму при-

мерно в 15.000.000. Весь этот товар является абсолютно экспортным, поскольку он состоит в своей подавляющей части из первоклассных вещей (достаточно сказать, что бригада выделила наряду с картинами Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка и такой шедевр, как «Мадонну с безбородым Иосифом» Рафаэля). Особенно значительны полученные «Антиквариатом» памятники прикладного искусства (мебель, гобелены, серебро), представляющие совершенно уникальные предметы. Владея тем, что находится в его распоряжении, «Антиквариат» является в настоящее время крупнейшей антикварной фирмой мира. Несмотря на это, возглавляющие «Антиквариат» лица систематически распространяют слухи, будто бы музеи выделили им лишь хлам, не имеющих никакого экспортного значения. Ничего не понимая в антикварном товаре, специфичность которого они абсолютно не улавливают, работники «Антиквариата» сознательно вводят в заблуждение ответственных партийных товарищей, поскольку они внушают им мысль, что нельзя ничего продать, кроме мировых уникальных шедевров.

В результате у музеев забирают, в самом анархическом порядке, такие вещи, которые составляют основу крупнейших музеев СССР и уход которых приводит фактически к полному распаду прославленных на весь мир художественных коллекций. Не преудержая даже Наркомпрос, «Антиквариат» продал за границу за полтора года следующие шедевры, относящиеся к числу стержневых вещей Эрмитажа и Гос. музея изящных искусств: 1) Д. Боутс «Благовещение»; 2) Ван Дейк «Портрет Филиппа Уортона»; 3) Рембрандт «Ян Собесский»; 4) Рембрандт «Девочка с метлой»; 5) Ван Эйк «Благовещение»; 6) Рубенс «Портрет Елены Фурман»; 7) Ван Дейк «Портрет Сусанны Фурман с дочкой»; 8) Хальс «Мужской портрет». Интересно отметить, что две последние вещи были проданы за границу, несмотря на то что они были переданы, в порядке планового музейного обмена,

из Эрмитажа в московский Музей изящных искусств. Это было тем более недопустимо, что широкая советская общественность была прекрасно осведомлена о полученных из Ленинграда картинах. Она видела их на специально устроенной выставке, прошедшей с огромным успехом. Многие тысячи людей прошли через эту выставку, о ней писали в советской и мировой прессе. Уже сейчас ряд посетителей спрашивали хранительский состав музея, когда будут выставлены портрет Хальса и «Сусанна Фурман» Ван Дейка. Легко себе представить, в какое ложное положение ставили эти вопросы не только работников музея, но и Главнауку.

Уход всех вышеназванных картин из Эрмитажа и Музея изящных искусств создает непоправимую брешь в коллекциях двух крупнейших музеев СССР. Достаточно продать еще 15—20 аналогичных по качеству вещей, чтобы Эрмитаж, могущий явиться главным центром притяжения для иностранного туризма, фактически перестал бы существовать как мировое собрание. Ибо совершенно ясно, что значение Эрмитажа базируется не на количестве картин, а на качестве двух-трех десятков мировых шедевров, восемь из которых уже проданы «Антиквариатом».

Теперь возникает основной вопрос, за какую цену были проданы эти шедевры, равные которым не появлялись на антикварном рынке Европы за последние 70 лет. Я не осведомлен о ценах, по которым были проданы эти уникальные вещи. Однако имеющиеся у меня случайные, отрывочные сведения позволяют думать, что эти цены были исключительно низки. Поэтому считаю своим долгом специалиста поставить Вас в известность об объективных ценах на вышеназванные картины, дабы Вы сами могли сделать вывод о степени выгодности их продажи: 1) Д. Боутс «Благовещение» — 500—750 тысяч рублей (все цены привожу в золотых рублях); 2) Ван Дейк «Портрет Филиппа Уортона» — ок. 1.000.000; 3) Рембрандт «Ян Собес-

ский» – ок. 1.200.000; 4) Рембрандт «Девочка с метлой» – ок. 1.000.000; 5) Рубенс «Портрет Елены Фурман» – 1.500.000–2.000.000; 6) Ван Эйк «Благовещение» – 2.500.000–3.000.000; 7) Ван Дейк «Портрет Сусанны Фурман с дочкой» – ок. 1.200.000; 8) Ф. Хальс «Мужской портрет» – ок. 1.000.000. Не говоря уже о том, что при продаже таких уникальных шедевров возможны огромные злоупотребления, я считаю крайне важным обратить Ваше внимание на следующие моменты, которые могут быть приведены как решающие аргументы против торговли мировыми шедеврами.

1. Невозможность сохранить в секрете долгое время продажи уникальных шедевров. Механизм капиталистического собирательства таков, что покупатели обязательно сделают достоянием гласности факт приобретения ими того или иного шедевра. Предание же гласности подобных фактов приведет неизбежно к сильнейшему падению престижа Советской власти в кругах революционно настроенной интеллигенции Запада, что крайне затруднит работу за границей ВОКСа и подобных ему учреждений.

2. Необходимость обставлять строгой секретностью продажу мировых шедевров логически приводит к тому, что за них удастся выручить от половины до одной четверти их реальной стоимости. Продажа же второстепенных и третьестепенных вещей могла бы протекать в условиях полной гласности, что дало бы возможность выручить за эти вещи более или менее правильные цены.

3. Выживание у нас мировых шедевров, являющиеся, без сомнения, результатом шантажа темных дельцов капиталистического мира, шантажа, на который с подозрительной легкостью поддаются работники «Антиквариата», фактически срывает весь дальнейший план реализации антикварных ценностей. Поэтому совершенно ясно, что после покупки капитальнейших вещей нас заставят продать второстепенные вещи за совершенный бесценник.

4. Неизбежность быстрого распада Эрмитажа и Музея изящных искусств как собраний мирового значения. Уже сейчас Эрмитажу нанесен сокрушительный удар. Выделение каждого очередного шедевра приведет в кратчайший срок к фактической ликвидации Эрмитажа. Между тем и Эрмитаж, и Музей изящных искусств являются центрами притяжения мирового туризма, развитие которого могло бы дать стране десятки миллионов валюты. При распаде Эрмитажа этот туризм, без сомнения, сильно сократится, поскольку упадет один из главнейших центров его притяжения. Если уж продавать картины за границу, то надо начинать эти продажи снизу, а не сверху.

Все приведенные здесь соображения настоятельно диктуют срочный пересмотр вопроса о деятельности «Антиквариата» в целях введения этой деятельности в строго организованные рамки. Следующие мероприятия представляются мне необходимыми для урегулирования создавшегося в «Антиквариате» положения вещей:

1. Коренная реорганизация аппарата «Антиквариата» путем замены ничего не понимающих в антикварном деле и совершающих один вредительский акт за другим работников такими партийными товарищами, которые ощущали бы глубокую принципиальную разницу между торговлей солеными огурцами и Рембрандтами. С этой целью необходимо мобилизовать на музейный фронт ряд партийцев, могущих принести своими знаниями и опытом действительную пользу государству в деле реализации антикварных ценностей.

2. Образование смешанной комиссии из представителей музеев и «Антиквариата» для организации плановых выделений и для оценки этих выделений. Категорическое запрещение «Антиквариату» вырывать из музеев мировые уникальные шедевры, торговля которыми ни с какой точки зрения себя не оправдывает. Если государству понадобятся и впредь новые валютные суммы от продажи антикварных ценностей,

то необходимо предоставить возможность самим музеям, по своему выбору, выделять вещи для покрытия намеченной суммы. Практикующийся же до настоящего времени порядок, когда «Антиквариат» вырывает по своему усмотрению любую, хотя бы самую уникальную вещь, должен быть решительно пресечен.

3. Выяснение вопроса о предшествовавшей деятельности «Антиквариата». Продажа им 8 мировых шедевров представляется мне крайне подозрительной. Почему «Антиквариат» не организовал в течение двух лет работоспособный торговый аппарат, который дал бы возможность регулярно продавать имеющиеся у него первоклассные вещи, а довел дело до того, что ему внезапно понадобилось вырвать из музеев СССР ряд уникальных шедевров? Для меня не подлежит сомнению, что здесь мы имеем дело с фактом преступной бездеятельности возглавляющих «Антиквариат» лиц, сознательно или бессознательно (это должен выяснить ОГПУ) причинивших государству непоправимый и моральный ущерб»¹⁵⁴.

Записка Лазарева весьма показательна. Она в наиболее детализированном виде выражает общий для всех музейных работников Советского Союза взгляд на происходившие изъятия и зарубежные распродажи.

Лазарев, как и за два года до него Невский, Ольденбург, Шмидт и Тройницкий, был твердо уверен: за годы революции и гражданской войны в распоряжении специалистов скопилось слишком много весьма посредственных по своей научной и художественной ценности, даже просто банальных произведений искусства. Отсюда и появление в записке столь необычных для ученого терминов – предметы «второстепенные», «третьестепенные». Именно от них было не только можно, но и должно избавляться, продавать их за рубежом для того, чтобы государство могло получить необходимую ему валюту. Но делать это следовало не так, как практиковал «Антиквариат».

Лазарев считал, что Внешторг для нужд экспорта получил достаточно предметов – на 45 миллионов золотых рублей – и обязан стараться продать именно эти вещи, а не изымать шедевры мирового класса – полотна Дирка Боутса, Антониса Ван Дейка, Харменса Рембрандта Ван Рейна, Губерта и Яна Ван Эйков, Питера Пауля Рубенса, Франса Хальса. Директор Музея изящных искусств сумел точно определить и неизбежные потери при проведении тайных сделок. Правда, он не учел одного – общего спада в экономике, обусловившего падение всех без исключения цен, в том числе и на произведения старых мастеров.

Ошибся Лазарев лишь при определении виновника бед, обрушившихся на Эрмитаж. Он наивно полагал, что все происходящее стало результатом вопиющего непрофессионализма руководителей «Антиквариата», который стал для него (а может, и не только для него) олицетворением зла. Вполне возможно, что Лазарев, как и все далекие от политики искусствоведы, боялся повторения хорошо знакомой ему истории, происшедшей во Франции.

...24 февраля 1848 года Луи-Филипп, последний король Франции из Орлеанского дома, не дожидаясь повторения судьбы своего дальнего родственника и предшественника Людовика XVI, сам, по «собственной воле», а отнюдь не из-за начавшейся революции, как якобы злословили его недоброжелатели, отрекся от престола. Отныне он считался обыкновенным, рядовым гражданином. Впрочем, не совсем рядовым. Только что восстановленная республика оказалась столь щедрой, что передала Луи-Филиппу все, что он посчитал собственностью не государства, а своей личной: счета в банках, особняки, коллекции, в том числе и собрание «Испанского музея», которое даже самые беспринципные юристы никогда не признали бы законной собственностью экс-короля.

Еще в 1837 году, когда Испанию раздирала начавшая претендентом на престол принцем Карлосом граж-

данская война, Луи-Филипп решил нажиться на чужом несчастье и предложил своим министрам ассигновать свыше миллиона франков на тайную скупку произведений искусства за Пиренеями. Необходимая сумма была выделена, и путешественник, «любитель искусств» барон Тейлор (известный покупкой у египетского хедива Мухаммеда-Али так называемого Луксорского обелиска) взял на себя неблагоприятную миссию.

За несколько недель вояжа по испанским городам и замкам он сумел приобрести свыше четырехсот холстов кисти Веласкеса, Гойи, Эль Греко, Мурильо, Рибейры, Сурбарана, а потом нелегально доставил их во Францию. В январе 1838 года эта коллекция предстала перед парижанами в залах специально созданного музея. Спустя четыре года к этим экспонатам прибавилось собрание испанской живописи английского коллекционера Фрэнка Стендиша, завещанное им Луи-Филиппу. И хотя специалисты сомневались в подлинности некоторых холстов, хранившихся в «Испанском музее», все же он стал одним из уникальнейших по ценности собранных в нем полотен.

Тем не менее по постановлению республики тщательно упакованные картины были переданы Луи-Филиппу услужливыми чиновниками и отбыли навечно в Англию в багаже экс-короля. В 1853 году, когда Луи-Филипп ощутил острую потребность в деньгах, он отправил «свое» собрание испанской живописи на один из лондонских аукционов и превратил никогда не принадлежавшие ему шедевры искусства в полновесное золото...

И вот теперь советские искусствоведы, сотрудники крупнейших в стране ленинградского и московского музеев выражали обоснованное опасение: а не повторится ли история испанской коллекции Луи-Филиппа? Уж слишком напоминало этот грязный скандал то, что теперь делали в Эрмитаже руководители «Антиквариата». Уж слишком быстро исчезали

из залов лучшего в СССР собрания западноевропейской живописи и прикладного искусства уникальные произведения, заставляя знавших о том волноваться, переживать, страдать.

Лазарев писал своему непосредственному начальнику Лупполу, надеясь, что его услышат и в Наркомпросе, и Бубнов: «Достаточно продать еще 10—20 аналогичных по качеству вещей, чтобы Эрмитаж... фактически перестал бы существовать как мировое собрание». Он не догадывался, что вскоре из Ленинграда в Нью-Йорк уплывут еще пятнадцать полотен.

Не знал Лазарев и того, что «Антиквариат» уже подверг безжалостным изъятиям художественные сокровищницы не одного только Ленинграда.

...В Киеве, тогда еще не республиканской столице, а всего лишь областном центре, неподалеку от университета в небольшом двухэтажном особняке располагался Музей изящных искусств Всеукраинской академии наук — третье после Эрмитажа и московского Музея изящных искусств, а может быть, и второе в стране собрание старой европейской живописи. Его создали в конце 1920 года на основе разнообразнейших коллекций, которые собирал с конца XIX века один из богатейших украинских помещиков Б. И. Ханенко.

Сначала у Ханенко появились памятники археологии, собранные при раскопках, проведенных им самим или на его средства, — предметы материальной культуры скифов, жителей античных городов-полисов Северного Причерноморья, византийских колоний. Затем к ним прибавились русские и итало-критские иконы XIV—XV веков. Наконец, возникла и картинная галерея, вобравшая в себя приобретения миллионера на аукционах Рима, Берлина, Гамбурга — работы Ван Дейка, Веласкеса, Донателло, Джованни и Джентиле Беллини, Перуджино, Грёза, Буше, других знаменитых европейских живописцев.

В первый раз «Антиквариат» похозяйничал в этом музее в 1928 году, а теперь вновь вспомнил о его

богатствах и послал в Киев своих экспертов. Вместе с заместителем директора Гиренко (согласившегося на любые утраты вверенных его попечению экспонатов ради одного – издания его искусствоведческой статьи брошюрой с иллюстрациями) и сотрудниками Главнауки Наркомпроса УССР и украинского Госторга они 26 июня 1931 года образовали временную комиссию.

Комиссия, «осмотрев предметы старины и искусства, находящиеся в музее как в экспозиционных помещениях, так и в фондах, наметила для заграничного экспорта» прежде всего работы старых европейских мастеров:

- «1. Жан Батист Грёз — «Две девочки»;
2. Педро де Мойя — «Портрет гранда»;
3. Неизвестный мастер римской школы, начало XVII века — «Портрет молодого человека»;
4. Маццолини — «Поклонение святого семейства новорожденному Христу»;
5. Неизвестный мастер сиенской школы, начало XIV века — «Распятие»;
6. Неизвестный мастер нидерландской школы, начало XV века — «Святой Иероним в келье»;
7. Неизвестный мастер фламандской школы — «Мадонна»;
8. Мет де Блессе — «Голгофа»;
9. Симон де Фосс — «Пирушка»;
10. Гербург Терборх — «Женский портрет»;
11. Гонсалес Кокс — «Семейный портрет»;
12. Ван дер Дельф — «Портрет Марии Схурманс»;
13. Снайдерс — «Тыквы»;
14. Де Геем — «Десерт»»¹⁵⁵.

Помимо картин решили изъять из музейного собрания еще и двенадцать образцов прикладного искусства: бронзовую статуэтку работы Джованни да Болонья «Купальщица»; скульптурную группу слоновой кости, изображающую двух монахов с книгой, неизвестного фламандского мастера XV века; знаменитые лиможские эмали — распятия, плакетки, пиксиду.

Спустя всего четыре дня все включенное в данный список передали представителю «Антиквариата», незамедлительно отправили в Ленинград, далее в Европу, на продажу.

А в начале следующего, 1931 года вездесущий «Антиквариат» попытался лишить Музей искусств и других его лучших вещей. Для экспорта была намечена двадцать одна работа итальянских мастеров конца XIV—XV веков: «Голгофу» Спинелло Артенио, «Орфея и Эвридику» Якопо дель Селайо, «Мадонну» Монтеньи; нидерландских художников XV—XVI веков: «Казнь святой Екатерины» неизвестного мастера из Брюсселя, «Во дворе трактира» и «Возвращение с ярмарки», возможно, самого Питера Брейгеля, а также фламандские и голландские холсты конца XVI — начала XVII века кисти Себастьяна Франкса, Ван дер Капелле, Флинка, Кнупфера, Мюсхера, Гоббеми, Венникса, Моленара, Ван дер Воорта, Тенирса-старшего и Тенирса-младшего.

ЦЕНА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

СТАЛИНСКИМ ДУХОМ
ВЕЩАЮЩАЯ
КАЖДАЯ НАША
И КАЖДАЯ СТРАНА!

Обе «лазейки» — тайные сделки и с Гульбенкяном, и с Меллоном, — оправдали себя лишь частично. Они так и не помогли радикально изменить экономическую ситуацию в Советском Союзе, которая продолжала стремительно ухудшаться.

Еще весной 1930 года стало очевидно, что выполнение пятилетнего плана натолкнулось на труднопреодолимые препятствия, о которых никто вовремя не подумал.

Катастрофически не хватало квалифицированных строителей-бетонщиков, монтажников, электриков, водопроводчиков. Неграмотным вчерашним крестьянам, даже занимавшимся прежде сезонными строительными работами, срочно требовалось овладевать новыми для себя профессиями. Теперь им приходилось иметь дело не с привычными топорами, пилами, лопатами, деревянными тачками, простейшими копрами, а с бетономешалками — немецкими «кайзер» или американскими «ренсом», с экскаваторами из США и Великобритании «марион» и «бюкайрес», мощными гусеничными тракторами «кэтерпиллер», с кранами порталными (грейферами) и поворотными, купленными в Германии у фирмы

«Генц». Даже тачки – «стерлинги» — теперь оказались иными, железными.

Проработавшие на стройке полгода уже считались опытными, настоящими рабочими. Чаще всего именно из них и выдвигали десятников, бригадиров. Остальные – и завербованные из всех регионов страны, и доставленные под конвоем для принудительных работ уголовники, раскулаченные, растратчики, басмачи – с трудом осознавали необходимость трудовой дисциплины, долго не могли избавиться от извечных разгильдяйства, лености, склонности к прогулам, пьянству, хулиганству.

Мало того, всех их после окончания строительства предстояло еще обучить труду у токарных, фрезерных, строгальных станков, у штамповочных прессов, конвейера, мартенов возведенных ими же металлургических комбинатов и заводов.

Еще сильнее не хватало инженеров. Старые, «буржуазные» специалисты, получившие высшее образование до революции, плохо или совсем не знали новую технику, технологию, появившиеся только после мировой войны. Ко всему прочему, они слишком привыкли к благоустроенной, спокойной, размеренной жизни, к своим удобным квартирам в больших городах с залитыми огнями улицам, театрам. Потому эти люди и не слишком желали ехать на новостройки куда-то в неизвестность, в чистое поле, где не только нормального жилья, а вообще ничего не было, и все это еще только предстояло возвести.

Новая, советская техническая интеллигенция лишь начинала формироваться. Она еще только училась в новых узкопрофессиональных, с сокращенным до четырех и даже трех лет сроком обучения ВТУЗах – высших технических учебных заведениях, и промышленных академиях, созданных по постановлению ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 года при ВСНХ.

Ощутимую нехватку инженеров до некоторой степени компенсировали работавшие в СССР по контракту иностранные специалисты из США, Великобритании, Германии, Италии. Они монтировали сложные агрегаты, купленные у них на родине, порой даже работали на тракторах, экскаваторах, кранах. Однако обходилось это стране очень дорого: зарплату им приходилось платить в валюте, да к тому же предоставлять комфортабельное, со всеми привычными им удобствами, жилье.

Еще больше специалистов с высшим и средним специальным образованием потребовало осуществление тех наиважнейших реформ, которые сопровождали выполнение пятилетнего плана и без которых невозможно было рассчитывать на дальнейшее поступательное развитие Советского Союза.

С 1 сентября 1930 года в стране впервые в ее истории вводилось обязательное всеобщее бесплатное начальное – четырехлетнее – образование. Кроме того, на оседлый образ жизни переводили кочевников-скотоводов Средней Азии – казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков. Все это вынуждало срочно подготовить десятки тысяч учителей, врачей, ветеринаров, агрономов, зоотехников.

Тогда же обрушилась на власть еще одна, не менее острая проблема. Нехватка средств заставила проводить режим строжайшей экономии абсолютно во всем, кроме того, что требовало собственно выполнение пятилетнего плана, хотя бы в предельно урезанных размерах. Особенно наглядно, ощутимо проявилось это в сокращении управленческого аппарата, названном «чисткой», в массовых увольнениях, вполне справедливо обоснованных необходимостью борьбы с вековым российским бюрократизмом.

«Чистку» начали во исполнение решений XVI партконференции «прежде всего и главным образом на основании оценки качества работы, а не только по признакам классового происхождения». Ведь соот-

ветствующая резолюция предписывала: «Пролетарское происхождение и принадлежность к компартии ни в коем случае не должны превращаться в страховку от чистки»¹⁵⁶.

Сокращения начались прежде всего с центральных аппаратов наркоматов. Так, численность Наркомфина СССР уменьшили на 12 %, Наркомата путей сообщений – на 33 %, Наркомпроса РСФСР – на 30 %. Всего же к ноябрю 1930 года было уволено почти 140 тысяч чиновников, или 11 % всех служащих.

Вынужденной, но ударившей на этот раз по всему населению мерой стало введение нормированного снабжения: карточек на хлеб и крупы, масло и мясо, молоко и яйца, рыбу, талонов на одежду и обувь. Более чем нелегкое положение ухудшалось и из-за значительной инфляции. Постоянные эмиссии практически обесценили твердый еще год назад червонец – денежную единицу СССР, введенную в октябре 1922 года взамен совзнаков и приравненную к золотой десятирублевой монете царской чеканки весом 7,74 грамма. Прежде червонец обеспечивался всеми золотовалютными запасами Госбанка, но после колоссальных трат как в валюте, так и в золоте, платине он стал всего лишь банкнотой, равной десяти рублям.

Все эти многочисленные недоработки Госплана, просчеты и ошибки ВСНХ, Внешторга, Наркомфина и объясняли то, почему ни на XVI съезде партии, прошедшем в июне 1930 года, ни на каком-либо пленуме ЦК никто больше не вспоминал о решающем: об источниках финансирования пятилетки. А если и говорили о чем-то подобном, то ограничивались предельно обтекаемыми формулировками. Так поступил Я. Э. Рудзутак, выступая на съезде, который, казалось бы, и должен был подвести промежуточный (за половину срока выполнения плана) итог, установить, что же удалось сделать, а что нет и, главное, почему.

«Эти два с половиной года, — предельно просто констатировал Рудзутак, не вдаваясь в детали и подробности, — протекали в интенсивной работе, требовали напряжения всех сил внутри страны, внутри партии, внутри рабочего класса для разрешения тех задач строительства, которые стояли перед нами»¹⁵⁷.

Вот так, только — «напряжение всех сил», и не больше.

Ни слова не было сказано на съезде и о самой значительной за последние пять лет реорганизации правительства. Она началась сразу же после закрытия съезда и наверняка была предрешена руководством задолго до начала его работы. Реорганизация была вызвана, несомненно, ошибками, допущенными некоторыми наркома, что и привело к срыву выполнения планов пятилетки, столь опрометчиво разработанных и со слишком большим оптимизмом утвержденных.

В июне Я. Э. Рудзутак — официально для того, чтобы он смог сосредоточиться на руководстве экономическим блоком наркоматов, — был освобожден от практически дополнительной для него должности наркома путей сообщений. Наркомом же НКПС утвердило М. Л. Рухимовича, до этого заместителя председателя Президиума ВСНХ.

В июле подал в отставку в знак протеста против проводимой Политбюро внешней политики Г. В. Чичерин, возглавлявший НКИД почти двадцать лет. Его преемником стал М. М. Литвинов, в то время его первый заместитель.

Август и сентябрь, время отпусков, прошли спокойно, но затем смена членов правительства продолжилась и даже пошла по нарастающей.

В октябре изменился статус уже семи человек. Г. Л. Пятакова утвердили первым заместителем председателя ВСНХ вместо снятого М. П. Томского, а председателем правления Госбанка СССР и заместителем наркома финансов назначили М. И. Калма-

новича, ранее возглавлявшего Зернотрест, занимавшего пост замнаркома земледелия. Г.К.Орджоникидзе направили руководить ВСНХ, а на его прежний пост – наркома РКИ – был поставлен А. А. Андреев, прежде занимавшийся исключительно партийной работой. В свою очередь В. В. Куйбышева, возглавлявшего ВСНХ, повысили, утвердив заместителем председателя правительства СССР. Н. П. Брюханова, наркома финансов, сняли и понизили до должности заместителя председателя Мособлисполкома, а на его пост, оказавшийся вакантным, перебрали Г. Ф. Гринько, прежде заместителя Госплана, заместителя наркома земледелия.

22 ноября последовало новое решение. Наркомат торговли разделили на два (как то и было до конца 1925 года) – внешней торговли, во главе которого поставили А. П. Розенгольца, и снабжения (внутренней торговли и пищевой промышленности), руководство которым сохранил А. И. Микоян. А 29 ноября сняли с поста наркома труда одного из четверых лидеров «правых» Н. А. Угланова. Его отправили в Астрахань всего лишь директором местного Рыбтреста, заменив малоизвестным партийно-профсоюзным деятелем А. М. Цихоном.

19 декабря Политбюро приняло последнее, решающее постановление: А. И. Рыкова на посту председателя союзного правительства сменил В. М. Молотов, член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б).

Так был сформирован Совнарком СССР, из которого были полностью исключены «правые». Теперь он состоял в основном из убежденных сторонников Сталина: людей, готовых не за страх, а за совесть отстаивать его центристскую политику, любой ценой доводя до завершения пятилетний план, и прежде всего создание тяжелой промышленности.

Рудзутаку предстояло осуществлять общее руководство, координируя работу всех экономических наркоматов. Орджоникидзе следовало в самой

жесткой форме добиться в кратчайшие сроки завершения строительства и пуска металлургических комбинатов в Запорожье, Кузнецке и Магнитогорске, автомобильных заводов в Нижнем Новгороде и Москве, тракторных – в Сталинграде, Харькове и Челябинске, комбайновых – в Ростове-на-Дону и Саратове, искусственного каучука – в Ярославле, турбинного – в Харькове, машиностроительных – в Свердловске и Краматорске, Днепровской и Свирьской гидроэлектростанций. Гринько необходимо было по возможности снизить уровень инфляции и восстановить устойчивость рубля. Розенгольцу – выправить положение с экспортом, обеспечив выполнение пятилетнего плана необходимой валютой.

Таким образом, напрямую причастными к вывозу за рубеж и продаже там музейных ценностей теперь оказалось три человека во власти. Прежде всего Рудзутак – не только, как и прежде, отвечавший за все без исключения, что имело хоть малейшее отношение к выполнению пятилетнего плана, но еще и утвержденный 31 декабря председателем Валютной комиссии. Затем Бубнов – он сохранил пост наркома просвещения РСФСР, и потому по решению Политбюро от 19 декабря, когда завершилась реорганизация правительства, стал нести персональную ответственность за экспорт антиквариата. Наконец, Розенголец после назначения Хинчука полпредом в Берлин был вынужден взять в свои руки все внешнеторговые операции.

Аркадий Павлович Розенголец, родившийся в 1889 году в семье торговца, окончил Витебское коммерческое училище и в 16 лет вступил в партию большевиков. После Февральской революции он занял пост в президиуме Моссовета, в октябре 1917 года был членом военно-революционного комитета. В годы гражданской войны был членом Реввоенсовета республики и ряда армий. После краткого пребывания

в 1922 году в коллегии Наркомфина вернулся в армию, возглавив Главное управление воздушного флота. Затем, в 1925—1927 годах, Розенгольц занимался дипломатической деятельностью, в частности, был и.о. полпреда в Лондоне. А с 1928 года работал в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции, где дослужился до заместителя наркома.

Прежде всего Розенгольцу пришлось разгребать те авгиевы конюшни, что оставил ему в наследство Хинчук. Знакомясь с совершенно новым для себя делом, он должен был одновременно попытаться разобраться в нем. Требовалось самостоятельно, не очень полагаясь на подчиненных, изыскать любые возможности, дабы незамедлительно получить как можно больше валюты и тут же расплатиться по не терпящим отсрочки долгам. А их накопилось немало.

Продолжая выполнять пятилетний план, ВСНХ с согласия Политбюро только в течение 1930 года через Внешторг закупил — разумеется, в кредит, — оборудования, сырья, материалов более чем на 1,5 миллиарда золотых рублей (примерно 750 миллионов долларов) сверх утвержденного Политбюро в январе импортного плана на 1929—1930 хозяйственный год. А ведь такие же неотложные заказы имелись и у других наркоматов: у НКПС — на 50 тысяч тонн железнодорожных рельсов, на четыре танкера для экспорта нефти; у Наркомзема — на тракторы для создаваемых машинно-тракторных станций (МТС), призванных обслуживать недавно образованные колхозы; у Наркомздрава — на лекарства, медицинские инструменты; у Наркомпроса — на краски и карандаши, бумагу для школьных тетрадей...

За то, что не просто было заказано, но уже поступило или находилось в дороге, следовало заплатить как можно быстрее, но средства для оплаты еще предстояло изыскать.

Для этого следовало попытаться получить за рубежом новые долгосрочные, лет на пять, займы либо кредиты; продать Германии запланированные 560 тысяч тонн зерна; постараться достигнуть соглашения с объединением американских нефтяных фирм «Сокони», «Вакуум ойл», «Стандарт ойл оф Нью-Йорк» и «Стандарт ойл оф Нью-Джерси» о возможном увеличении советской квоты. Нужно было сбыть в Великобританию как можно больше леса, пиломатериалов, льна, пушнины; учесть, сколько и почем Госбанк СССР продаст золота и платины. И конечно же надлежало разобраться, что и почему скопилось на берлинских складах «Антиквариата».

Разумеется, Лазарев оказался прав, – впрочем, как и все его коллеги, критиковавшие методы работы внешторговцев. Непонимание специфики антиквариата привело к переизбытку его на мировом рынке (и без того страдавшего от депрессии), к затовариванию средних по качеству произведений искусства, которые при других условиях обычно по низким ценам быстро раскупались на аукционах. Тайные сделки с Гульбенкяном и Меллоном породили у Внешторга неумное желание сбывать теперь преимущественно шедевры мирового класса. Еще бы, их продать гораздо проще, да и прибыль они приносят огромную! Однако «Антиквариат» не собирался отказываться и от привычных изъятий вещей заурядных: ведь это не создавало в музеях проблем, не вызывало сопротивления искусствоведов.

Весь 1930 год внешторговцы продолжали засыпать Эрмитаж далеко не всегда выполнимыми требованиями. Вот лишь некоторые из них, наиболее показательные.

Январь.

«Предлагаю в ближайшее же время закончить выделение тех золотых и платиновых предметов, которые не нужны Эрмитажу, и передать эти предметы согласно данным указаниям».

«Прошу допустить представителя «Антиквариата» т. Богнара Э. И. к отбору совместно с представителями Эрмитажа следующих предметов для экспорта:

1. 250 картин стоимостью не ниже в среднем 5 тысяч рублей каждая (фламандской, голландской, французской и итальянской школ).

2. Оружие из арсенала Эрмитажа на сумму 550 тысяч рублей (доспехи, шлемы, щиты и различного рода оружие).

3. Из особых кладовых государственного Эрмитажа скифское золото на сумму по соглашению с правлением Эрмитажа.

4. Из отделения гравюр вторые и третьи экземпляры в пропорции 75 процентов и 25 процентов третьих экземпляров. Обращаю Ваше внимание на необходимость срочного разрешения вопроса о выделении гравюр, которые могут быть реализованы в течение ближайшего времени.

5. Из запасов Эрмитажа – книги экспортного значения и не связанные непосредственно с экспозицией и научной работой (библии, манускрипты, инкунабулы и т. д. из Голицинского собрания».

«В связи с ожидаемым приездом крупных антикваров из Парижа Вам надлежит в срочном порядке наметить возможные выделения для нужд «Антиквариата» предметов, относящихся к античному искусству, эпохи ренессанса и готики, преимущественно изделий из золота, эмали, слоновой кости, других драгоценных металлов, мебель, гобелены, бронза, ковры».

Июль.

«Сектор науки Наркомпроса предлагает Вам передать незамедлительно Всесоюзному объединению «Антиквариат» (Ленинград, набережная 9 января, 18) выделенные ударной бригадой предметы согласно акта от 24 февраля 1930 года на сумму рублей 364 500. Из перечисленных в акте предметов следую-

щие №№ не передаются «Антиквариату»: №№ 6—17, на сумму рублей 100 000, выбранные же вещи согласованы с «Антиквариатом».

Сентябрь.

«Согласно утвержденного для «Антиквариата» плана на четвертый квартал Вам необходимо выделить для реализации гос. конторе «Антиквариат» Сасанидское серебро на сумму 50 000 рублей, скифское золото на сумму 50 000 рублей и два французских портрета на сумму 200 000 рублей»¹⁵⁸.

Подобным предписаниям сотрудники Эрмитажа сопротивлялись далеко не всегда. Они беспрекословно выделили из дублетного фонда отдела нумизматики 347 золотых и 17 платиновых монет, предоставили для экспорта кирасу и шлем, полный комплект рыцарских доспехов работы немецких оружейников XVI века. Музей передал представителям «Антиквариата» полторы сотни гравюр — вторых и третьих экземпляров, которые тут же были отправлены в Лейпциг для аукционной фирмы «Бернер», и большую партию не представлявшего ценности для музея фарфора (парадные сервизы «Парижский», «Орловский», «Малтыковский»). Нашлись и картины: французов Ю.Робера, А. Ватто. Ж. Б. Грёза, Л. Лагрене, Ф. Лемуана, Ж. Лоррена, — голландцев Ф. Ван Мириса, Г. Беркхейде, А. Ван Остаде, Г. Ван Хонхорста, М. Ван Хемскерке, а также иных известных и малоизвестных живописцев XVII—XVIII веков.

Однако такую покорность музейные работники проявляли далеко не всегда — в ряде случаев они категорически возражали, сопротивлялись и даже добивались сохранения того, что полагали самым ценным, неотделимым от сложившегося, существующего собрания.

Именно так реагировал С. Тройницкий на требование комиссии Ленинградского областного фи-

нансового отдела передать в ее распоряжение раку Александра Невского, незадолго перед тем переданную в отдел прикладного искусства Эрмитажем из лавры. Он направил Леграну продуманную, мотивированную докладную:

«Ввиду того, что имеется предположение использовать раку Александра Невского в качестве металла, считаю своим долгом высказать нижеследующее:

Рака Александра Невского является исключительным художественным произведением середины XVIII века и в настоящее время почти единственным в мире памятником такого рода. Она была выполнена русским мастером по проекту, несомненно принадлежащему знаменитому зодчему Растрелли. Вместе с тем, рака представляет собою и культурно-исторический памятник исключительного значения и широко используется по линии антирелигиозной пропаганды. Вес ее несомненно далеко не так значителен, как это принято думать, так как самая крупная часть сооружения состоит из тонких листьев, положенных на дубовую основу.

Следовательно, такой уникальный и вошедший в музейную работу памятник может оказаться уничтоженным для получения сравнительно ничтожной суммы, что, конечно, вряд ли может считаться целесообразным»¹⁵⁹.

Как ни странно, но Легран, прежде всегда безоговорочно поддерживавший любые требования и Внешторга, и Наркомфина, на этот раз стал на сторону своих подчиненных: поддержал позицию Троицкого и добился отмены требования.

Далее борьба разгорелась за изделия из золота и серебра, найденные археологами в конце XIX века и представляющие величайшую научную и художественную ценность отнюдь не как драгоценный металл, а сами по себе, в своем первозданном виде.

1 сентября 1930 года в Эрмитаже с пометкой «весьма срочно» получили очередное предписание

«Антиквариата»: «Просим весьма срочного распоряжения о выдаче нам прибывших из провинции и находящихся у Вас на ответственном хранении предметов так называемого Сасанидского серебра. Заместитель председателя правления Самуэли»¹⁶⁰.

Так как не только музей, но и его директор никак не отреагировали на столь безапелляционное послание, 11 сентября Легран получил депешу уже от своего непосредственного начальника: «Согласно утвержденного для «Антиквариата» на четвертый квартал плана Вам необходимо выделить для реализации государственной конторе «Антиквариат» Сасанидское серебро на сумму 50 тысяч рублей, скифское золото на сумму 50 тысяч рублей и два французских портрета на сумму 200 тысяч рублей. И. о. заведующего сектором науки, руководитель художественной группы Вольгер»¹⁶¹.

Внешторг жаждал как можно скорее стать обладателем, пусть даже и на самый непродолжительный срок, поистине уникальных вещей – ведь таких не имел ни один музей мира – завладеть ими во что бы то ни стало, дабы тут же, без промедления, продать их зарубежным антикварам и... выполнить квартальный план.

Что же на этот раз стало яблоком раздора?

Сасанидское серебро – это неповторимая по полноте эрмитажная коллекция редчайших образцов искусства Ирана периода правления династии Сасанидов (III–VII веков нашей эры). Держава Сасанидов, раскинувшаяся от Индии до границ Византии, охватила практически весь Средний Восток до завоевания его арабами и воцарения там ислама, коренным образом изменившего культуру многих народов. Коллекция включала блюда и чаши, бутылки и кувшины, водолеи и курильницы из полновесного серебра. Сосуды были украшены тончайшей чеканкой, непревзойденной по мастерству исполнения и сумевшей передать сцены царской охоты, сраже-

ний, женских танцев, изображения фантастических птиц и зверей в обрамлении гирлянд невиданных цветов.

Все эти предметы когда-то были найдены в Иране, затем они попали в частные собрания князей Юсуповых, графов Строгановых, что и могло привести к ошибке (возможно, сознательной) в требовании «Антиквариата»: мол, сасанидское серебро «прибыло из провинции», находится всего лишь «на хранении». В конце XIX века все эти предметы соединились под прозрачным стеклом витрин торжественных залов Эрмитажа, где им только и следовало находиться.

Еще более ценной (прежде всего для науки) была коллекция золотых изделий, характеризующих культуру скифов – ираноязычных племен, в эпоху античности обитавших на степных просторах Северного Причерноморья от берегов Азовского моря до устья Дуная. Они оставили после себя погребальные курганы, некоторые из которых – Чертомлыкский, Солоха, Куль-Оба, Майкопский, Келермесский – стали всемирно известны благодаря раскопкам русских археологов. Во второй половине XIX века им посчастливилось обнаружить там великолепные изделия древних греческих и скифских мастеров. Гребни и фибулы, браслеты и серьги, височные подвески и ожерелья, сосуды, блюда и чаши, оружие и фрагменты конской сбруи, орнаментированные в так называемом зверином стиле или украшенные чеканными жанровыми сценами, позволили ученым отчасти воссоздать и облик исчезнувшего народа, и образ его жизни.

Такого рода вещи уникальны по своей сути. Кроме того они имеют высочайший художественный уровень и почтенный возраст: от 17 веков для сасанидского серебра до 26 – для скифского золота. Поэтому и восстали решительно сотрудники Эрмитажа против кощунственных, с их точки зрения, покуше-

ний «Антиквариата» на бесценные сокровища – восстали впервые все без исключения. В акте, составленном в декабре 1930 года по распоряжению Леграна, Тройницкий и молодая заведующая отделом Запада Т. Л. Лиловая безапелляционно отметили: «В Скифском отделе золота и серебра немусейного значения не обнаружено»¹⁶². Несколько позже уже сам Легран, обращаясь к начальнику Главнауки И. К. Лупполу, столь же требовательно писал:

«Я Вам неоднократно докладывал, что считаю величайшей и непоправимой ошибкой выделение Сасанидского серебра на экспорт. Обесценение наших восточных собраний – неизбежное, если мы допустим это покушение «Антиквариата» – уничтожит последнее и единственное теперь (после того, что испытало наше собрание картин) основание, дающее нам право занимать место в ряду мировых музеев. Я бы хотел обойтись без этой формулы, которая, к сожалению, успела стать сакраментальной фразой, но здесь ее нечем заменить.

Я не согласился допустить «Антиквариат» к составлению списков до выяснения в Наркомпросе принципиального вопроса о том, является ли допустимым вообще расширение экспортных операций «Антиквариата» за счет ценностей Восточного отдела, которые одни лишь и поддерживают в настоящее время мировую репутацию Эрмитажа в целом. Очень прошу Вас срочно поставить этот вопрос в Наркомпросе и дальнейших инстанциях и добиться соответствующего ограничения антиквариатской экспансии.

До ваших указаний я буду строго держаться занятой позиции, несмотря на то что она грозит и новыми осложнениями с «Антиквариатом», и, быть может, новым обращением его в областную контрольную комиссию, на этот раз уже с жалобой не на Капман (сотрудника Эрмитажа, секретаря местной партячейки. – Ю. Ж.), а на меня, но иных способов поведения в моем распоряжении нет»¹⁶³.

Как ни странно, но на этот раз Главнаука не подержала «Антиквариат», как прежде. Даже Бубнов, обязанный решением Политбюро делать все для выделения на экспорт произведений искусства из музейных фондов, не использовал своих прав наркома, административной власти над подчиненными – он признал правоту директора музея и не стал вмешиваться.

Однако победа далась нелегко. Сотрудникам Эрмитажа все же пришлось отчасти компенсировать «потери» внешторговцев, которым пришлось передать: восемнадцать средневековых свитков Торы; разнообразное западноевропейское оружие XVI–XVII веков; византийские золотые ювелирные изделия; фарфор конца XVIII – начала XIX века отечественных мануфактур; картины западноевропейских живописцев преимущественно XVIII века из поступивших в Эрмитаж только в начале 1920-х годов собраний Семенова-Тян-Шанского, Юсупова, Горчакова, некоторых иных.

Более значительными оказались утраты, понесенные отделом нумизматики. Ему в начале 1931 года пришлось передать Советской филателистической ассоциации, торговавшей как внутри страны, так и за ее пределами, почтовыми марками и болами (бумажными денежными знаками, главным образом печатавшимися на территории бывшей Российской империи в годы революции и Гражданской войны), значительную – свыше 16 тысяч штук – партию монет. Среди них имелись довольно редкие, античные, чеканенные в Сиракузах, Афинах, Пантикане, Македонии, Армении, Иудее; встречавшиеся значительно чаще римские и восточные; западноевропейские – от Средневековья вплоть до XX века; наконец, интересные своей полнотой коллекции монет древнерусских княжеств, а также новгородские гривны.

Помимо действительно музейных предметов тогда же расстался Эрмитаж и с тем, что оказалось

в его хранилищах совершенно случайно: с золотыми и серебряными окладами икон, паникадилами, лампадами, потирами, дарохранительницами, различными крестами, прочими предметами религиозного культа, ценными лишь драгоценным металлом, из которого они и были изготовлены в последние несколько десятилетий.

Но Эрмитаж уже не только выдавал (чаще всего по принуждению), но и начал получать. Он пополнил свое собрание живописи и прикладного искусства благодаря явному провалу прошедшего в мае 1931 года и ставшего последним для «Антиквариата» берлинского аукциона «Рудольфа Лепке». Согласно каталогу, на аукционе выставлялись предметы исключительно из Строгановского дворца.

Собственно, в провале аукциона не было ничего неожиданного: усиливавшийся с каждой неделей в Германии экономический кризис разорил не только коллекционеров, но и вообще всех обычных посетителей «Рудольфа Лепке». Только потому и оказалась непродана половина из 150 картин.

Дороже всего ушла картина Лукаса Кранаха «Адам и Ева», давшая устроителям чуть больше десяти тысяч долларов. Остальные холсты, такие как «Святое семейство» Андреа дель Сарто, «Портрет Триеста» Антониса Ван Дейка, «Портрет Воронцовой с дочерью» Джорджа Ромни, другие такого же художественного уровня, ушли почти за бесценок – в среднем от 500 тысяч долларов.

Так и не обрели новых владельцев «Портрет Николаса Рококса» и «Портрет Балтазарины Ван Линник» кисти Ван Дейка, блестящая картина Рембрандта «Христос и самаритянки у колодца», холсты Пуссена, Буше, Лорена, Виже-Лебрена, Верне, Роббера, Грёза, Беллини и другие. Все они были возвращены аукционной фирмой «Антиквариату», а тот поспешил отправить их в Ленинград, где и передал Эрмитажу.

Такая же судьба постигла и произведения прикладного искусства, представленные фирме «Рудольф Лепке», — бронзу, скульптуры, гобелены, мебель Строгановского дворца. Из 148 предметов удалось продать, причем по крайне низкой цене, всего 101. Оставшиеся вещи также вскоре пополнили фонды Эрмитажа.

В целом майский аукцион принес «Антиквару» всего 613 326 долларов.

Все происходившее несомненно свидетельствовало о каких-то новых тенденциях: и то, что Наркомпрос вдруг стал на сторону Эрмитажа в его тяжбе с «Антиквариатом» из-за сасанидского серебра и скифского золота, и прекращение изъятий подлинных мировых шедевров живописи для Гульбенкяна и Меллона, и совершенно неожиданная передача Эрмитажу всего, что так и не удалось продать в Германии.

Не менее показательным стал и очередной циркуляр Наркомпроса, разосланный в первых числах февраля 1931 года во все заинтересованные учреждения. Он устанавливал возвращение к практике трехлетней давности: теперь вновь передавать «предметы музейного значения» Наркомвнешторгу и Наркомфину следовало лишь после предварительного изучения и утверждения соответствующих списков в секторе науки. То есть рекомендовалось соблюдать процедуру, установленную Совнаркомом еще 20 августа 1928 года.

Правда, вполне возможно, что новый циркуляр отнюдь не преследовал цель защитить, обезопасить культурно-историческое наследие. Скорее всего, Бубнов таким образом спешил закрепить за собой права, которые предоставляло ему решение Политбюро от 19 декабря, возложив именно на него, а не на наркома внешней торговли Розенгольца, всю полноту ответственности за экспорт антиквариата.

Но как бы то ни было, происходившее явно свидетельствовало о наметившихся весьма серьезных переменах.

Решает Политбюро

Действительно, реорганизация правительства СССР не только исключила из него «правых», сделав его, если так можно выразиться, «однопартийным». Тогда же, начиная с 1931 года, Совнарком лишился и прежней своей основной функции — самостоятельно решать все оперативные вопросы экономики. Отныне они без каких-либо специальных о том решений, без объяснений и огласки перешли в Политбюро.

С момента своего создания, 25 марта 1919 года, Политбюро как высший и постоянно действующий орган РКП(б) помимо чисто партийных проблем занимался лишь теми государственными, которые имели для страны наиважнейшее, стратегическое значение: проблемами обороны, внешней политики, внешней торговли, финансов. Теперь же оно стало рассматривать на своих заседаниях и все то, что еще недавно составляло компетенцию СНК и СТО СССР.

К этому сталинскую группу подтолкнуло три фактора. Во-первых, изменения в составе Политбюро, из которого вывели последних представителей «правых», А. И. Рыкова и С. И. Сырцова (последний помимо высокой партийной должности занимал и один из ключевых государственных постов — председателя Совнаркома Российской Федерации). Во-вторых, прежний состав союзного правительства явно не справился со своими обязанностями. Разумеется, никто не собирался вменять ему в вину то, что он не смог предугадать наступление мирового экономического кризиса. Но Совнарком должен был незамедлительно откорректировать программу и найти более

надежный источник финансирования индустриализации, не ограничиваясь одним экспортом. В-третьих, в новом составе Политбюро к началу 1931 года из десяти членов трое и без того занимали командное положение в СНК и при этом были единомышленниками: председатель правительства – В. М. Молотов, руководитель ВСНХ – Г. К. Орджоникидзе и Госплана – В. В. Куйбышев.

С этого момента группа Сталина взяла на себя полностью ответственность за выполнение – любой ценой! – пятилетнего плана, за развитие страны, ее будущее. Был установлен двойной, партийный и административный, повседневный контроль за работой всех наркоматов, за ходом строительства всех первенцев индустрии. Ну а программу группы предельно кратко и в то же время четко и ясно изложил сам Сталин в уже цитировавшейся выше речи «О задачах хозяйственников», произнесенной 4 февраля 1931 года: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сметут»¹⁶⁴.

Отныне следовало забыть, и надолго, о ставшей несомненно нереальной мировой революции, о столь же утопичной идее «торжества социализма» в самые ближайшие годы. Цель теперь заключалась в превращении Советского Союза в высокоразвитую державу – и Сталин понимал, что потребуются на то усилия в течение отнюдь не одного, а по меньшей мере двух пятилетий.

Выдвинув столь простую – не классовую, откровенно национальную и потому близкую каждому цель, Сталин сумел не только сбросить с себя тяжкий груз большевистских традиций, добиться успеха там, где потерпели поражение Троцкий, Зиновьев, Бухарин. Впервые после 1922 года он смог сплотить вокруг себя большую часть не столько партии, сколько всего народа. Он убедил людей, что настало время жизненно важных и вполне возможных пере-

мен, подал вполне обоснованную надежду на лучшее будущее.

В своих преобразованиях новая, сталинская властная группа не ограничилась декларациями. Она не только значительно сократила оказавшийся необоснованным пятилетний план, но и кардинально изменила прежний метод финансирования индустриализации, решительно отказавшись от прежней системы, когда сначала ВСНХ заключал контракты с фирмами многих стран, а затем Внешторг начинал изыскивать средства для их оплаты.

Теперь на уровне Политбюро обе задачи решались одновременно и взаимосвязанно. Именно для этого все новые заказы были сконцентрированы в одной Германии. Тогда же в результате сложных и длительных – с 28 февраля по 14 апреля – переговоров удалось получить в Берлине кредит 300 миллионов марок. Тем самым был несколько сбалансирован товарооборот двух стран на 1931 год, в котором германский импорт должен был составлять 430,6 миллиона марок, а советский экспорт – всего 30,4 миллиона. Только затем Политбюро занялось теми проблемами, которые ранее не выходили за пределы наркоматов, а подчас и их главков.

25 апреля 1931 года Политбюро впервые заслушало вопрос об экспорте антиквариата и приняло следующее решение:

«О продаже картин.

а) Картину Леонардо да Винчи не продавать;
 б) разрешить продажу картин Рафаэля и Тициана;
 в) для рассмотрения вопросов о дальнейшей продаже картин и выделения списка уникумов, не подлежащих продаже, создать комиссию в составе тт. Рудзутак, Розенгольц и Бубиов, созыв комиссии за т. Розенгольцем»¹⁶⁵.

По содержанию данного решения легко понять, что речь в нем идет о последней сделке с Меллоном.

Политбюро отнюдь не торопилось потворствовать всем пожеланиям Внешторга, решительно отвергнув саму возможность продажи такого шедевра, как «Мадонна Бенуа» Леонардо да Винчи. Вместе с тем оно вынуждено было завершить операцию с министром финансов США, согласившись уступить ему «Мадонну Альбу» Рафаэля и «Венеру перед зеркалом» Тициана. Случайно или нет, но именно эти две картины принесли стране (несмотря на весьма неблагоприятную для такого рода сделок конъюнктуру) 1,7 миллиона долларов – четверть всего, заплаченного Меллоном за шедевры из Эрмитажа.

Но все же наиболее важным стал пункт «в» этого решения, который наконец зафиксировал то, что следовало сделать в самом начале изъятий музейных ценностей для экспорта: установил необходимость списка картин, не подлежащих продаже. Однако на деле данный пункт оказался лишь благим пожеланием. Ни Розенгольц, как нарком внешней торговли, ни Бубнов, как нарком просвещения, стоящий над всеми без исключения музеями, ни разу не обратились за консультацией или хотя бы советом к искусствоведам. Комиссия так никогда и не собралась, дабы выполнить ответственное поручение Политбюро, выразив тем свою полную заинтересованность в такого рода действиях.

И все же решение от 25 апреля сыграло весьма важную роль.

Именно с этого дня судьба хранившихся в музеях Советского Союза шедевров мировой живописи разительно изменилась к лучшему. Внешторг больше не отваживался самостоятельно, никого не ставя в известность, заниматься принудительными изъятиями: всякий раз приходилось предварительно испрашивать согласия Политбюро. Ну а подобные процедуры требовали и большей ответственности, и безукоризненной аргументации. Поэтому количество навечно ушедших из страны уникальных полотен

сразу же резко сократилось. Так, всего за четыре месяца, предшествовавших решению, Внешторг продал семь выдающихся творений старых мастеров – Рафаэля и Веласкеса, Боттичелли и Веронезе, Рембрандта и Перуджино, Ван Дейка. А за последующие два с половиной года – всего четыре.

Ликвидация откровенного диктата Внешторга вскоре благотворно отразилась и на поведении сотрудников Эрмитажа. Они перестали воспринимать требования «Антиквариата» как не подлежащие даже обсуждению, начали спорить, возражать.

17 ноября 1931 года, после полугодового перерыва, Эрмитажу пришлось выдать для экспорта, по решению Политбюро, холст Рембрандта «Аман в гневе». Но уже пять дней спустя музей позволил себе во многом не согласиться с очередным списком, полученным через сектор науки. Директор признал вполне возможным передать не представлявшие для музея особого интереса одиннадцать холстов художников французской и голландской школ – Дюжардена Дюка, Бега, Кальфа, де Хела, Нетшера и некоторых иных. Но тут же отважился на небывалое никогда прежде в официальной переписке:

«Что же касается остальных названных в списке картин, большинство которых относится к наиболее выдающимся картинам эрмитажного собрания, то изъятие их нанесет исключительно тяжелый ущерб как полноте собраний Эрмитажа, так и их мировому уровню, уже значительно снизившемуся в результате предыдущих изъятий.

Картины эти следующие:

1) Хальс, мужской портрет. В настоящее время в Государственном Эрмитаже имеется всего две работы этого крупнейшего после Рембрандта голландского художника. Из имевшихся ранее еще двух его портретов один был передан в Музей изящных искусств, а другой изъят по особому распоряжению Наркомпроса. В пределах эрмитажного собрания

голландской живописи, занимающей по полноте одно из первых мест в мире, эти два портрета принадлежат к тем основным звеньям экспозиции, с изъятием которых собрание теряет научно-организованный характер и превращается в случайное нагромождение материалов.

2) Терборх, Питер де Хох, Метсю. В заявке не указаны определенные произведения этих художников.

Картины этих художников – крупнейших голландских мастеров – принадлежат к наибольшим драгоценностям эрмитажного собрания и являются теми краеугольными камнями всего собрания голландской живописи, с изъятием которых в Эрмитаже нельзя будет дать представление об основных устремлениях и достижениях голландского искусства. После размежевания с Музеем изящных искусств в Эрмитаже остались лишь безусловно необходимые для его собрания картины этих художников. Три картины Тербоха, в том числе такое капитальное произведение, как «Концерт», были переданы в «Антиквариат». П. де Хох представлен в Эрмитаже всего двумя картинами, одна из которых, ярко характеризующая высший этап его творчества, является одной из самых ярких и типичных голландских картин всего собрания («Госпожа и кухарка»), а вторая, относящаяся к поздним работам художника, важна для характеристики эволюции идеологии голландской буржуазии в переломную эпоху середины 17 века. Ни одна из картин Тербоха и П. де Хоха не может быть изъята из Эрмитажа без нанесения его собраниям исключительно тяжелого ущерба. Что же касается Метсю, то в случае крайней необходимости было бы возможно выделить следующие две картины этого художника: «Швея», «Кавалер и дама». Вторая картина считается некоторыми крупными специалистами работой Питера де Хоха.

3) Я. Рейсдаль. «Речка в лесу». Капитальное произведение крупнейшего пейзажиста Голландии, в такой степени необходимое для Эрмитажа, как указанные выше картины.

4) Стэн. «Гуляки», «Сцена в шинке». Стэн наиболее разносторонний из бытовых живописцев Голландии, ярко отразивший колеблющуюся идеологию мелкой буржуазии, характеристика которой возможна только при наличии нескольких картин художника. Картина «Гуляки» является наиболее значительной из эрмитажных картин мастера. После размежевания с Музеем изящных искусств в Эрмитаже остались лишь безусловно необходимые для полноты его собрания картины художника.

5) С. Рейсдаль. «Вид на реке». Наиболее яркий и типичный образец раннего голландского пейзажа в Эрмитаже. Близкая по мотиву и качеству картина художника была передана ранее «Антиквариату».

6) Гойен. «Зима», «Пейзаж». Как и предыдущая картина, являются наиболее яркими образцами голландского пейзажа в Эрмитаже. Сравнительно богато представленный раньше в Эрмитаже художник, после передачи нескольких его картин в Музей изящных искусств и в «Антиквариат», представлен в настоящее время лишь абсолютно необходимым минимумом.

7) Кейп. «Закат солнца». Этот крупнейший представитель голландского пейзажа второй половины 17 века охарактеризован в Эрмитаже в недостаточной мере, особенно после размежевания с Музеем изящных искусств, ввиду чего данная картина особенно важна для его собрания.

8) Амбергер. Два парных портрета.

9) Кранах. «Сивилла Клеве».

10) И. Остаде. «Замерзшее озеро». По тем же соображениям необходима для полноты собрания.

Эти три картины являются основными памятниками чрезвычайно бедно представленной в Эрми-

таже немецкой живописи 16 века, с изъятием которых эта часть его собрания будет разрушена.

Директор Гос. Эрмитажа Легран»¹⁶⁶.

А накануне, 16 ноября, аналогичную по содержанию и стилю служебную записку подписал и заведующий отделением графики Эрмитажа М. В. Доброклонский. Он настойчиво втолковывал: «Все, что представлялось первоклассным и, в то же время, дублировало материал, было выделено «Антиквариату» при предыдущих изъятиях». Более того, из музея всеми правдами и неправдами уже «было изъято много листов уникального порядка», то есть не имеющих дублей. Поэтому настойчивое стремление объединения получить вновь рисунки и гравюры станет для Эрмитажа «равносильно катастрофе».

Не довольствуясь лишь доводами специалиста, Доброклонский попытался подкрепить свою позицию и более понятными, доступными внешнеторговцам доказательствами.

«При современных условиях заграничного рынка, — отмечал он, — даже значительная изъятая из Эрмитажа партия графического материала вообще не может дать особенно крупной суммы, и достигнутый таким образом результат не явится достаточной компенсацией того ущерба, который в случае подобного изъятия был бы нанесен делу музейного строительства»¹⁶⁷.

И не поленился еще раз уточнить: если Эрмитажу под сильнейшим давлением свыше и придется выдать требуемую партию произведений искусства, она все равно «не сможет послужить приманкою» для какого-либо европейского аукциона.

Начальник сектора науки Вольтер — явно по согласованию с Бубновым — настаивать на изъятии не стал и принял обе записки, и Леграна, и Доброклонского как должное, без возражений. Ну а «Антиквариату» пришлось смириться, и в немалой степени из-за того, что незадолго перед тем, 26 июня, Полит-

бюро приняло решение, грозившее объединению в скором будущем серьезными неприятностями. Наркому рабоче-крестьянской инспекции, наделенному поистине прокурорскими правами, А. А. Андрееву было поручено «мобилизовать большую группу работников РКИ для проверки фондов экспортных товаров, вывезенных за границу и не могущих быть быстро реализованными, с тем чтобы эти товары были возвращены в СССР»¹⁶⁸.

Конечно, в данном решении речь шла отнюдь не только о произведениях искусства, реликвиях, на протяжении нескольких лет вывозившихся в Европу, но так и не нашедших сбыта. Но все же «Антиквариату» пришлось поспешить очистить свои зарубежные склады, прежде всего берлинские, от залежавшегося там «товара». Одновременно он вынужден был прекратить не только настаивать на изъятиях из Эрмитажа и иных собраний, но даже просто предлагать рассматривать свои очередные запросы, дабы не создавать вновь становившиеся столь опасными запасы. Помимо холста Рембрандта «Антиквариату» пришлось удовлетвориться весьма немногим. Из действительно ценного в его руки попал лишь вытканый во Фландрии в первой половине XVI века гобелен «Мадонна с младенцем Иисусом и славящими ангелами» из фондов давно упраздненного музея художественного училища Штиглица.

В том же переломном 1931 году произошло еще одно событие, призванное хоть в какой-то мере компенсировать моральный ущерб, нанесенный стране массовым вывозом и продажей за рубежом культурно-исторического наследия.

Еще в апреле Наркомпрос оповестил о создании достаточно необычного по тем временам учреждения.

«В целях организации, — отмечалось в официальном заявлении наркомата, — памятников, рассеянных по Западной Европе и Америке, касающихся

общественно-политической мысли, литературы и искусства как царской России, так и СССР», образовать Комиссию по выявлению находящихся за границей памятников литературы и искусства народов РСФСР.

Возглавил комиссию нарком А. С. Бубнов, его заместителем назначили В. Л. Бонч-Бруевича (организовывавшего в тот момент Литературный музей) и И. Х. Луппола, а членами – директора Государственной публичной библиотеки СССР имени Ленина В. И. Невского, директора Музея изобразительных искусств В. П. Полонского, а также представителей от Наркоминдела и Всесоюзного общества культурных связей с заграницей.

Как отмечало заявление, «комиссии поручено установить постоянный контакт с соответствующими учреждениями СССР за границей с целью выявления фондов в заграничных архивах, библиотеках и музеях. Кроме того, решено установить практику использования командировочных за границу работников по заданиям и в соответствии с целями комиссии»¹⁶⁹.

Этим заявлением Наркомпрос, как, впрочем, и власть в целом, пытались внушить твердую уверенность: вот на что уже вскоре может пойти валюта, полученная от продажи произведений искусства. Станет же это возможным только потому, что страна начала выходить из напряженнейшей экономической ситуации. Завершение выполнения пятилетнего плана, на что и ушли все имевшиеся у государства средства, необычайно близко.

Во всяком случае, о том свидетельствовала XVII партийная конференция, открывшаяся 30 января 1932 года. На ней наконец обсудили уже не только планы либо ход строительства – подводились первые, пусть еще всего лишь промежуточные, но все же итоги. И они оказались достаточно внушительными.

Обозначились контуры национальной индустрии. Ясно стало и то, что валюта, с таким трудом любой ценою добывавшаяся все это время Внешторгом, не брошена на ветер, не потрачена впустую. Она помогла достичь – по оценке самой Лиги Наций – всего за четыре года удвоения роста промышленного производства. Возникла и даже заработала классическая производственная цепочка, начинавшаяся добычей угля, руды, нефти и завершавшаяся ныне вполне осязаемыми и зримыми предприятиями, машинами, станками.

В 1925 году в Советском Союзе для собственного сельского хозяйства обширной крестьянской страны произвели всего 469 тракторов, да еще 8 137 привезли из-за рубежа. А к 1 января 1932 года два из трех заводов, Сталинградский и Харьковский, заработавшие пока далеко не на полную мощность, выпустили уже 41 280 тракторов. К тому же завод сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону, также не заверченный, выпустил 3,5 тысячи комбайнов.

В 1925 году в стране произвели 80 грузовиков. Шесть лет спустя с конвейеров Московского и Нижегородского заводов, еще работавших только на треть проектной мощности, сошли 20 тысяч автомобилей, грузовых и легковых, для города и деревни.

Надежно действовала и середина цепочки – два гиганта машиностроения в Свердловске и Краматорске, завод револьверных станков в Москве, фрезерных – в Нижнем Новгороде, Ижорский завод, на котором построили для металлургических комбинатов два блюминга, четыре разливочных машины, начали производство крекинг.

Сталь для них поставляли модернизированные, а фактически построенные заново, оснащенные новейшим оборудованием заводы московский «Серп и молот», ленинградский «Красный путиловец», Мариупольский, Златоустовский, Верхисетский,

Ижевский, Челябинский. А чугун они получали с первых запущенных домен Магнитогорского, Кузнецкого, Запорожского комбинатов.

Не забыли и о том, что намеревались завершить в текущей пятилетке, но отложили на следующую, вторую: о Луганском паровозостроительном заводе, Челябинском тракторном, Харьковском турбинном, Уральском химического машиностроения, химических комбинатах в Бобриках и Березняках, Чернореченске и Воскресенске.

Но ни разу не упомянули об ином: о цене индустриализации. Может быть, именно потому, что слишком хорошо знали ее; знали и понимали – она оказалась не столь уж высокой.

Под занавес

Новый, 1932 год ознаменовался для Эрмитажа необычным событием. 29 января «Антиквариат» впервые вернул музею ранее изъятые у него картины – и не какие-либо «второстепенные», не заинтересовавшие никого за рубежом, а общепризнанные шедевры: «Аман во гневе» и «Портрет молодого человека» Рембрандта, «Мария с Христом и безбородым Иосифом» Рафаэля. Формально, как значилось в акте передачи, картины возвращались «на временное хранение», но, главное, «с правом передачи в экспозицию». Иными словами, сотрудники Эрмитажа могли эти три холста не только выставить в залах для всеобщего обозрения, но и вновь включить в каталог картинной галереи.

На том возвращение художественных ценностей музею отнюдь не завершилось.

4 июля из «Антиквариата» в Эрмитаж поступило 99 картин, и в тот же день еще 36.

29 июля внешторговцы возвратили 110 образцов прикладного искусства и произведений живописи, среди последних оказались «Портрет супругов»

Лоренцо Лотто, «Старуха с Библией» и «Христос и самаритянки» Рембрандта, «Портрет ученого» и «Мужской портрет» Ван Дейка, «Вакханалия» и «Отдых в пути» Николя Пуссена, «Триумф Венеры» и «Туалет Венеры» Франсуа Буше – вещи воистину первоклассные, достойные украсить любое мировое художественное собрание.

Так, наконец, заработало постановление Политбюро от 28 июня 1931 года, которым Наркомату рабоче-крестьянской инспекции поручилось проверить все скопившееся на складах Внешторга, но так и не распроданное. Однако рука Политбюро не только начала давать, но и продолжала отбирать, хотя и не так много – ведь за индустриализацию, за выполнение пятилетнего плана все еще приходилось расплачиваться.

23 февраля высший партийный орган утвердил предложение В. В. Куйбышева (временно подменявшего Я. Э. Рудзутака в своеобразной «антикварной тройке»), А. П. Розенгольца и А. С. Бубнова:

а) Обязать Наркомпросс выдать в пятидневный срок 150 рембрандтовских гравюр из коллекции Мосолова «Антиквариату» на экспорт. Отбор произвести тт. Бубнову и З. Беленькому (заместитель наркома РКИ. – Ю. Ж.).

б) Обязать Наркомвнешторг вывезти указанные гравюры, согласно договору, в Германию с тем, чтобы в случае, если не удастся их реализовать по значительно повышенной цене против предварительно установленной по соглашению с фирмой, то в этом случае не продавать, а оставить за «Антиквариатом»¹⁷⁰.

Именно в такой, предельно детализированной форме, Политбюро и дало согласие на продажу. Оно загодя определило все, что только можно было предусмотреть: и то, что вся операция будет проходить под контролем представителя НК РКИ, и то, что сделка возможна лишь при условии появления цены более

высокой, нежели стартовая – предложенная Лейпцигской аукционной фирмой «К. Г. Бернер», с которой Внешторг уже не раз имел дело. Это показало, что хотя продажи музейных сокровищ пока еще и продолжаются, но вступили в новую фазу – теперь ни в коем случае не должны нанести ущерб стране, не в пример прошлому.

Несколько позже, 29 апреля, Политбюро по очередному предложению Розенгольца потребовало выдать из Эрмитажа тот самый фламандский гобелен XVI века, который был продан «Антиквариатом» чуть ли не год назад за 110 тысяч марок (55 тысяч золотых рублей)¹⁷¹. Согласно еще одному решению Политбюро, от 14 июня, Наркомпрос был обязан незамедлительно передать работникам Внешторга три холста Рембрандта (один из них, «Монах», принадлежал Музею изобразительных искусств, а два, «Пейзаж» и «Отречение Петра» — Эрмитажу)¹⁷². А тремя днями позже последовало новое категорическое указание: «Предложить т. Бубнову немедленно выделить союзному объединению «Антиквариат» картину художника Николя Пуссена «Триумф Амфитриты»»¹⁷³.

Расстаться сотрудникам Эрмитажа в 1932 году пришлось и с иными вещами из своих фондов, правда менее ценными с профессиональной точки зрения. Так, ушла крупная (693 предмета) партия произведений западноевропейского прикладного искусства XV—XVIII веков: оловянная средневековая посуда, серебряные канделябры, часы в бронзовых фигурных корпусах, разрозненные фарфоровые сервизы, табакерки, старинная французская и английская мебель.

Помимо этого передать Внешторгу пришлось и 20 рисунков, 31 гравюру и 183 картины различной ценности: от работ таких известных мастеров, как Тенирс («Жанр», «Деревенский пейзаж», «Музыкант», «Игра в карты», «Мужчина с кружкой»), Хе-

реманс («У корчмы»), дер Неер («Женский портрет»), Моленар («Завтрак», «Зимний пейзаж») до считавшихся второстепенными живописцев вроде Винтергальтера, Браувера и других.

Еще менее переживали сотрудники Эрмитажа, расставаясь в октябре с тем, что тогда не представляло для них ни малейшего интереса, — личными вещами Наполеона, захваченными после битвы при Ватерлоо: с печатью императора, малым крестом ордена Почетного легиона, дорожной туалетной шкапулкой, серебряным кофейным сервизом, шагагой с золотым эфесом, двумя пистолетами с его монограммой.

Всё это, как и очень многое иное, полученное ранее, Внешторг вынужден был спешно распродавать, лишь бы не возвращать обратно, в Ленинград и Москву, по настоянию Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, да ещё при этом и оправдываться за понесённые напрасно огромные накладные расходы. Самой удачной из таких заключительных и явно поспешных операций оказалась та, что провели в США при посредничестве мало кому тогда известного американского бизнесмена Арманда Хаммера, так и не сумевшего сколотить свой первый миллион в Советском Союзе, хотя ему и покровительствовал Кремль.

Вернувшись в декабре 1931 года на родину, Хаммер разослал по большим универсам Среднего Запада и Западного побережья письма, к которым прилагалась рекламная брошюра. В них он поведал доверчивым провинциалам, что якобы все десять лет жизни в Советской России только и занимался поиском и коллекционированием «сокровищ несчастной династии Романовых». Теперь же решил расстаться с ними на весьма выгодных для универсамов условиях, готов отдать им половину будущей прибыли. Предлагал, причем по весьма доступным ценам, то есть всего за несколько долларов, действительно

ходовой товар: небольшие иконы и рамки для фотографий, украшенные драгоценными камнями, занятые безделушки, разнообразные ювелирные изделия, среди которых преобладали, как утверждал Хаммер, работы фирмы Фаберже.

Первая же распродажа — в феврале 1932 года в Сент-Луисе пошла столь бойко, что универмаг продлил её с одного дня до недели. Затем своеобразный передвижной торговый дом Хаммера побывал в Чикаго и Лос-Анжелесе, Сан-Франциско и Питтсбурге, даже в Вашингтоне. Такому успеху, возможно, способствовал выход книги, написанной Хаммером с помощью известного журналиста Уолтера Люранти, несколько лет представлявшего в СССР газету «Нью-Йорк таймс» «В поисках сокровищ Романовых», ставшей первым вариантом биографии будущего нефтяного магната, и вместе с тем как бы ненавязчивым доказательством подлинности продававшихся вещей. Столь разнообразная и умелая реклама оправдала себя. Хаммеру более года удавалось легко сбывать залежалый товар «Антиквариата» доверчивым простофилям.

Правда о происхождении «коллекции» Хаммера выплыла лишь спустя полвека. «То, что Хаммер называл ювелирными изделиями, принадлежавшими русской императорской семье, — писал профессор истории Гарвардского университета Роберт Уильямс в научной монографии «Русское искусство и американские деньги», опубликованной в 1980 году, — на самом деле являлось фрагментами декора гостиниц, магазинов, монастырей, усадеб». Действительно подлинными, как выяснилось, оказались лишь пятнадцать пасхальных яиц, на самом деле работы мастеров ювелирной фирмы Фаберже. Когда же они разошлись, Арманд Хаммер начал получать от «Амторга» весьма искусные подделки, снабженные, правда, настоящими именными клеймами, попавшими ещё в 1916 году в ГОХРАН.

Несколько позже, опять же по решению Политбюро, Внешторг через «Межкнигу» продал известному нью-йоркскому букинисту Перлштейну 1 700 томов личной библиотеки Николая II: заурядные издания конца XIX – начала XX века, не имевшие ни научной, ни художественной ценности и представлявшие лишь мемориальный интерес.

Продолжал «Антиквариат» распродажи и на всех аукционах, где бы они ни происходили: в Германии и Великобритании, во Франции и Польше, Австрии и Финляндии, уже знакомых с художественными ценностями из Советского Союза, в Нидерландах, Италии, Швеции, Чехословакии, Швейцарии, где они появлялись впервые. Однако даже такая мера в условиях экономического кризиса не могла переломить дела к лучшему: так, если еще в 1931 году Внешторг смог получить от продажи предметов из советских музеев 9,5 миллиона золотых рублей, то в 1932 – всего 2,8 миллиона.

Основным рынком сбыта, как и прежде, оставалась Германия, дававшая до 90 % всех поступлений от художественного экспорта. Результаты продаж в остальных странах имели чисто символическое, отчетное значение, ибо выражались в ничтожных величинах – от одной тысячи рублей до 87 тысяч. При этом подобные сделки подчас являлись случайными (как, например, в Италии), и потому рассчитывать на их продолжение не приходилось. Во всяком случае, так утверждали работники римского торгпредства.

О разрастании кризиса в экспорте антиквариата отлично знали в Наркомвнешторге, но не подозревали в Эрмитаже. Его научных сотрудников серьезно беспокоило продолжение зарубежных аукционов. Они справедливо опасались, что все еще ничто не помешает внешторговцам возобновить свои притязания уже не на заурядные, а на лучшие произведения искусства, реликвии старины и исхитриться получить на то согласие Наркомпроса.

Особенно волновался сорокапятилетний заместитель директора Эрмитажа И. А. Орбели. Выпускник Петербургского университета, он давно посвятил себя изучению раннесредневековой истории Закавказья, дважды участвовал в археологических раскопках: в 1916 году – в районе озера Ван, на турецкой территории, занятой тогда русскими войсками, а в 1929 году – в советской Армении. Детально изучив все имевшиеся в Эрмитаже материалы, он завершал работу над монографией «Сасанидский металл» (которая выйдет в свет в 1935 году). Поэтому Орбели радел прежде всего за судьбу сасанидского серебра, слишком хорошо понимая: «Антиквариат», несмотря на два категорических отказа, все еще надеялся заполнить его для продажи.

Орбели, как в свое время С. Н. Тройницкий и Д. А. Шмидт, С. Ф. Ольденбург и В. Н. Лазарев, В. П. Невский и Б. В. Легран, решил обратиться к властям. Однако он решил отказаться от бесплодных писем непосредственному начальству, а, воспользовавшись многочисленными знакомствами, сумел передать свое послание лично Сталину и уже через полторы недели, 5 ноября, получил обнадеживающий ответ:

«Уважаемый товарищ Орбели!

Письмо Ваше от 25.X получил. Проверка показала, что заявка «Антиквариата» не обоснована. В связи с этим соответствующая инстанция обязала Наркомвнешторг и его экспортные органы не трогать сектор Востока Эрмитажа.

Думаю, что можно считать вопрос исчерпанным. С глубоким уважением И. Сталин»¹⁷⁴.

Возможно, что Сталин вполне искренне полагал, что «вопрос исчерпан». Ведь его просили оградить хранимое сектором Востока сасанидское серебро от малейших поползновений внешторговцев, и он выполнил просьбу. Ни о чем ином в письме Орбели речи не было, а значит, ничто больше сотрудников

Эрмитажа не беспокоит. Видимо, только потому Сталин и поддержал предложение, подготовленное все теми же Рудзутаком, Розенгольцем и Бубновым, но на этот раз при участии Молотова как своеобразного арбитра, ставшее 7 декабря 1932 года постановлением Политбюро. По содержанию оно распадалось на три части. В первой не только подтверждалась необходимость получать за счет продажи за рубежом художественных ценностей валюту, но и восстанавливалось право Наркомвнешторга изымать «уникальные предметы, не вошедшие в списки», которые никогда так и не были подготовлены:

«1. Утвердить выдачу антикварных ценностей на сумму 2.804.533 рубля.

2. Учитывая, что выделенные реализационные фонды антикварных предметов не обеспечивают полностью плана на конец 1932 года и на 1933 год, предложить «Антиквариату» немедленно приступить к переговорам о продаже уникальных предметов, не вошедших в списки, с окончательным решением вопроса в каждом отдельном случае в комиссии по внешнеторговым вопросам.

3. Разрешить «Антиквариату» производить реализацию антикварных ценностей в кредит под гарантию первоклассных банков, сроком не более одного года при условии получения наличными 20—30 процентов».

Еще один раздел постановления устанавливал смещение продаж из-за рубежа внутрь страны, через систему магазинов «Торгсин» («Торговля с иностранцами»), ведших торговлю за валюту и драгоценности.

«4. В плане Торгсина выделить отдельной статьей реализацию антикварных ценностей, возложив ответственность и руководство этим делом на «Антиквариат». Расширить и улучшить ассортимент антикварных предметов в Торгсине. Организовать там продажу картин современных русских художников,

в последнем случае разрешить выплачивать владельцам картин до 20 процентов вырученной суммы бонами и одновременно выдавать экспортные премии совзнаками, о размерах таковых премий Наркомвнешторгу договориться с Наркомфином. Разрешить Торгсину принимать на комиссию для продажи иностранцам от учреждений и частных лиц антикварные вещи. Порядок оплаты этих вещей после продажи установить специальной инструкцией Наркомвнешторга.

Пятый пункт постановления предусматривал передачу всех монет и медалей, которыми располагала Советская филателистическая ассоциация, «Антиквариату». Наконец, последний пункт еще раз подтверждал ранее установленные права заместителя главы правительства СССР в решении любых проблем, связанных с судьбой произведений искусства, предназначенных для экспорта:

«6. Поручить т. Рудзутаку решать от имени Политбюро все спорные вопросы между Наркомвнешторгом и другими ведомствами об антикварных ценностях»¹⁷⁵.

Тем самым постановление Политбюро не только не ликвидировало угрозу дальнейших изъятий из музейных собраний, но фактически предоставило «Антиквариату» возможность требовать, как и прежде, выдачи ему для экспорта уникальных вещей. Это породило в Эрмитаже очередной всплеск беспокойства и озабоченности, на этот раз — у заведующей сектором западноевропейского искусства Т. Л. Лиловой, которая прежде других могла лишиться доверенных ей произведений.

Для начала она обратилась строго к директору и как наиболее веский аргумент политического характера использовала неизбежность разрушения только что созданной под ее руководством принципиально новой, «марксистской» экспозиции:

«Настоящим ставлю Вас в известность, что последний отбор музейных ценностей, сделанный

«Антиквариатом» на новых марксистских экспозициях, наносит непоправимый ущерб этим экспозициям. Одну разрушая почти совершенно, другую искривляя таким образом, что она теряет чрезвычайно много в своей убедительности.

Наиболее сильный удар наносится самой показательной из реконструированных частей сектора Западноевропейского искусства – выставке французского искусства эпохи разложения феодализма и буржуазной революции. Выставке, которой Эрмитаж уделил чрезвычайно много сил и средств, дающей наиболее близкое марксистской решение новой экспозиции. Выставка эта вызывает живейший интерес как у нас в СССР, давая наглядное понятие об истории классовой борьбы в образной форме искусства буржуазии и дворянства в эпоху разложения феодализма, а также служит источником громадного мастерства для наших художников, работающих над использованием старого культурного наследия отживших классов...

В Эрмитаже это наиболее посещаемая, наиболее любимая часть музея. Идя навстречу многочисленным запросам зрителей, Эрмитажем разработано и напечатано пособие по этой выставке в виде специальной книги, в которой дан подробный анализ целого ряда произведений искусства, находящихся на выставке, в том числе и намеченных к продаже в настоящее время «Антиквариатом» (например, мраморный бюст идеолога революционной буржуазии Бюффона работы Гудона – совершенно исключительный по выразительности и мастерству).

С осуществлением намерений «Антиквариата» не только будет нанесен громадный ущерб данной экспозиции, но также будет разрушено само понятие комплекса, так как уйдет вся наиболее характерная и качественно высокая культура XVIII века и целый ряд первоклассных образцов прикладного искусства. В намеченный список входят: три мраморных бю-

ста крупнейшего скульптора второй половины XVIII века Гудона: бюст Бюффона, бюст молодой девушки, бюст Марии Антуанетты; Лемуан – бюст молодой девушки (единственная вещь Лемуана в Эрмитаже); Пажу – бюст графини Дюбарри (необычайно характерный экспонат, ничем заменен быть не может); Фальконе – обнаженная девушка (небольшая мраморная статуэтка исключительно высокого качества, единственный маленький мрамор); Клодион – «Женщина с ребенком», терракота; «Матиренок», терракота; Буазо – «Сидящая девушка», мрамор; Бушардон – «Фавн с птицами», парная, бронза; два слона с сидящими мальчиками, мейсенский фарфор в бронзовой оправе, Франция, XVIII век... (всего Лилова перечислила двадцать семь предметов. – Ю. Ж.).

Необходимо принять во внимание, что еще во время устройства выставки «Антиквариатом» были изъяты и проданы такие шедевры французского искусства, как знаменитая «Диана» работы Гудона, картина Шардена «Мальчик, строящий карточный домик», картина Ватто «Меццетен», Ланкре «Лето».

Кроме того, в течение последнего года уже с выставки были изъяты стол французской работы середины XVIII века в великолепной бронзовой оправе, комод китайского лака французской работы середины XVIII века в великолепной бронзовой оправе, комод китайского лака французской работы середины XVIII века, две акварели французского художника Моро-младшего, большое количество первоклассной бронзы, целый ряд превосходных рисунков Грёза, Буше и других, картина Пуссена «Амфитрита». Все это нанесло огромный качественный ущерб эрмитажному собранию французского искусства, которое занимало и, несмотря на все, продолжает занимать одно из первых мест в мире после Лувра...

Уход намеченных «Антиквариатом» вещей делает невозможной эту задачу (создание экспозиции,

посвященной истории классовой борьбы в образной форме искусства. – Ю. Ж.), так как это собрание превратится в ряд отдельных, не связанных между собой вещей.

Непоправимый удар отбор «Антиквариата» наносит также выставке феодализма, в которой центральное ядро составляют французские экспонаты. Эта выставка недавно понесла огромные потери в связи с уходом шести важнейших романских и раннеготических реликвариев. Намеченные же сейчас к выдаче – ларец святой Валерии лиможской эмали французской работы XII века (самый замечательный экземпляр из имеющихся во всем мире); серебряная фигура дьякона французской работы XII века, совершенно уникальная и единственная оставшаяся фигура романской эпохи; крест процессиональный лиможской эмали, французской работы XIV века, представляющий наиболее характерную отрасль романской художественной промышленности; водолей в виде охотника XII века, наилучший по сохранности экземпляр из всех шести имеющихся в мире экземпляров водолея.

Уход этих вещей с выставки феодализма лишит ее наиболее высоких образцов художественной промышленности искусства эпохи феодализма.

Кроме того, «Антиквариатом» намечены (к изъятию. – Ю. Ж.) ряд вещей из золота, находящегося в Особой кладовой, среди которых находится такая совершенно исключительная вещь, как подвеска в виде корабля из изумруда испанской работы, около 1500 года, представляющая выдающийся интерес по форме и художественной отделке, а также по качеству изумруда, вероятно, вывезенного из Америки ее завоевателями. Других предметов такого рода в Эрмитаже нет...»¹⁷⁶.

Лиловая писала напрасно: ее протест так и не ушел дальше директорского кабинета. И все же тогда «Антиквариату» пришлось несколько ослабить

свой натиск – не из-за позиции искусствоведов, ничего не значившей по сравнению с только что принятым постановлением Политбюро, а по многим иным причинам.

Главной из них стал состоявшийся в середине января 1933 года объединенный пленум ЦК – ЦКК партии, объявивший о завершении выполнения пятилетнего плана – досрочно, за четыре года и три месяца. И в том не было никакого обмана, подтасовки. Просто не стали уточнять, что этого смогли добиться не только ценой невероятных усилий всей страны, но и вынужденным сокращением количества намеченных изначально объектов.

Цели, поставленной в 1928 году и с тех пор регулярно подтверждавшейся, все же удалось достичь: модернизации экономики. Была создана «новая техническая база промышленности для реконструкции всего народного хозяйства», возведены и запущены (пусть пока и не на проектную мощность) предприятия из озвученного всеми газетами списка «ударных строек», а именно:

Магнитогорский, Кузнецкий металлургические, Уральский медеплавильный, Риддеровский полиметаллический, Волховский алюминиевый комбинаты;

Днепровская гидроэлектростанция;

Сталинградский, Харьковский, Челябинский тракторные, Саратовский комбайновый заводы;

Ростовский на Дону, Запорожский, Харьковский, Люберецкий заводы сельскохозяйственных машин;

Нижегородский, Московский, Ярославский автозаводы;

Луганский, Коломенский паровозостроительные заводы;

Московский, Нижегородский, Воронежский, Пермский, Рыбинский, Запорожский самолетостроительные заводы;

турбостроительные заводы (два в Ленинграде, один в Харькове);

Краматорский, Уральский, Ижорский, Днепропетровский заводы по производству оборудования для черной металлургии;

Горловский, Новосибирский, Подольский, Бакинский заводы по производству оборудования для топливной промышленности;

московские, ленинградский, нижегородские станкостроительные заводы.

Сообщили на пленуме и об ином: полностью ликвидирована безработица; число учащихся в начальных школах возросло с 10 миллионов в 1928 году до 19 миллионов, в средних школах — с 1,6 до 4,3 миллиона, в техникумах и на рабфаках — с 0,2 до 1,4 миллиона, в высших учебных заведениях — с 0,1 до 1,4 миллиона.

Уже только этим можно было по праву гордиться, но это было лишь начало. Теперь — во вторую, третью, а может, и в четвертую пятилетки — предстояло завершить то, что предполагалось успеть всего за пять лет, — создание самодостаточной экономики. Но пока индустриализация еще не завершилась, приходилось продолжать импорт очень многого. Даже в 1932 году закупались за рубежом, хотя и в гораздо меньших, нежели прежде, размерах, алюминий, никель, олово, медь, свинец, цинк, белая жель, прокат, качественная сталь, проволока, трубы, алмазы, бурильные установки, подъемные краны, кино- и фотопринадлежности, медицинские инструменты, пишущие машинки, арифмометры, танкеры, сухогрузы и рейдовые буксиры для торгового флота, сторожевые суда для пограничных войск, даже машины для производства кукурузных хлопьев.

Необходимо было создавать, причем как можно быстрее, и оборонную промышленность. Подталкивала к тому вполне реальная угроза возникшей на Дальнем Востоке военной опасности. Еще в сентяб-

ре 1931 года японские войска оккупировали северо-восточные провинции Китая, а спустя шесть месяцев создали полностью контролируемое из Токио марионеточное государство Маньчжоу-Го. Следующим шагом, как полагали в Лондоне и Нью-Йорке, Париже и Нанкине, станет вторжение Японии на территорию советских Забайкалья, Приморья, Северного Сахалина, Камчатки, как то уже было в 1920 году.

Но к войне СССР не был готов. И. С. Уншлихт (до 1931 года являвшийся заместителем наркома по военным и морским делам, а затем направленный в ВСНХ и позже в Госплан для организации оборонной промышленности) вынужден был в конце 1932 года констатировать: «При нынешней организации производства объявление войны вызвало бы громадное напряжение в экономике. Это является следствием того, что промышленность СССР проводила в первую пятилетку подготовку к обороне в основном только по линии военных производств»¹⁷⁷.

Уншлихт доказывал, что строительства оборонных предприятий и цехов, даже появления их первой продукции еще недостаточно. Да, произошло удвоение выпуска самолетов (с 899 в 1930 году до 1732 в 1932 году), производство танков возросло почти в двадцать раз (со 170 в 1930 году до 3308 в 1932 году), но пока они ни в малейшей степени не отвечали мировому уровню. Требовались дальнейшие усилия для создания самых современных образцов, причем в количестве значительно большем, нежели удалось уже добиться.

Для этих целей в 1932—1933 годах советские внешнеторговые организации вынуждены были подписывать соглашения с западными фирмами, приобретая у них рабочие чертежи, образцы новейшей военной техники: у французских «Гном», «Рон», германской «БМВ» — авиамоторов; у германских «Круп», «Юнкерс» — артиллерийских орудий, само-

летов; «Цейсс» — оптических прицелов для пушек; у итальянской «Ансальдо» — эсминца-лидера и крейсера; у британских «Джей Ви Эс» — подводной лодки «Виккерс» и танка; у американской «Кертис-Райт» — самолетов.

За все, разумеется, приходилось платить валютой. А доставать ее нужно было, используя лишь возможности экспорта и с учетом трудностей, порожденных продолжающимся мировым кризисом, экономическим спадом.

Политбюро пришлось сохранить прежние по размерам задания Наркомвнешторгу. Во второй половине 1932 года, когда завершалась первая пятилетка, требовалось получить за счет вывоза 286 миллионов золотых рублей, а только в первом квартале 1933 года, с началом выполнения второго пятилетнего плана, — более 100 миллионов. Львиную долю дохода от экспорта теперь приносили нефть и нефтепродукты, золото, платина, пушнина — вечные ценности. Но приходилось помнить и обо всем ином, что можно было продать. В том числе и об антиквариате.

Правда, трезвая оценка положения дел на рынке заставила руководство Внешторга сократить дальнейшее изъятие из музеев до минимума и постепенно начать свертывание торговли художественными ценностями за рубежом. Для начала из числа имеющих экспортное значение исключили почти треть находившегося на складах торгпредства в Германии произведений искусства — на 2—3 миллиона рублей; большую их часть, на 2 миллиона, возвратили в Ленинград. Предполагалось, что оставшееся, оцененное в 5,1 миллиона рублей, удастся продать в недалеком будущем. Однако от таких намерений вскоре пришлось отказаться.

22 июня 1933 года полицейско-президиум Берлина издал постановление, запрещающее всем иностранным представительствам выставлять что-либо на продажу с аукционов по всей Германии. Это решение

новых, нацистских властей и положило конец сбыту за рубежом вещей из советских музеев. Уже в том же году снятие с экспорта и возвращение в СССР произведений искусства на сумму в 3,8 миллиона рублей позволило снизить их остаток на складах торгпредства до 1,8 миллиона, а к концу 1934 – довести его всего до 700 тысяч рублей.

К счастью, «американская операция», как называли в документах «Антиквариата» продажу картин для Меллона, позволила еще в сентябре 1931 года выплатить весь долг «Кунстаукционхауз Рудольф Лепке», составлявший на тот момент 1,1 миллиона марок (550 тысяч золотых рублей). Так что уход Внешторга с германского антикварного рынка не сопровождался никакими финансовыми претензиями.

Однако угроза внезапного изъятия наиболее ценных произведений искусства все еще сохранялась. К тому же сотрудников Эрмитажа никто и не подумал информировать о происходящем в советской внешней торговле. И Т. Л. Лиловая решила снова воззвать к власти. На этот раз, используя опыт своего коллеги Орбели, она обратилась непосредственно к Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович.

обращаюсь к Вам, так как только Вы один можете помочь мне в моем деле.

Я ведаю сектором Западноевропейского искусства в Государственном Эрмитаже. «Антиквариат» в течение пяти лет продает предметы искусства из этого сектора. Пять лет я боролась за то, чтобы продавали второстепенные вещи, но последние три года продаются, главным образом, первоклассные вещи и шедевры. Самое же последнее время идут почти исключительно шедевры и уника. Продано за это время вещей из моего сектора на сумму не меньше 27.000.000 миллиона золотых рублей (Лиловая в данном случае указывает оценку, сделанную экспертами самого музея, а не реаль-

ную выручку. – Ю. Ж.). Сейчас продают страшно дешево, например, из трех имевшихся в Эрмитаже картин Рафаэля две уже проданы два года назад: одна, «Георгий», за 1.250 тысяч рублей, и другая – «Мадонна Альба» – за 2.500 тысяч рублей. Сейчас берут последнего Рафаэля (остается сомнительная картина, которую «Антиквариат» возил за границу и не продал) – «Мадонну Констабиле», причем «Антиквариат» ценит ее только в 245 тысяч рублей.

По моим подсчетам, в Эрмитаже осталось вещей, которые можно сейчас продать, никак не больше чем на 10.000.000 рублей золотом, но мои оценки «Антиквариат» понижает обыкновенно по крайней мере в два раза. Но тогда в Эрмитаже не останется ни одного шедевра и Эрмитаж превратится в громадное собрание произведений искусства среднего достоинства, в громадное тело без души и глаз. Между тем, если сейчас запретить им продавать шедевры, мы сумеем сохранить музей первоклассного достоинства. Необходимый нам как громадный политико-просветительный фактор в деле воспитания непрерывно растущих культурно широких масс и необходимейшее пособие для воспитания наших художников, работающих над усвоением достижений культуры отживших формаций. Нужно полагать, что пролетариат, строящий первое в мире социалистическое государство, имеет право на изучение культурного наследия на первоклассных образцах. Ведь никому не придет в голову изучать философию или историю классовой борьбы без Маркса или Энгельса. Все понимают, что если изъять эти имена из 19 века или Ваше и т. Ленина из 20-го, то никакой истории и философии, полезной для пролетариата, не получится, а в вопросе культурного наследия думают легко обойтись без таких гигантов, как Леонардо да Винчи, Рафаэль, Рембрандт, Рубенс и Тициан, и без зазрения совести продают их.

Очень прошу Вас вмешаться в это дело и остановить ретивых продавцов. Пусть лучше организуют как следует продажу рядовых вещей, которую они совершенно забросили.

Необходимо вмешаться сейчас же, так как теперь они продают уже последние шедевры. В последнем полученном мною приказе находятся картины, уход которых обезглавливает собрание голландского и итальянского искусства, и собрание драгоценностей, и целый ряд самых лучших и редчайших произведений прикладного искусства. Если немедленно не остановить их, то потом будет поздно»¹⁷⁸.

Письмо дошло до адресата. Сталин прочел его и передал для подготовки решения А. И. Стецкому, своему новому соратнику. Тридцатисемилетний профессиональный партийный работник с высшим образованием, Стецкий в свое время окончил Смоленскую гимназию, учился в Петроградском политехническом институте, но не успел получить диплом из-за начавшейся революции и доучивался позже, после окончания Гражданской войны, в Институте красной профессуры. Редкая по тем временам высокая квалификация и предопределила его дальнейшую деятельность. В 1925 году Стецкий работал главным редактором газеты «Комсомольская правда», затем возглавлял отдел агитации и пропаганды Северо-Западного бюро ЦК и Ленинградского обкома партии, а с 1931 года, снова в Москве, руководил отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б).

Стецкий сразу же осознал опасность происшедшего, сумел понять он и то, почему именно так сложилась ситуация, а «Антиквариат» получил, по сути, бесконтрольные права. В октябре он вызвал Лиловую вместе с Леграном в столицу и преподобнейше расспросил их, получив в подтверждение их слов десятки документов. Проверив полученные данные, Стецкий подготовил проект решения Политбюро, утвержденное в заседании от 15 ноября:

«Об Эрмитаже.

Прекратить экспорт картин из Эрмитажа и других музеев без согласия комиссии в составе гг. Бубнова, Розенгольца, Стецкого и Ворошилова»¹⁵⁷.

Суть этого решения крылась не столько в грозном приказе «прекратить», сколько в новом составе комиссии, призванной решать отныне судьбу произведений искусства, хранившихся в советских музеях. Из нее был исключен А. Э. Рудзутак, и не только потому, что был переведен на должность председателя Центральной контрольной комиссии ВКП(б). Прежде, как член Политбюро, он мог оказывать давление на остальных членов «антикварной тройки», добиваясь от них, «всего лишь» членов ЦК, главного – получения валюты. Теперь подобную роль призван был играть совсем иной человек, К. Е. Ворошилов – бескомпромиссный соратник Сталина, выразитель взглядов его группы и теперь единственный член Политбюро в антикварной комиссии. В отличие от Рудзутака Ворошилов по своей основной должности наркома по военным и морским делам никогда не занимался вопросами экспорта, валютных накоплений. Потому-то его мнение (как, впрочем, и Стецкого) должно было выглядеть беспристрастным.

Скорее всего, именно такой расклад сил в новой по составу комиссии и привел к тому, что решение Политбюро от 15 ноября 1933 года стало окончательным и действительно полностью прекратило изъятие музейных ценностей. «Антиквариату» пришлось довольствоваться лишь накопленным ранее, превращая это в валюту. При посредничестве американской фирмы «М. Кнёдлер энд компани» он продал четыре картины: «Пир Клеопатры» Тьеполо – Национальной галерее штата Виктория (Мельбурн, Австралия), «Триумф Амфитриты» Пуссена – Художественному музею Филадельфии (США), «Отречение Петра» Рембрандта – Городскому музею Ам-

стердама (Нидерланды), диптих Ван Эйка «Распятие» и «Страшный суд» — нью-йоркскому Метрополитен-музею.

Кроме того, в том же 1934 году «Антиквариату» удалось заключить последние сделки в Германии. Национальный музей в Нюрнберге приобрел холст Платцера «Концерт», а кельнский «Вальраф-Рихардс музей» — «Портрет Ханса Шеленберга» кисти Бургмайера. Еще кое-какие картины малоизвестных художников «Антиквариат» довольно долго распродавал в различных странах Европы, так как стоимость их возвращения в Ленинград оказалась значительно больше себестоимости.

Но самую большую сенсацию породила продажа Советским Союзом в канун 1934 года Британскому музею за 100 тысяч фунтов стерлингов (миллион золотых рублей) знаменитого «Синайского кодекса» — самого древнего на то время полного списка Нового Завета. Эта рукопись была создана на греческом языке в IV веке нашей эры, найдена немецким исследователем Константином Тишендорфом на Ближнем Востоке, приобретена им за счет пожертвований российского правительства и после научной публикации преподнесена в дар Александру II.

«Синайский кодекс» был продан по самой высокой цене, к тому времени уплаченной за отдельную рукопись. Эта сделка долгие десятилетия считалась величайшей книжной покупкой, хотя и породила она необычайно разноречивые суждения.

Так, сэр Кеньон, сыгравший ведущую роль в приобретении Британским музеем кодекса, заявил: «Эта коммерческая операция... еще раз доказала приверженность англоязычных наций к Библии»¹⁵⁸.

Писатель же Олдос Хаксли, в те годы кумир читающей публики, к словам которого прислушивались многие, высказал прямо противоположное мнение. «Если вы, — писал он, — рассматриваете идолопоклонство как благо, тогда вы от всей души должны

приветствовать приобретение кодекса. Я склонен рассматривать идолопоклонство как явное зло»¹⁸⁰.

Американская газета «Нейшн» прокомментировала событие на свой лад: «Кремль, обменявший реликвию «опиума народа» на пятьсот тысяч добрых христианских монет (долларов. – Ю. Ж.) – весьма приличную сумму, поможет индустриализации России»¹⁸¹.

Непродуманная, зачастую неумелая, даже бессмысленная, а потому и плачевная по своим результатам деятельность сначала самого Внешторга, а затем и «Антиквариата» имела страшные последствия. Советские музеи, преимущественно Эрмитаж, за шесть лет лишились огромного количества своих экспонатов. Правда, больше всего – до двадцати тысяч – было утрачено предметов, на которые обычно экскурсанты не обращают внимания, равнодушно пробегая мимо: произведений прикладного искусства, археологических находок, рисунков, гравюр, миниатюр, монет, медалей. Ведь по-настоящему интересны они немногим специалистам да редким любителям.

Среди утрат есть и иное, хорошо знакомое, понятное многим и любимое миллионами людей: живопись. Потому попытаемся разобраться в том, какой же ущерб понесли музеи, а вместе с ними и страна, именно на примере их картинных галерей.

По неполным подсчетам «Антиквариат» сумел получить для вывоза за рубеж и сбыта там 2 730 картин западноевропейских мастеров. Однако почти половина из них так и не была продана – в Советский Союз вернулось 1 280 полотен. Навсегда остались за границей.

украсив там государственные музеи и частные собрания, 1 450 произведений живописи: портреты, жанровые картины, пейзажи, натюрморты. Чтобы даже предельно кратко описать их, потребуется каталог не в одну сотню страниц. И потому для понимания, оценки утрат возьмем только тех художников, чьи творения искусствоведы называли тогда и называют ныне шедеврами, и сопоставим, сколько их картин продано и сколько в Эрмитаже сохранилось.

БОТТИЧЕЛЛИ – продана одна, осталось две.

БОУТС – продана одна, не осталось ни одной.

ВАН ДЕЙК – продано семь, осталось тринадцать.

ВАН ЭЙК – продано три, не осталось ни одной.

ВЕЛАСКЕС – продана одна, осталось две.

ВЕРОНЕЗЕ – продана одна, осталось шесть.

ПЕРУДЖИНО – продана одна, осталась одна.

ПУССЕН – продана одна, осталось семь.

РАФАЭЛЬ – продано две, осталось две.

РЕМБРАНДТ – продано десять, осталось семь.

РУБЕНС – продано четыре, осталось шестьдесят

ТИЦИАН – продана одна, осталось две.

ТЬЕПОЛО – продана одна, осталось две.

Тридцать четыре бесспорных шедевра...

Именно их и лишился Эрмитаж: полностью утратил творения Дирка Боутса и Яна Ван Эйка, в значительной степени – Сандро Боттичелли, Диего Веласкеса, Пьетро ди Кристофоро Ваннуччи по прозвищу Перуджино, Рафаэля Санти, Тициана Веччелио ди Кодоре, Харменса Рембрандта Ван Рейна, Джованни Баттиста Тьеполо.

Потеря тяжелейшая, невосполнимая. И понесена она практически в итоге всего лишь двух продаж – Гульбенкяну и Меллону.

А что же страна получила взамен?

За все произведения искусства и реликвии старинные, проданные в течение шести лет, включая и шедевры, Внешторг получил приблизительно 25 миллионов

золотых рублей, или 12,5 миллиона долларов – возможно, несколько больше. Но все-таки он не сумел выполнить свое опрометчиво данное обещание – принести в казну государства только за счет экспорта антиквариата 30 миллионов золотых рублей.

Так был ли какой-либо смысл в этих распродажах?

Если просто подсчитывать выручку, сравнивать доход от продаж музейных ценностей с прибылью, которую дал вывоз нефти и золота, леса и платины, хлеба и пушнины, то следует признать: безусловно, экспорт антиквариата никак не оправдал возлагавшихся на него надежд.

Но можно оценить сделанное Внешторгом и по-иному.

Да, картины старых мастеров, фарфор и бронза, мебель и гравюры, рисунки и монеты, медали дали Советскому Союзу чуть больше одного процента всего дохода от внешней торговли. Однако эта на первый взгляд ничтожная сумма получена была в самые трудные для страны годы. Тогда решалась судьба индустриализации. Слова Сталина: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», — были произнесены в феврале 1931 года.

Через десять с половиной лет началась Великая Отечественная война. Германия напала на Советский Союз – и не в одиночку, как то было в 1939 и 1940 годах, когда вермахт за считанные недели сокрушил Польшу, Норвегию и Данию, Францию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург, вынудил британские войска поспешно бежать с континента. 22 июня 1941 года на Советский Союз обрушилась мощь всей покоренной нацистами Европы. Армии Третьего рейха и Италии, Финляндии, Румынии, Словакии, Хорватии, «добровольческие» легионы Норвегии, Нидерландов, Бельгии, Франции, даже формально нейтральной Испании.

Гитлер и его генералы самоуверенно полагали: война будет молниеносной, как и в Европе. До начала зимы германские войска непременно выйдут на линию

Архангельск – Астрахань, отторгнут, включив в состав Третьего рейха, Прибалтику и Белоруссию, Украину и Закавказье. А затем на советскую территорию вторгнутся японцы, захватив Дальний Восток, Забайкалье, Восточную Сибирь. И СССР будет раздавлен, уничтожен, прекратит существовать.

Гитлер и его генералы просчитались.

Красная армия устояла: остановила врага у стен Ленинграда и Москвы, разгромила в Сталинграде и на Курской дуге, изгнала со своей земли, из Восточной Европы, добила в Берлине. Над рейхстагом было водружено алое знамя.

Советский Союз победил потому, что за довоенные годы сумел, сразу же расплатившись со всеми внешними долгами, выполнить, пусть и не полностью, план индустриализации. Только благодаря тому была модернизирована слабая, предельно отсталая оборонная промышленность, созданы ранее не существовавшие отрасли – танковая, авиационная.

Во имя этого народ не только героически трудился, но и шел на невиданные жертвы, отказывая себе буквально во всем.

Одной из таких жертв и стал экспорт антиквариата – не ради чьих-то корыстных интересов, а ради того, чтобы успеть возвести металлургические комбинаты, заводы искусственного каучука, станкоинструментальные, моторостроительные, а уже на их базе – предприятия по производству танков, авиации и артиллерии, боеприпасов. Для этого и пришлось продать тысячи произведений искусства, исторических реликвий, в том числе и мировые шедевры.

Но страну спасли, сохранили. А вместе с ней спасены были и музеи с миллионами экспонатов, с сотнями мировых шедевров. Мы пожертвовали малым, дабы сохранить все остальное.

Кому принадлежит искусство?

- 1 Охрана памятников истории и культуры в России. XVII – начало XX в.: Сб. документов (далее Охрана...). М., 1978. С. 21.
- 2 Там же. С. 22.
- 3 Там же. С. 22—24.
- 4 Там же. С. 34—37.
- 5 Там же. С. 108.
- 6 Там же. С. 115.
- 7 *Врангель Н.* Продажа собраний П. В. Делярова // **Старые годы**. СПб. 1913. Ноябрь. С. 46—47.
- 8 Охрана... С. 112.
- 9 *Габилев Н.* Всероссийский съезд художников // **Старые годы**. СПб. 1912. Январь. С. 58.
- 10 Сектор рукописей Государственного Русского музея. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2079. Л. 40.
- 11 *Бенуа А.* Революция в художественном мире // **Речь**. 1917. 14 мая.
- 12 Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 8 марта.
- 13 Сектор рукописей Государственного Русского музея. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2031. Л. 5.
- 14 Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 794. Оп. 1. Д. 48. Л. 16—18.
- 15 *Горький М.* Американские миллионы // **Новая жизнь**. 1917. 8 (21) июня.
- 16 РГИА. Ф. 794. Оп. 1. Д. 48. Л. 16—18.

- 17 *Ростиславов А. Октябрьские события // Аполлон*. Пг. 1917. № 6—7. С. 80.
- 18 *Известия*. 1917. 7 ноября.
- 19 *Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6. М., 1962. С. 15.*
- 20 *Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии. 1917—1920. Рязань, 1957. С. 172.*
- 21 *Декреты Советской власти. Т. 111. М., 1964. С. 352—354.*
- 22 *Известия*. 1918. 5 ноября.
- 23 *Декреты Советской власти. Т. 111. М., 1964. С. 399—400.*
- 24 *Цит. по: Рохович Г. Внешторг // Известия. 1921. 6 января.*
- 25 *Там же.*
- 26 *Известия. 1921. 12 февраля.*
- 27 *Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 3. Д. 22. Л. 5.*
- 28 *Джером Д. Трое в лодке (не считая собаки). Л., 1959. С. 62—64.*
- 29 *Документы внешней политики СССР. Т. 111. М., 1959. С. 630.*
- 30 *Известия. 1922. 6 января.*
- 31 *Там же. 26 февраля.*
- 32 *ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 1. Д. 166. Л. 27—27 об.*
- 33 *Там же. Оп. 3. Д. 22. Л. 20, 27.*
- 34 *Там же. Оп. 9. Д. 47. Л. 31—31 об.*
- 35 *Весь Ленинград на 1931 год. Л., 1931. С. 161.*

Антиквариат — статья экспорта

- 36 *XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1928. С. 47.*
- 37 *Там же. С. 51, 55.*
- 38 *Преображенский Е.А. Новая экономика. М., 1926. С. 63.*
- 39 *Там же. С. 97.*
- 40 *XV съезд... С. 776.*
- 41 *Там же. С. 974, 980.*
- 42 *Там же. С. 980—981.*
- 43 *Там же. С. 984—985.*
- 44 *Там же. С. 1293, 1295.*
- 45 *Правда. 1927. 27 апреля.*
- 46 *Бакулин С. Внешняя торговля СССР // Советская торговля. 1928. № 50. С. 9.*
- 47 *Советская торговля. 1928. № 45—46, С. 9*
- 48 *XV съезд... С. 984.*
- 49 *Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 5240. Оп. 19. Д. 841. Л. 6—7.*
- 50 *Там же. Д. 840. Л. 134—134 об.*

- 51 Там же. Л. 123.
- 52 Там же. Л. 104 об.
- 53 Там же. Л. 8.
- 54 Там же. Л. 112.
- 55 Там же. Л. 45—47.
- 56 Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее: РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 162 (особая папка). Д. 4. Л. 48.
- 57 Документы внешней политики СССР. Т. XI. М., 1966. С. 59.
- 58 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 57. Д. 8. Л. 30—31.
- 59 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 14. Л. 11—11 об.
- 60 ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 12. Д. 14. Л. 11—11 об.
- 61 Собрание законов СССР. 1928, № 7, стр. 60.
- 62 ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 12. Д. 14. С. 58.
- 64 Рабочая газета. 1928. 1 апреля.
- 65 *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа (далее – *История...*). М., 200, С. 353.
- 66 РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 19. Д. 841. Л. 125—126.
- 67 Там же. Д. 842. Л. 55 об.—56.
- 68 Там же. Д. 841. Л. 14.
- 69 Там же. Д. 840. Л. 34.
- 70 Там же. Д. 841. Л. 51.
- 71 Там же. Л. 104—104 об.
- 72 Там же. Д. 842. Л. 53.
- 73 Там же. Д. 841. Л. 95, 138.
- 74 Там же. Оп. 9. Д. 243. Л. 7.
- 75 Там же.

Тайный список Гульбенкяна

- 76 *Преображенская Е.А.* Новая экономика. М., 1926. С. 101—102.
- 77 *Сталин И.В.* Собрание сочинений. Т. 12. М., 1950. С. 93.
- 78 Там же, т. 11. М., 1949. С. 158.
- 79 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 121.
- 80 *Осокина Е. А.* Антиквариат // Ежегодная экономическая история. 2002 год. М., 2003. С. 252; История... С. 420, 423.
- 81 Там же. С.
- 82 РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 243. Л. 10—12.
- 83 Там же. Л. 13.
- 84 Там же. Л. 26.
- 85 История... С. 420—422.
- 86 РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 308. Л. 4—5 об.

- 87 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 1645. Л. 2.
  - 88 Там же. Ф. 2307. Оп. 14. Д. 21. Л. 44.
  - 89 Еженедельник НКП. М., 1928. № 32. С. 5.
  - 90 РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 19. Д. 210. Л. 2—3.
  - 91 Там же. Оп. 9. Д. 243. Л. 2—3.
  - 92 Там же. Оп. 19. Д. 844. Л. 93—94.
  - 93 Там же. Д. 843. Л. 77—78 об.
  - 94 Там же. Д. 844. Л. 96 об.
  - 95 Центральный муниципальный архив Москвы. Ф. Р_г1. Оп. 1.
Д. 11. Л. 172 об.-173. Д. 12. Л. 4—4 об.
  - 96 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 107.
  - 97 Осокина Е. А., Указ. соч. С. 254—256.
  - 98 История... С. 431—432.
  - 99 Там же. С. 432—433.
  - 100 Там же. С. 434—435.
  - 101 Шестнадцатая конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1962. С. 8.
  - 102 ГАРФ. Ф. 374. Оп. 4. Д. 204. Л. 366—366 об.
  - 103 РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 19. Д. 846. Л. 183—184.
  - 104 РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 19. Д. 846. Л. 150.
  - 106 Там же. Л. 103.
  - 107 Там же. Л. 178.
  - 108 Там же. Л. 117, 155, 185.
  - 109 Там же. Л. 117.
  - 110 Там же. Л. 140.
  - 111 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 102.
- «Советская операция» Меллона**
- 112 Сталин И. В. Собрание сочинений. Т. 12. М., 1950. С. 60.
  - 113 Там же. С. 193, 198—199.
  - 114 Справочник партийного работника. М., 1934. С. 733.
  - 115 Сталин И. В. Собрание сочинений. Т. 13. М., 1951. С. 38—39.
  - 116 Там же. С. 39.
  - 117 Там же, т. 12, С. 121.
  - 118 РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 19. Д. 846. Л. 67—68.
  - 119 Там же. Л. 88—89.
  - 120 Там же. Л. 73.
  - 121 Там же. Л. 98—98 об.
  - 122 Собрание законов СССР. 1930. № 2. Ст. 24.
  - 123 РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 19. Д. 846. Л. 87.
  - 124 Там же. Л. 198—200.

- 125 Там же. Л. 56, 58, 60, 64, 91—92.
- 126 Там же. Л. 68.
- 127 Там же. Л. 18.
- 128 Там же. Л. 38, 41—41 об.
- 129 Там же. Л. 49.
- 130 Там же.
- 131
- 132 Там же. Л. 35, 84.
- 133 Там же. Л. 35.
- 134 Цит. по: *Уильямс Р.* Русское искусство и американские деньги. 1900—1940 (на англ. языке). Кембридж, Массачусетс, 1980. С. 159—160.
- 135 Там же.
- 136 Там же. С. 160.
- 137 *Осокина Е. А.* Указ. соч. С. 257—258.
- 138 История..., С. 448.
- 139 *Осокина. Е. А.*, С. 259.
- 140 История... С. 449.
- 141 РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 19. Д. 846. Л. 24—24 об.
- 142 *Осокина. Е. А.* С. 260.
- 143 История... С. 460.
- 144 Там же. С. 458—459.
- 145 Там же. С. 460.
- 146 Там же. С. 459.
- 147 Собрание законов СССР. 1930, № 53, С. 1031.
- 148 История... С. 461.
- 149 Там же.
- 150 Там же. С. 462.
- 151 Там же. С. 468.
- 152 Там же. С. 469.
- 153 Там же.
- 154 Там же. С. 428—431.
- 155 Материал любезно предоставлен К. А. Акиншей.

Цена индустриализации

- 156 Шестнадцатая конференция ВКП(б)... С. 657—666.
- 157 XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). **Сте-**
нографический отчет. М., 1930, С. 201.
- 158 История... С. 384, 447—450.
- 159 Там же. С. 381.
- 160 Там же. С. 383.
- 161 Там же. С. 384.

- 162 Там же. С. 387.
163 Там же. С. 435—436.
164 Сталин И.В. Собрание сочинений. Т. 13. М. 1951. С. 39.
165 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 12.
166 История,... С. 391—393.
168 РЦХИДНИ. Ф. 17, Оп. 162. Д. 10. Л. 103.
167 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 103.
169 Бюллетень НКП РСФСР. М., 1931. № 13. С. 31—32.
170 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 187.
171 Там же. Д. 12. Л. 116.
172 Там же. Л. 183.
173 Там же. Д. 13. Л. 43.
174 Уильямс Р. Русское искусство и американские деньги. 1900—1940. Кембридж, Массачусетс, 1980, С. 221.
175 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 25.
176 История... С. 440—444.
177 Цит. по: Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы. М., 1996. С. 88.
178 История... С. 439—440.
179 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 129.
180 Дойель Л. Завещанное временем. Л., 1980. С. 310—311.
181 Там же. С. 312.

От автора	5
КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ИСКУССТВО?	
Истоки	11
Надежды и свершения.....	26
Первый сбой	46
По краю пропасти	62
АНТИКВАРИАТ — СТАТЬЯ ЭКСПОРТА	
Партия определяет новый курс	77
Инициатива актрисы Андреевой.....	92
Над поверженным врагом	106
Коготок увяз.....	120
ТАЙНЫЙ СПИСОК ГУЛЬБЕНКЯНА	
Курс Сталина.....	139
Пророчество Кассандры	154
Разочарования и надежды.....	172
Не качество, так количество	188
«СОВЕТСКАЯ ОПЕРАЦИЯ» МЕЛЛОНА	
Между Сциллой и Харибдой.....	207
Всё на продажу	219
Лазейка № 1. Галуст Гульбенкян.....	236

Лазейка № 2. Эндрю Меллон	246
Крик души	258
ЦЕНА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ	
В тупике?	273
Решает Политбюро	291
Под занавес.....	302
Эпилог	324
Примечания.....	328

Массово-политическое издание

ЖУКОВ Юрий Николаевич
Сталин: операция «Эрмитаж»

Ведущий редактор

Л.К. Лузгина

Редактор

В.М. Гаспаров

Художественный редактор

С.А. Виноградова

Оператор компьютерной верстки

Е.В. Абрамова

Оператор компьютерной верстки обложки
и блока иллюстраций

Е.В. Мелентьева

Корректоры

З.М. Данилова, Е.В. Мартынова

Подписано в печать

19.07.2005

Формат

84×108/32

Тираж 7000 экз.

Заказ № 2010

ЗАО "Вагриус"

107150, Москва, ул. Ивантеевская, д. 4, корп. 1

E-mail: vagrius@vagrius.com

Информация об Издательстве в Интернете:

<http://www.vagrius.com>; <http://www.vagrius.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Государственном Московском предприятии

«Первая Образцовая типография»

Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

115054, Москва, Валовая, 28.

Жуков Юрий Николаевич (1938),
доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник Института российской
истории РАН. Автор восьми монографий
по истории СССР.

Правильный идеал по доступным ценам
www.Делократ.ru
КНИГИ, ФИЛЬМЫ, МУЗЫКА
для тех, кто не привык думать
(426) 506-01-18 (812) 224-53-31 - др. филиалы
Доставка по всей России и зарубежью

В книге «Сталин: операция "Эрмитаж"» автор продолжает разоблачение уже устоявшихся в массовом сознании мифов о событиях, происходивших в СССР в 20–50 гг. прошлого столетия (этой теме посвящены также вышедшие ранее работы «Иной Сталин» и «Сталин: тайны власти»). На сей раз предметом для анализа Ю.Жуков избрал распространённый тезис: «Большевики разграбили и распродали бесценные сокровища царской России».

Используя архивные документы, автор доказывает, что продажа за границу предметов искусства и антиквариата (вовсе не в массовом порядке) была мерой вынужденной и послужила одним из источников финансирования форсированной индустриализации страны. И валюта от продажи художественных шедевров – картин Рафаэля и Рембрандта, Рубенса и Веласкеса – шла не на личные счета советских чиновников, а на восстановление народного хозяйства, модернизацию промышленности, создание мощной оборонной индустрии.

В 1931 году Сталин сказал: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Через десять лет началась Великая Отечественная война, из которой Советский Союз вышел победителем...

